

DUNGEONS & DRAGONS®

FORGOTTEN REALMS®

ЧУМА ИЗ БЕЗДНЫ

БРЮС Р. КОРДЕЛЛ

**МЕЧ
БОГОВ**

Тебя убьют то, о чём ты не ведаешь...

Демаскус очнулся в окружении трупов, в храме, хранящем следы демонических ритуалов, ничего не помня о своём прошлом. Но Клика Огненного Смерча о нём помнит — и у демона, руководящего Кликой, есть причины мстить Демаскусу. Уклоняясь от ножей, сражаясь с демонами и раскрывая подробности своей жизни, Демаскус должен определить, кто же он такой, в каких битвах ему сражаться и кто именно охотится за ним.

...

*Где-то на Фаэруне
Год Бушующих Штормов (1374 ЛД)*

Пламя свечей в тайном мавзолее трепетало, и на гранитных стенах плясали пугающие тени. Калкан до сих пор не мог привыкнуть к виду своего дрожащего силуэта. Его покрытая грубой шерстью голова с вытянутой мордой и кошачьими ушами была увенчала двумя кривыми рогами, но даже настолько чудовищная внешность не могла в полной мере передать всю гнусность того, во что он превратился.

Тень его спутника представляла собой лишь размытую массу кружащихся призрачных черепов, нашептывающих ложные обещания. Этот дрожащий абрис имел мало общего с худошавым, темноглазым и бледнокожим юношей, но Калкан знал правду.

— Он здесь? — спросил юноша.

— Его оболочка — да, — ответил Калкан. — Она обращается в прах, как у простого смертного, однако уже сейчас его дух летит к следующему воплощению.

— Утратив все воспоминания о своих деяниях, — произнёс спутник Калкана звенящим от гнева голосом.

— Именно так, — Калкан подождал, пока он не подойдёт ближе. Юноша прекрасно знал, кто именно покоится в каменной могиле. Выбитая на саркофаге эпитафия гласила:

*Агент Рока
Эмиссар Божественного Правосудия
Разрезающий Нити Судьбы
Ты умер так, как жил, и будешь жить опять
Демаскус, Меч Богов.*

По спине Калкана пробежала дрожь. Эти слова не являлись пустой похвальбой. Будучи на пике могущества, Демаскус обладал ужасающей силой. Калкан прекрасно помнил тот раз, когда впервые выследил его.

Десять дней он провёл в небольшой пещере возле оврага, в котором находилось логово чудовища. Ожидание навевало на него невыносимую скуку, которая сменялась приступами ужаса, когда он задумывался над тем, что монстр в любой момент может его учуять.

Наконец его бдение подошло к концу. Небеса расколола молния, и от звуков последовавшего за ней грома Калкан едва не лишился чувств. В образовавшемся на земле обугленном пятне стоял Демаскус. Его белоснежные волосы развевались на ветру. Кожа его была бледной, чёрные глаза напоминали бездонные провалы, а на руках виднелись сложные узоры, похожие на вплавленные в плоть полосы пепла.

Демаскус не заметил Калкана; всё его внимание было приковано к тому существу, которое, выпрямившись, показалось из оврага. Оно являлось чудовищным отпрыском бога и демона — тварью, которая не имела права появляться на свет. Демаскус прибыл сюда, чтобы никто и никогда не узнал о неосмотрительном проступке божества.

Монстр вздыбился, словно дракон в полёте. Его покрытую струпьями голову окружало облако парящих в воздухе кристальных кинжалов, когтистые лапы могли с лёгкостью раздавить целый дом. Нижнюю часть его тела окутывал туман, в котором мерцали призрачные огни.

Когда Демаскус и монстр сошлись, прогремел взрыв. Калкана отбросило назад. Он всхлипнул, спрашивая себя, во что же умудрился ввязаться. У него не было *ни единого* шанса исполнить свой обет и «справиться» с Демаскусом. Тот обладал такой силой, что смешно даже думать о том, что...

На склоне воцарилась тишина. Заставив себя подняться на ноги, Калкан заглянул за грудку исходящих жаром валунов, которые взрыв расшвырял в стороны, словно бусины.

Отсечённая голова полудемона лежала на скале, вокруг неё расплывалась лужа крови. Нижней части его тела не было видно — судя по всему, она рухнула обратно в окутанный туманом овраг.

В глазнице чудовища торчал огромный клинок Демаскуса, который пронзил череп насквозь и вошёл в камень. Однако сам победитель полудемона пребывал не в лучшем состоянии, чем его жертва. Судя по всему, для того, чтобы получить возможность атаковать монстра, ему пришлось пройти сквозь облако острейших кристальных кинжалов. Он осознанно пошёл на смерть, причём на весьма болезненную смерть. Всех его знаменитых артефактов и навыков оказалось недостаточно, чтобы его спасти. Глазами, широкими, словно блюдца, Калкан взирал на открывшуюся ему картину. Внезапно меч Демаскуса ослепительно вспыхнул, словно рассветное солнце.

Когда сияние угасло, и меч, и тело, и знаменитые магические артефакты исчезли. Остался только труп убитого им чудовища и сам Калкан.

Изогнув губы в беззвучном рыке, Калкан отбросил воспоминания в сторону. Именно *здесь* находилось то место, где тело Демаскуса оказывалось каждый раз, когда ради исполнения долга ему приходилось идти на верную гибель. Если бы отыскать его нынешнее воплощение было так же просто, как его останки!

— До того, как он пришёл в этот мир, он имел полную свободу действий, — задумчиво произнёс спутник Калкана. — Никто за ним не следил. У него было больше силы, чем дозволено такому, как он.

— Но не на Ториле, — произнёс Калкан, оскалив клыки.

— Нет, не на Ториле, — согласился юноша. — И всё благодаря тебе, Калкан Мечеломатель, и той клятве, которую ты принёс. Это беспокоит тебя, не так ли? Твои новые... страсти? Следуя воле богов, ты превратился в нечто чудовищное.

Калкан зарычал — частично от злости, частично от жажды, из-за которой рот его наполнился слюной. Его желания приводили в ужас то, что ещё оставалось от его бывшего «я» — того «я», которое с каждым днём становилось всё меньше и меньше. Осознание того, что боги некогда требовали от Калкана, жгло, как кислота. В отличие от Демаскуса, он помнил каждую свою смерть. Таков был побочный эффект его... перевоплощения.

— Боги превратили меня в *это*, — фыркнул он. Его голос напоминал рычание голодного тигра.

— И они же назначили *меня* виновным в преступлениях, которые я не совершал! Жизнь несправедлива, Мечеломатель. Но нам не нужно принимать всё, как должное. Мы можем нанести ответный удар тем, кто нас подвёл. Уверяю тебя — обрати Демаскуса во тьму, и нашей наградой станет сладчайшая месть богам... и не только.

Калкан кивнул.

— Значит ли это, что ты наконец перестанешь вслепую манипулировать мной и предоставишь ту помощь, о которой говорил? — он сильно рисковал, обращаясь к юноше столь дерзким тоном. Глаза его спутника сузились, и Калкан осознал, что только что пересёк черту.

Но вместо того, чтобы уничтожить его на месте или, что ещё хуже, заключить в вечное заточение в забытой всеми каверне, его спутник поднял руку. На его ладони лежал тонкий металлический диск на кожаном шнуре.

— Это, — произнёс юноша, — называется *дамос*. Некогда такие вещицы изготавливали в древнем Имаскаре, однако с тех времён сохранилось всего несколько штук. В углублении на диске скапливается некая субстанция, которая представляет собой яд необычайной силы. Но это лишь побочный эффект действия этой жидкости. Она является концентратом будущего, дистиллированным некой сущностью или принципами, которые даже я не вполне понимаю. Если слегка смочить ею язык, то узнаешь, что произойдёт в течение нескольких следующих дней. Отопьёшь больше — и Голос Завтрашнего Дня откроет тебе далёкое будущее. Однако такая доза грозит гибелью и смертному, и богу. Никто не сможет выжить, отведав её.

Калкан взял *дамос*. Его поверхность была холодной и жёсткой. Их взгляды встретились. Зрачки его спутника представляли собой маленькие чёрные черепа, но он улыбнулся своему повелителю.

— Для такого, как я, смерть не является проблемой. Если опасность при использовании этого *дамоса* именно такова, как ты описываешь...

— Всё дело лишь в сопротивляемости ядам.

Калкан постучал по диску. Тот раскрылся, словно распахнувшийся глаз. Внутри него оказалась полость, заполненная маслянистой жидкостью. Он опустил туда коготь, лишь слегка смочив его, и слизнул пару капель. На вкус было похоже на кровь.

К его щекам прихлынул жар, а на покрытом шерстью лбу выступил пот. Его глаза забегали. Каждый вдох давался ему с трудом. Он упал.

На самой границе слышимости сквозь шум пробился шёпот. Он повествовал о будущем. И, пока его жизнь превращалась в пепел, Калкан слушал.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бесконечность давила ему на грудь, тяжёлая, как скала, и тёмная, словно могила. Над его головой водоворотом закручивалась вечная пустота — отражения сгоревших галактик в мутной воде.

Что-то изменилось. Вспыхнувшая нить бесконечными витками уходила во тьму, маня его следовать за её изгибами...

Втянув в лёгкие воздух, он резко распахнул глаза.

Затянутое облаками небо, в котором парили летающие острова, было расчерчено извилистыми линиями обнажённых ветвей деревьев. Вокруг клубился туман, заволакивая окрестности тускло-серой дымкой.

Крепко зажмурившись, он снова открыл глаза и начал считать. Один, два, три...

Он ждал, что память о том, что произошло, вот-вот вернётся к нему, подобно арбалетному болту, скользящему в ложе.

...и ничего.

Во имя Адов, что же случилось? — подумал он. — Почему я сплю не под крышей? Лишь идиот в это время года решится заночевать снаружи. Кроме того, лежу я на чём-то твёрдом.

Но главный вопрос — где он вообще находится? Пылающие Владения, когда он умудрился так напиться?

Он сел. Вокруг царила предрассветная полутьма, но света вполне хватало, чтобы он смог разглядеть то, на чём лежал — массивный мраморный алтарь, густо покрытый резными рунами.

Ой. Обнаружить себя распростёртым на алтаре, понятия не имея, что этому предшествовало — *точно* не к добру.

— Эй! — воскликнул он, резко подтягивая ногу к груди. Его кто-то цапнул!

Возле каменной плиты сидело приземистое одутловатое существо, широко ухмыляясь полной мелких клыков пастью. Его глаза представляли собой красные кристаллы, а плоть была мягкой, словно сырое тесто. Верхнюю часть его плеч покрывали алые чешуйки и шипы.

Он отшатнулся назад и, скатившись с каменной плиты, рухнул на четвереньки, сильно ударившись ладонями об землю. Стремительно поднявшись, он чуть не упал снова — его ноги затекли настолько сильно, что он их почти не чувствовал. В его глазах потемнело. Чтобы опять не свалиться в грязь, ему пришлось схватиться за край своего бывшего ложа.

Теперь их разделял каменный алтарь. Чудовище держало в руке человеческую голень, из которой торчала изрядно погрызенная кость. Он опустил взгляд. Его ноги были на месте... но почему на нём нет ботинок? Внезапно он осознал ещё кое-что, и по его спине пробежал холодок.

— Где моя одежда? — слабым голосом спросил он у существа. В душе его боролись страх и смущение.

Ухмылка твари стала шире. Губы её были измазаны алым, между жёлтых зубов застряли обрывки плоти. Отбросив оторванную конечность в сторону, она уставилась на него изучающим взглядом.

Не отпуская алтарь, он для пробы несколько раз переступил ногами. Их охватило жжение, словно в его плоть вонзились тысячи иголок.

Несколько мгновений тварь продолжала наблюдать за ним, словно задаваясь вопросом, что за необычный танец он исполняет. Внезапно она взвилась в воздух, перепрыгнув через алтарь, словно собака через невысокий забор.

Мышечная память подвела его; рефлекторно он плавным жестом потянулся к висящему за спиной двуручному мечу, но никакого меча при нём не оказалось. Он был полностью обнажён.

Тварь обрушилась на него. Несмотря на её малый вес, он не удержался на ногах и упал. Монстр бешено молотил конечностями, пытаясь вырвать ему глотку, вскрыть живот и распороть находящиеся на внутренней стороне бёдер артерии. От каждого удара он уходил, уворачиваясь или блокируя локтями. Однако, если ему вскоре не удастся перейти к ответным действиям, победа окажется за его противником...

Отчаянным рывком он подтянул колени к груди и резко ударил пятками в челюсть чудовища. Завизжав, монстр отлетел в сторону.

Когда его тело достигло верхней точки траектории полёта, время, казалось, замедлилось. Всего лишь иллюзия, решил он, но, тем не менее, воспользовался представившимся шансом, чтобы вскочить на ноги и оглядеться.

На расстоянии десяти шагов от алтаря высились гранитные обелиски, образующие некое подобие круга. Внутри него валялось разбросанное оружие и множество тел. Недвижимые, тихие... мёртвые.

Время вновь обрело свой нормальный темп. Тварь тяжело рухнула на землю, но тут же снова вскочила на ноги. С рывком она обхватила рукой рот, словно ощупывая больной зуб.

Хорошо, — подумал он. — Хоть какой-то урон мне удалось ей нанести.

Эта задержка позволила ему подобрать длинный меч, валяющийся в грязи возле обмякшей руки одного из трупов. Лезвие его было усеяно коричневыми пятнами ржавчины, а рукоять покрыта плесенью, но баланс оказался вполне приемлемым. Тяжесть оружия в его руке была первым приятным ощущением, которое он испытал с тех пор, как открыл глаза.

Он вскинул клинок, указывая им на тварь.

— Что здесь произошло? Во имя Света и Тени, что ты такое?

Существо зарычало, словно бешеная собака, и бросилось вперёд.

Несмотря на страх, скрутивший его внутренности — или именно из-за него — он ухмыльнулся. Вместе со страхом пришёл восторг, от которого каждый нерв в его теле запел. Он начал скидывать меч, чтобы нанизать на него тело монстра...

Поздно. Стремительно приближающаяся тварь отпихнула клинок в сторону и широко распахнула пасть, готовясь вцепиться в его незащищённое предплечье. Его взгляд упал на необычный узор, который покрывал его руку, и он на миг замешкался. Пепельно-серый орнамент был похож на призрачную татуировку...

Тварь с силой впила зубами в его плоть. Боль была ужасающей, и он не сдержал крика.

В его голове что-то жарко вспыхнуло, и внезапно по всей длине меча зажглись огни. С одной стороны клинка они были белыми, словно полная луна, с другой — алыми, как закатное солнце. Мигающие узоры то появлялись, то исчезали, их очертания напоминали призрачные руны — символы, которые казались ему неуловимо знакомыми...

Твари это зрелище не понравилось, и она ослабила хватку. Он вырвал руку из её пасти, и

она захныкала. Между её зубами струилась кровь — его кровь. Повезло, что сухожилия оказались не задеты.

— Око смотрит! — внезапно воскликнуло чудовище, и он сморгнул. — Оно всегда смотрит. Оно ищет!

— Чьё око? — более умного вопроса ему в голову не пришло.

Чудовище уставилось на него взглядом торговца, который только что осознал, что оказался в деревне, где живут одни идиоты. Оно снова бросилось вперёд, неистово размахивая когтистыми лапами. Видимо, сияющий клинок произвёл на него не столь сильное впечатление, как он рассчитывал...

Один из когтей рассёк кожу у него на лбу. Хлынувшая на глаза кровь окрасила мир алым.

Поскользнувшись и едва не упав, он принялся свободной рукой торопливо вытирать с глаз кровь. Не прекращая атаковать, тварь взвыла. Если я не буду осторожен, — подумал он, — этот мелкий дретч и правда меня прикончит!

...дретч? Внезапно он осознал, что его противник *и правда* является дретчем, представителем одной из слабейших разновидностей демонических отродий. Он понятия не имел, почему не узнал это существо сразу. Возможно, из-за необычных кристаллических формаций, которые покрывали верхнюю часть его тела, и алого блеска глаз.

Неважно. Его пальцы крепче стиснули рукоять меча.

Он резко расправил плечи и слегка отступил в сторону, чтобы разорвать дистанцию. Высоко взмахнув мечом, он провёл обманную атаку, и, когда его противник попытался уклониться, наступил ему на ногу и одним взмахом снёс голову с плеч. Брызнула кровь. Руны ярко вспыхнули, а затем погасли, словно фонари во время бури.

Тело дретча упало на землю. Несколько раз подпрыгнув, голова его откатилась в сторону и остановилась возле двух камней.

Святилище вновь погрузилось в тишину. Несколько мгновений он стоял неподвижно, ошарашенный нахлынувшими на него эмоциями. Когда тело твари покинула жизнь, это оказалось... приятно. Почти как выпить вытяжку из некоего алхимического эликсира. Он ощутил подъём — словно молния внезапно пронзила завесу затянувших небеса грозовых облаков.

Подойдя ближе, он устремил взгляд на поверженного противника. Глаза отрубленной головы подмигнули ему.

— Владения! — выругался он.

— Старейшее Стихийное Око смотрит... — произнесла отрубленная голова. Его радостное возбуждение схлынуло, словно опавший парус.

Тварь замолкла.

Возьми себя в руки, — подумал он, чувствуя, как сердце колотится в ушах. — Это просто умирающее чудовище, а у тебя есть меч.

Он снова двинулся вперёд, держа клинок наготове.

Однако жизнь уже покинула тело дретча. Удивительно, что он вообще смог что-то прошептать, учитывая, что у него не было лёгких. Или нет. В конце-концов, что ему известно об анатомии демонов?

Голова дёрнулась. Прежде чем он успел отпрыгнуть или вскинуть меч, она начала оплывать, словно расплавленный воск. Таящая гелеобразная субстанция продолжала пузыриться и испаряться, даже полностью утратив форму. Вскоре от неё не осталось ничего,

кроме пропитанного влагой участка земли.

Обезглавленный труп также исчез. Он остался один в окружении мёртвых тел.

Память упорно отказывалась проясняться. Ведь трупы демонов обычно разлагаются совсем иначе, верно?..

Почему у меня такое ощущение, будто мои мысли плавают в толще патоки?

Нахмурившись, он прикоснулся к голове и вздрогнул. На виске была царапина, оставленная когтем дретча. Вероятно, именно из-за неё всё вокруг плыло, словно в тумане. Нужно позаботиться о ране.

Но для начала — главное. Если я вспомню, где нахожусь и как попал сюда, всё встанет на свои места.

Вернувшись к алтарю, он принялся изучать вырезанные по всей его поверхности узоры. Они были похожи на некую разновидность божественных рун. Нет, осознал он. Эти знаки изображали духов земли.

Многие из них являлись стилизованными рисунками животных — хищный изгиб ястребиного крыла, любопытный кончик лисьего носа, развевающаяся грива скачущей лошади. Десятилетия, если не века, проведённые в забвении, сгладили их контуры — от грязи и времени они стали практически неразличимы.

Изо всех сил напрягая память, он провёл пальцами по изгибу лошадиной спины. Но нет. Никогда ранее ему не доводилось видеть этот алтарь. Все вопросы по-прежнему оставались без ответа.

Кокон его показного спокойствия пронзил острый кинжал тревоги. Возможно ли, что его притащили сюда, пока он находился без сознания? Эта версия объясняла все известные факты. Не обращая внимания на головокружение, охватывающее его при каждом движении, он обернулся и обвёл взглядом окрестности, стараясь не упустить ни единой детали.

Всё, что находилось за пределами каменного круга, тонуло в тумане. Судя по всему, это место находилось на горном склоне или вершине холма. Несмотря на то, что небеса были затянуты облаками, что-то в окутанном тишиной воздухе подсказывало, что близился рассвет.

При виде этой картины его охватил трепет. Нет, подумал он. Я здесь точно никогда не бывал. Он судорожно скрестил руки на груди, следя за тем, чтобы не порезаться о лезвие меча.

Во имя всего святого и высшего, что же здесь происходит? Кто-то возложил его тело на древний алтарь, и теперь он оказался в полном одиночестве в забытом всеми богами захолустье. Чудо, что он вообще ещё оставался в живых — его мог убить даже перепад температуры, учитывая, что на нём не было даже *одежды*...

— Хватит! — выкрикнул он в воздух.

Паника ничему не поможет. Всё будет в порядке.

А теперь ты говоришь сам с собой. Значит, ты утратил не только память, но и ясность мышления. И вдобавок замёрз.

По крайней мере, с последним можно что-то сделать. Мертвецы не ответят на его вопросы, однако одежда им уже ни к чему. Кроме того, наверное, стоит обшарить их карманы — возможно, там обнаружится что-нибудь, что поможет пролить свет на сложившуюся ситуацию. Направившись к самому большому скоплению тел, он приступил к осмотру.

Кожа большинства погибших была цвета кофе, морской пены или тусклого серебра. Её

расчерчивали узоры завитков. Это не люди — не совсем — но...

— Дженази, — произнёс он, внезапно осознав, что большинство погибших имеют общее наследие. В числе их далёких предков, кроме людей, были элементали. Давным-давно он знал женщину, чьи глаза напоминали далёкие штормовые облака... но являлась ли она дженази? Нет, наверное, нет...

Воспоминание ускользнуло от него, словно рыба в тёмной воде. Он вновь приступил к делу.

Учитывая, что большинство тел валялись друг на друге, оказалось непросто определить, сколько их было. Больше десятка, но явно меньше двадцати; чтобы впоследствии не терзать себя этим вопросом, позже ему придётся разгрести эти кучи и сосчитать мертвецов.

Среди павших оказалось несколько трупов, которые не принадлежали дженази. Демоны.

Существа с множеством конечностей. Руки некоторых оканчивались клешнями, у других же были щупальца. На их коже имелись те же алые вкрапления, что и у убитого им дретча. Судя по расположению тел, люди и демоны погибли в бою, перебив друг друга во внезапном порыве смертоубийственного безумия.

Очевидно, жертвоприношение пошло не так, как планировалось. Значит, ему невероятно повезло остаться в живых, учитывая, что, судя по всему, роль жертвы предназначалась именно ему.

Кончиком меча он слегка подтолкнул труп одного из демонов. Стоило клинку коснуться кожи, как его волосы взъерошил короткий порыв ветра, и воздух наполнился ужасающей вонью, которая спустя пару мгновений рассеялась без следа. Тело демона моментально исчезло, равно как и тела его павших сородичей. На земле остались лежать только трупы погибших дженази.

Он встряхнул головой. Сначала отыскать одежду, а потом уже ломать голову над демонами и их исчезающими телами.

Большинство дженази были одеты в длинные, окрашенные в разные оттенки алого кожаные плащи, на плечах которых имелась выжженная эмблема, напоминающая пылающий шип. Этот символ оказался ему незнаком. Впрочем, какая разница! Он так замёрз, что был готов надеть на себя что угодно. К счастью, хотя бы в этом у него оказался широкий выбор.

Он присмотрел несколько плащей, на которых было меньше всего порезов и брызг крови, а затем нагнулся, чтобы стянуть с одного из покойников сапоги. Внезапно его охватили сомнения. Обирать мертвецов — это же так низко и бесчестно!

Ветер стал сильнее, и его пробрала дрожь.

Он заставил себя отбросить колебания. Нужда важнее.

Его добычей стала длинная рубаха, ботинки, штаны и мешок, набитый чистыми вещами, в том числе и нижним бельём. Всё пришлось по размеру, кроме штанов, которые оказались немного коротковаты. Да плевать! Когда он оделся, ему наконец-то стало тепло.

Кто же мог ненавидеть его настолько сильно, что решил принести в жертву в том месте, где ему никогда не доводилось бывать?.. Но, по крайней мере, его задницу теперь не обдувает холодный ветер, и это уже чего-то да стоит.

Удовлетворив насущные потребности, он присел на край алтаря. Постепенно светало. Сделав несколько глубоких вдохов, он закрыл глаза.

Напряги мозги. Должно же быть объяснение происходящему! Даже если оно не из тех, которые тебе хотелось бы услышать.

Он устремился мыслями в прошлое, стараясь отыскать в нём хоть какую-то зацепку.

И воспоминание пришло к нему. Из распахнутого грузового люка на потолке струился свет — единственный свет, который освещал загромождённый товарами трюм плывающего судна. Его руки сжимали концы длинного шарфа, обёрнутого вокруг шеи человека в одеяниях священника. Его противник пытался вдохнуть, его рот был распахнут, словно у вытащенной из сетей рыбы.

Напрягая остатки сил, жрец сделал отчаянную попытку вырваться из его хватки. Он отчаянно вертелся, пинался и дёргался, но...

Всё было бесполезно. Его застали врасплох, и его участь была предрешена. Но, просто на всякий случай, он, закричав, изо всех сил потянул за концы шарфа.

Жизнь окончательно покинула тело священника. Обмякнув, он опустился на пол. Его глаза были широко распахнуты, словно он до сих пор не мог поверить в то, что произошло. Они смотрели в пустоту, остекленевшие, безжизненные... мёртвые.

Воспоминание растаяло.

Он задохнулся и полной грудью втянул холодный воздух, словно на миг оказавшись на месте человека из видения, и опустил взгляд на свои руки. Его ладони по-прежнему ощущали гладкую, как пергамент, текстуру шарфа, он чувствовал, как пальцы его соперника отчаянно впиваются в его лицо, как воля к сопротивлению покидает тело...

— Милостивые боги, — прошептал он. Он задушил священника!

Отсчитывая каждый вздох, он попытался успокоить своё учащённое дыхание. Первый, второй, третий, четвёртый — что, во имя Адов, могло заставить его...

В его разуме всплыло новое воспоминание.

На сей раз место было иным. Вместо удавки у него в руках был клинок, на одной грани которого сияли символы белые, как снег, а на другой — алые, словно кровь. Эти руны были куда ярче и реальней, чем те, что мельком проявились на его оружии во время схватки с дретчем.

Перед ним стоял... некто. Очертания его фигуры выглядели человеческими, однако покрытая мехом голова походила на звериную морду, а на лбу росли два рога. Длинные уши подёргивались. Незнакомец носил ничем не примечательные одеяния, но неестественно искривлённая рука его сжимала клинок, лезвие которого было черней самой темноты. Он смеялся.

— Демаскус. Удивлён? Не волнуйся, ты позабудешь о нашей встрече, впрочем, как и всегда. Хотя не могу не признать, что на этот раз твои прегрешения оказались практически непростительными. Ты становишься всё ближе...

Демаскус открыл рот, чтобы ответить ему какой-нибудь крайне остроумной фразой, однако его оппонент бросился вперёд — гораздо быстрее, чем от него можно было ожидать — так быстро, что он не успел схватить поводья времени и потянуть за них...

Чёрный кинжал вонзился ему в живот, и воспоминание растаяло.

Задыхаясь, он прижал ладонь к телу и, задрвав чужую рубаху, принялся рассматривать живот.

На пепельно-бледной коже не имелось ни единого следа от полученной им смертельной раны.

Вероятно, это произошло давным-давно, и некая могучая исцеляющая сила полностью восстановила его организм, ведь иначе на его теле непременно бы остался хоть слабый намёк на шрам.

Почему же это существо назвало его Демаскусом?
Во имя всего святого и высшего, *кто* же я?

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Где-то к югу от моря Унавших Звёзд
Год Нестареющего (1479 ЛД)*

Капли пота выступили у него на лбу, ужас скрутил внутренности, и он задохнулся.

Пылающие Владения, почему же он понятия не имеет, кто он такой?

Это было похоже на... похоже на... да *откуда* ему знать, на что это похоже! В его голове зияла пустота. Он понятия не имел, с чем можно сравнить ту ситуацию, в которую он попал.

Он сделал десять глубоких вдохов. С каждым последующим тревога слегка отступала... Хорошо. Больше; ещё десять. И ещё... пока ритм его сердца не замедлился до обычного. Так-то лучше.

Итак, что ему известно?

Первое — несмотря на то, что его застали врасплох и практически беззащитным, он довольно неплохо проявил себя в бою. Это обнадеживает.

Второе — существо из его воспоминания назвало его Демаскусом.

— Демаскус, — произнёс он вслух, пробуя это имя на вкус. В последовательности твёрдых согласных было что-то смутно знакомое... или же он просто пытался убедить себя в этом, чтобы хоть как-то смириться с ситуацией. Но, даже если и так... для начала сойдёт.

— Демаскус, — он проорал это слово так громко, что его голос сорвался.

Один из лежащих дженази, чья кожа отливала голубизной, шевельнулся и открыл глаза. Во имя богов, выживший!

Дженази устремил на него остекленевший взор.

— Кто ты? — прошептал он.

— Ты меня не знаешь? Это же вы притащили меня сюда!

То ли от замешательства, то ли от боли дженази сморгнул. С губ его сорвался стон.

Демаскус помог ему сесть и заговорил снова:

— Вы доставили меня в это место, чтобы использовать в качестве жертвы для какого-то ритуала, в процессе которого моя память сильно пострадала. Почему? Кто вы такие?

— Я... — задыхающимся голосом произнёс выживший, — в первый раз тебя вижу.

— Не играй со мной! Утро выдалось тяжёлым, и я на грани срыва, — Демаскус воспротивился желанию встряхнуть дженази. Предупреждающий голос совести прошептал нечто насчёт того, что на мёд слетится больше мух, чем на уксус. Он решил не перегибать палку. — Что здесь произошло?

Голова дженази качнулась, и он обвёл окрестности взглядом. При виде окружающей бойни его глаза расширились.

— Око! — воскликнул он. — Сны, они отыскивали меня даже сейчас!

— Око? О чём ты говоришь?

— Ты...

— Да?

Дженази в его руках обмяк. Это было неприятно похоже на то, как тело задушенного им священника покидала жизнь.

— Да ладно?

Демаскус потянулся к дженази, чтобы нащупать пульс. Ничего. Тело его недавнего собеседника уже начало остывать. Удивительно, что он вообще продержался так долго — в нём и так едва теплилась жизнь.

Его охватила скорбь — отчасти по погибшему дженази, отчасти по себе самому. Он склонил голову, и его подбородок коснулся груди.

Он не мог ничего сделать. Время, казалось, практически остановилось. Пусть ему и удалось отыскать кого-то, кто был способен пролить свет на сложившуюся ситуацию, его собеседник умер у него на руках — занятная пощёчина от Судьбы. У него было лишь имя, которое, вполне возможно, ему не принадлежало, множество потерянных воспоминаний и одежда мертвецов.

С другой стороны, в отличие от лежащего у его ног трупа, он всё ещё оставался в живых. Уже что-то.

Он поднял голову. Хватит себя жалеть! Двумя пальцами он закрыл веки мертвеца. Пустая трата времени.

— Да отправится твоя душа к... Судие Келемвору, — произнёс он. — Да обретёшь ты покой в... — запнувшись, он замолк. Что он вообще несёт? Слова казались правильными, но кто такой этот Келемвор?

Очевидно, он пострадал куда сильнее, чем думал.

Он встряхнул головой. Что ж, это не новость.

Лучи солнечного света, словно поток золотистого мёда, затопили окрестности, озарив картину ужасающей резни. Несмотря на всё произошедшее, Демаскус ощутил подъём духа. Наконец-то вокруг стало достаточно светло для того, чтобы он имел возможность видеть, что делает. Он принялся тщательно обыскивать остальные тела. Даже самый маленький кармашек не мог ускользнуть от его пристального взора.

Закончив с этим, Демаскус произнёс над каждым из мертвецов слова молитвы. Не стоит делать скоропалительных выводов; возможно, эти дженази прибыли сюда ради того, чтобы спасти его, а вовсе не принести в жертву в некоей демонической сделке. Однако, если бы он был игроком, то не поставил бы на это и ломаного гроша.

Ему не удалось отыскать ни единого ключа к своему прошлому. Он пересчитал погибших: двенадцать дженази, двое людей и один халфлинг. Значит, в общем пятнадцать. Пятнадцать вопросительных знаков плюс он сам — с потерянной памятью, кучей возможных зацепок и других вещей, украденных у мертвецов.

Демаскус выложил плоды своих поисков на каменный алтарь.

Некоторое количество дорожных лепёшек и завёрнутого в листья сыра. Пять бурдюков с вином, два из них почти полные. Несколько полновесных горстей золотых и серебряных монет, которые он ссыпал в один мешочек. Два ранца. Ножны для трофейного меча. Фонарь и пара трутов. Искусно сделанная кожаная броня, на которой, несмотря на произошедшее, не обнаружилось ни единого пореза. Несколько оружий, ни одно из которых не превосходило качеством тот меч, которым он обзавёлся в начале схватки. И, наконец, жемчужина его коллекции — костяной чехол для свитков, в котором находился свёрнутый пергамент.

Демаскус вытащил его и развернул на поверхности алтаря. Это оказалась карта. Края

пергамента постоянно стремились скрутиться обратно, поэтому он прижал их камнями.

Первое, что бросилось ему в глаза при взгляде на эту карту — огромное водное пространство, расположенное в самом верху листа. Надпись на нём гласила: «Море Упавших Звёзд».

Если предполагать, что оно находилось на севере, то изломанная береговая линия Аканула обрамляла его на юге. Там были отмечены три города — Новый Брин, Брассун и Эйрспур.

Сердце Демаскуса замерло. Он знал Эйрспур. Это был город... дженази.

Лишь ещё одно место удостоилось отдельной отметки на этой карте — небольшой участок на северо-востоке, в районе гор, носивших название пики Акана. Он был обведён кружком, который нарисовали намного позже, чем саму карту. Подпись, сделанная теми же чернилами, гласила: «Старое святилище». И — «Активность культа?».

Всё.

Демаскус уставился на пергамент, надеясь, что эти названия и очертания изображённых на нём земель затронут какие-то струны в его памяти.

Но нет. Однако не требовалось особого ума, чтобы догадаться — сейчас он находится именно в том месте, которое было обозначено на карте как «Старое святилище».

Следовательно, Эйрспур, — он кинул взгляд на запад, — находится всего в нескольких милях отсюда, прямо за горным хребтом. Мёртвые дженази либо являлись теми, о ком упоминалось в заметке как об «активности культа», либо прибыли сюда, чтобы выяснить, что происходит.

Теперь у него появилась цель. Если в городе не произошло того же, что и в древнем святилище, он получит ответы на свои вопросы именно там.

Свернув карту, Демаскус убрал свою добычу в заплечный мешок. Он сложил оружие в кучу и принялся рассматривать трофейный клинок. Тот был идеально чист — покрывавшая его демоническая кровь исчезла без следа одновременно с телом дретча. Жаль, что самому ему такой фокус проверить не под силу — грязь и кровь покрывали его с ног до головы. Наверное, появляться в таком виде у ворот Эйрспура — не лучшая идея.

Оглядевшись, Демаскус обнаружил неподалёку небольшой водоём, заполненный дождевой водой. Он находился возле обрыва, где не было ни грязи, ни тел.

Скинув длинный плащ и рубаху, Демаскус подошёл к нему, опустился на колени возле берега и застыл.

Из воды на него смотрело его отражение.

Он был высоким, худощавым и очень бледнокожим, а волосы его имели снежно-белый оттенок. Пепельно-серые татуировки в виде абстрактных узоров, похожие на следы пламени, змеились по его плечам, доходя до указательного и среднего пальцев. У него сложилось впечатление, что такие же узоры находятся и на спине, но ему не хватило гибкости, чтобы это проверить.

Демаскус сморгнул. Было ли это лицо ему знакомо? Возможно. Расцветка и очертания узоров на его руках напоминали те рисунки, что имелись на телах дженази, но лишь отдалённо. Вдобавок у дженази не было волос, если не считать за них кристальные шипы и наросты.

Пробежавшись пальцами по своей длинной гриве, он задался вопросом, почему она имеет именно такой оттенок. Не просто белый. Больше похоже на...

— Пламя, что пронзает сердца предателей, — пробормотал он. Ещё одно

воспоминание! Он понятия не имел, когда и где услышал данную фразу, но некто совершенно точно говорил ему об этом.

Некоторое время он продолжал изучать свою внешность, поворачиваясь то направо, то налево. Черты его лица были правильными и довольно утончёнными. Хотя, возможно, он являлся необъективным в своих суждениях.

Фыркнув, Демаскус принялся смывать грязь и кровь дженази со своего тела и одежды. Для того, кто, судя по всему, являлся мечником, на его коже оказалось слишком мало шрамов — он так и не смог отыскать ни одного, который бы свидетельствовал о битвах, в которых ему доводилось участвовать в прошлом. Даже от того ужасающего ранения, которое он получил во втором посетившем его видении, не осталось ни малейшего следа. Чушь какая-то.

Хотя... может, его тело обладает способностью к невероятно быстрой регенерации? Подняв руку ко лбу, он прикоснулся к ране, оставленной когтями дретча. Ай! Он втянул в лёгкие воздух.

Кровь из царапины уже не шла, однако до окончательного исцеления было ещё далеко. Он продолжил приводить себя в порядок.

Смыв с себя большую часть грязи, Демаскус натянул чистое нижнее бельё и взял в руки кожаную броню. Он боялся, что она может не подойти ему из-за высокого роста, но его опасения не оправдались — стоило ему надеть её, как кожа слегка растянулась, подгоняя доспех под его фигуру. Судя по всему, на него были наложены слабые чары. Теперь понятно, почему он меньше всех пострадал при побоище.

Демаскус накинул на плечи плащ и забросил сумку с поклажей на спину. Сунув меч в висящие на поясе ножны, он в последний раз сверился с картой, а затем убрал её к остальным своим пожиткам.

Оставив позади кольцо окружавших древний алтарь камней, он направился вверх по склону, обходя разбросанные валуны и пригибаясь под низко растущими ветвями деревьев. Полы его плаща тут же облепили покрытые шипами семена колючего кустарника. Через несколько шагов он остановился.

Обернувшись, Демаскус кинул прощальный взгляд назад. Большая часть его воспоминаний оказалась утрачена, и это покрытое изображениями животных святилище являлось единственным местом, которое было ему знакомо. Даже несмотря на то, что там произошло, ему не хотелось покидать его. Оно было тем немногим, в реальности чего он не сомневался. Если он уйдёт, то, возможно, никогда не увидит его снова. Кто знает, вдруг, когда он достигнет вершины склона, воспоминания об этом святилище исчезнут из его памяти, как и вся прошлая жизнь?

Внезапно ему в голову пришла ещё одна мысль. Если воспоминания к нему вернуться... но все они окажутся подобными тому, в котором он душил священника? Что, если он является безумным убийцей?

— Запутанную сеть плетут наши страхи, — пробормотал Демаскус. Откуда ему знать? Возможно, один из парящих островов прямо сейчас рухнет ему на голову — ни в чём нельзя быть уверенным. Лучше ограничиться кивком и посмотреть, что будет дальше.

Он три раза пересчитал колонны, чтобы закрепить их количество в памяти. К тому времени, как он твёрдо убедился, что их было двенадцать, к нему вернулась решимость продолжать путь.

— Прощайте, древние камни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эйрспур, Аканул

Год Нестареющего (1479 ЛД)

На плечо Демаскуса опустилась рука. Обернувшись, он обнаружил, что смотрит в затаенные пеленой ярости глаза цвета раскалённой бронзы. На лбу незнакомца плясали язычки пламени.

— Не стоило тебе приходить сюда, — произнёс огненный дженази. Из рта его пахло сладким алкоголем.

— Просто чудесно, — пробормотал Демаскус.

Не успел он пробить в Эйрспуре и часа, как уже умудрился забрести в один из худших районов столицы. Когда он прибыл в этот великолепный город, построенный на склонах двух находящихся друг напротив друга гор, то понадеялся на то, что ноги сами выведут его туда, куда нужно, и не тратя время на раздумья, зашагал вперёд. Однако кончилось всё тем, что он лишь бесцельно бродил по заброшенным скальным уступам и подвесным мостам, словно сомнамбула или наркоман.

За спиной воинственно настроенного мужчины стояло ещё несколько человек. Они также были полны пьяной удали и явно настроены на драку. Похоже, что все они вышли из дверей находящейся на площади таверны, над которой красовалась вывеска «Фонарь».

— Ты что, не слышал, что я сказал? — заорал дженази ему в лицо.

— Эм, что ты имеешь в виду под «не стоило мне приходить сюда»? Улицы — это общественное место...

Дженази крепче стиснул его плечо.

— Я знаю таких, как ты, наёмник. Смотрите на простых людей сверху вниз, думаете, что лучше нас. Я хочу, чтобы ты немедленно убрался отсюда! Тем, кто носит алое, в нашем районе не рады. Отправляйся обратно в свой треклятый Материнский Дом!

Демаскус стряхнул с себя руку огненного.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь. Я не наёмник, и мне не нужны проблемы.

Его заявление было встречено тишиной, нарушало которую лишь журчание воды, падающей в расположенный на площади бассейн с края парящего наверху острова.

Губы дженази искривила насмешливая ухмылка.

— Как жаль. Ведь...

— Что здесь происходит, Гарт? — послышался новый голос.

Из находящейся напротив Фонаря антикварной лавки вышел полный мужчина — обычный человек, не дженази. Его голубое сюрко подпоясывала золотая цепь. Волосы его были чёрными, лишь слегка тронутыми сединой у висков, а пальцы покрывали чернильные пятна.

Повернувшись к владельцу магазина, огненный произнёс:

— Не твоё дело, Чант. Убирайся отсюда, не то мы преподадим тебе тот же урок, что и

этому тупице.

Мужчина, которого звали Чантом, подошёл ближе, остановившись в одном шаге от дженази.

— Никуда я не уйду, Гарт. Особенно из-за таких придурков, как вы. Почему бы вам не убраться отсюда подобру-поздорову? Сами будете не рады, когда миротворцы пришлют сюда отряд, чтобы разобраться с беспорядками.

Сплюнув слюну уголком рта, дженази сделал вид, что собирается развернуться, однако вместо этого резко ударил хозяина магазина в подбородок. Голова Чанта дёрнулась, глаза закатились, и он упал на мостовую.

Остальные забулдыги одобрительно взревели.

— Пылающие Владения! — выругался Демаскус, отступая на шаг, чтобы обнажить клинок. Этот меч был непривычно коротким — ему инстинктивно казалось, что он должен быть гораздо длинней, однако... Под его ботинок подвернулся выпавший из мостовой камень, и, не успев закончить возиться с ножнами, он пошатнулся и смог устоять на ногах, лишь вцепившись в Гарта.

Дженази локтем врезал ему по рёбрам. Задохнувшись, Демаскус отпустил его и поспешно отступил. Его голени коснулись широкого основания фонтана. Тучный мужчина, который пытался уговорить противников Демаскуса убраться прочь, издал стон.

Вдохновлённые успехом огненного, остальные завсегдатаи Фонаря придвинулись ближе.

— Мне не нужны неприятности, — произнёс Демаскус, но лишь потому, что в подобной ситуации было положено говорить что-то вроде этого. Часть его *хотела* нарваться на драку.

И всё же его шансы победить в схватке с таким количеством народу были невелики. Они думали, что он принадлежит к числу некоей группы людей, которые расхаживают по городу в алых кожаных плащах — и об этих людях они явно были весьма невысокого мнения.

— Понятия не имею, за кого вы меня принимаете. Я просто нашёл эту одежду.

Гарт расхохотался.

— Неплохая попытка, однако покажи мне того ибме... — он запнулся, а затем продолжил, стараясь чётче выговаривать слова заплетающимся языком. — Того *имбецила*, который будет носить алое, не являясь членом кабаала Огненного Шторма?

Очевидно, это я, подумал Демаскус.

Ропот нарастал. Некоторые уже принялись подбирать с земли камни. Демаскус опустил ладонь на рукоять меча, и толпа взревела, словно дикий зверь.

Это напомнило ему об...

Внезапно его захлестнуло очередное воспоминание. Он стоял на сером поле, бесплодном и каменистом, одетый в серебряные доспехи. Его палец украшала скрученная лентой Мёбиуса широкая полоса металла, от которой исходило золотое свечение. Часть его волос была заплетена в тугие косички, на которых висели многочисленные украшения. В его руках вибрировал огромный клинок; одну сторону его покрывали алые руны, а другую — белые. Оружие гудело от жажды отведать вкус плоти тех, кто приближался к нему. Эфес меча был обёрнут полосой светлой ткани — шарфом!

Постепенно сужая круг, к нему подступала толпа шатающихся трупов, скелетов и подпрыгивающих, ползущих и пресмыкающихся кусков плоти. Воздев клинок к небесам, он взревел:

— Узрите свой неминуемый конец, чудовищные твари! Отправляйтесь навеки обратно во тьму!

Внезапно руны на его клинке вспыхнули ярче, чем солнце. Ослепляющий свет поглотил ряды наступающей нежити, словно яростное цунами, прокатившееся по прибрежной деревне.

Он сморгнул и внезапно снова оказался на площади. Его мысли обратились к посетившему его видению...

...которое ускользнуло, когда об фонтан рядом с его головой разбилась брошенная кружка.

Мгновение спустя трофейный меч Демаскуса покинул ножны. Этот клинок едва ли мог служить достойной заменой для покрытого рунами артефакта из его видения, но какая-то часть воспоминания осталась при нём. Чувство... *знание*.

Произнося резонирующие слоги, он описал мечом полукруг. Лезвие оставляло за собой золотистый светящийся след, который повис в воздухе, словно развёрнутое полотно ткани. На клинке вспыхнули слабые очертания рун, похожих на призраки тех, что покрывали двуручный меч из его воспоминаний.

— Эти забавные огонёчки не спасут твою бледную шкуру, — прорычал огненный и бросился вперёд.

Когда Гарт пересёк висящую в воздухе световую завесу, его тело в нескольких местах пронзили вспышки электрической энергии. С невнятным всхлипом он рухнул на землю. Несколько мгновений огоньки продолжали бегать по телу дженази, а затем погасли. От дыр, прожжённых в его одежде, поднимался дымок.

Гарт снова застонал, не делая попыток подняться на ноги. Воздушная завеса рассеялась без следа, и руны на мече погасли.

Демаскус поднял взгляд на остальных забияк. Судя по их ошарашенному виду, они были удивлены не меньше него самого.

Никто из них не осмеливался двинуться с места. Воспользовавшись этим, Демаскус подошёл к Чанту и помог мужчине встать. Хозяин магазина ощупал то место, куда Гарт его ударил, и поморщился.

— Всё, веселье окончено! — взревел он. — Проваливайте отсюда, если не хотите оказаться на его месте! — он указал на распростёртого на земле дженази.

Горожане заворчали, кидая на них рассерженные взгляды, но всё же разошлись. Демаскуса охватило облегчение, но лишь отчасти... отчасти это было сожаление, что завсегдатаи Фонаря не сделали иной выбор, предпочтя начать драку. Безумие какое-то! Он не очень представлял, что только что сделал, и понятия не имел, удастся ли ему повторить этот трюк снова... Сделав глубокий вдох, он убрал меч в ножны.

— Спасибо, — поблагодарил он мужчину.

— Не за что. Я уж подумал, что здесь ошивается кто-то из людей Ранегера, ища неприятности на свою голову. Но Ранегер тебя не посылал, верно?

— Эм. Нет. Я понятия не имею, о ком ты говоришь. Я просто проходил мимо...

Владелец магазина открыл было рот, чтобы заговорить, но внезапно его глаза расширились.

— Погоди-ка! — воскликнул он. — Я тебя знаю!

От внезапно охватившей его надежды сердце Демаскуса забилось чаще.

— Неужели?

— Конечно! Ты — Денарус, верно? Нет, не так... Ты... Демаскус! Не ошибся ведь? Конечно, нет!

— Полагаю, что да... да, я Демаскус. А ты — Чант? Ты знаешь меня? — терзающее его беспокойство заметно уменьшилось. Наконец-то он получит свои ответы!

Мужчина рассмеялся.

— Не стоит стесняться, — произнёс он. — Когда я даю слово, то не нарушаю его. Обычно.

Демаскус устремил на своего собеседника изучающий взгляд. Но нет — ни имя, ни внешность этого толстяка не затронули ни одну струну его памяти.

— Ну, хоть ты и опоздал безбожно, я предполагаю, что ты здесь, чтобы заняться делами. Сюда, — приглашающе махнув рукой, Чант проследовал к своему магазину.

Табличка над дверьми гласила: «Ломбард и безделушки».

На оконной витрине красовался позолоченный охотничий рог, игральные карты с изображениями драконов, несколько кинжалов и мечей, подзорная труба и некоторое количество других необычных вещей. Все они были покрыты толстым слоем многолетней пыли.

Демаскус вошёл за Чантом внутрь.

В воздухе витал запах старых книг и полироли для металла. На многочисленных полках громоздились груды музыкальных инструментов, оружия, кухонной утвари и разных других вещей. Из-за этого и так небольшое помещение казалось ещё меньше. Возле задней стены возвышался одинокий прилавок, около которого находилась крутая лестница, ведущая на чердак.

Я уже бывал здесь раньше...

На прилавок вспрыгнула большая трёхцветная кошка. Она смерила Демаскуса равнодушным взглядом, но, увидев хозяина магазина, разразилась громким пронзительным мяуканьем. Чант погладил кошку по голове.

Принявшись тереться об его руку, она басовито замурчала.

— Я всё ещё храню то, что ты мне дал, — произнёс ростовщик. — Как мы и договаривались, в безопасном месте.

— О... это хорошо. Отличная новость... — Демаскус замялся. Ему не хотелось признаваться своему новому знакомому в том, что в памяти его зияет множество дыр — по крайней мере, до тех пор, пока он не узнает больше о том, что происходит и кем является этот мужчина. Хотя то, что Чант пытался предотвратить стычку возле таверны, говорило о нём, как о достойном и отважном человеке.

— Ты здесь, чтобы забрать свою вещь? — спросил Чант. — Пустой кошель Вокин, глупо даже спрашивать об этом, верно? Сказка, слезай, у нас гости!

Он шикнул на кошку, однако та упорно отказывалась двигаться с места. Криво ухмыльнувшись, ростовщик нагнулся и принялся шарить за прилавком.

Спустя некоторое время он выпрямился. В руках у него был шарф — полоса длинной светлой ткани, похожая на развёрнутый свиток.

Желудок Демаскуса перевернулся. С помощью этого шарфа он лишил жизни священника — то, о чём бы он не хотел вспоминать.

— Почему у тебя... это? — прохрипел он.

Кошка, носившая кличку Сказка, присела, готовясь прыгнуть на болтающийся в руках ростовщика конец шарфа.

Чант смерил его странным взглядом.

— Ты заплатил мне за то, чтобы я хранил эту вещь до твоего возвращения, — наконец произнёс он, решив ему подыграть. — Сказал, что заберёшь её через пару дней, максимум — через год, самое большее — два. Это было четыре года тому назад. Тебе повезло, что я её не продал.

— Четыре года! — Демаскусу показалось, что его со всей силы ударили в живот.

— Плюс-минус пара десятков дней, но да.

Демаскус не мог отвести взгляда от полосы светлой ткани. Часть его отчаянно жаждала выхватить шарф у Чанта из рук, а часть — сбежать подальше от явного свидетельства своего преступления. Что же он делал на протяжении этих четырёх лет? Его разум был похож на равнину, где всё скрывалось под толстым покровом снега.

— Ты в порядке?

Осознав, что он стоит, распахнув рот, Демаскус со стуком захлопнул челюсти.

— Да, да... просто не думал, что увижу эту вещь снова...

— Ты заплатил мне за хранение. Значит, твоё имущество в полной безопасности, как и... Погоди. Кто-то что-то сказал? Что тебе сказали? Это Ранегер? — осыпая его вопросами. Чант отчаянно жестикулировал. Конец зажатого в его руке шарфа мотался из стороны в сторону. Подобравшись, Сказка прыгнула, всего на волосок промахнувшись по куску ткани.

— Осторожней! — вскрикнул Демаскус.

- А? — ростовщик наконец обратил внимание на действия своей кошки. Свернув шарф в рулон, он произнёс. — Ты так и не ответил. Кто-то распускает обо мне слухи?

— Нет, ничего подобного. Я уже говорил тебе, что не знаю никакого Ранегера. Прости, день выдался долгий. К тому же я... болел.

Он задумался над тем, не выложить ли Чанту всё начистоту, ведь тот был явно знаком с ним раньше. Этот человек мог оказаться ключом к его потерянной памяти. Вдобавок ко всему Демаскусу отчаянно хотелось открыть кому-то душу и облегчить лежащий на его плечах груз.

С другой стороны... то, что ростовщик некогда его знал, вовсе не делает его идеальным доверенным лицом.

— Итак, нужен тебе шарф или нет? — спросил Чант.

— Да! Просто... — Демаскус не стал упоминать, что, когда он в последний раз держал его в руках, то душил кого-то. — Слушай, у меня есть идея. Ты уже готовился закрыть свою лавку, так почему бы нам не направиться в Фонарь, чтобы поужинать и выпить эля? Я бы хотел отблагодарить тебя за то, что ты так долго хранил у себя моё имущество.

Ростовщик поджал губы, раздумывая над его предложением.

— Не говоря уже о том, что за время моей... болезни, — продолжил Демаскус, — я слегка выпал из жизни. Мне нужен кто-то, кто сможет ввести меня в курс дел и ответить на пару вопросов.

По лицу ростовщика расплылась улыбка.

— В это мне нет равных! Если в Эйрспуре что-то происходит, я об этом знаю — или могу узнать. Разумеется, не бесплатно.

— У меня найдётся пара лишних монет, — Демаскус похлопал по кошельку с деньгами, которые он забрал у мертвецов.

— Что ж, я и правда проголодался. Для того, чтобы управлять таким бизнесом, как мой, требуется прорва энергии, — Чант демонстративно огладил свой внушительный живот. —

Договорились. Пошли. Я слышал, что в Фонаре сегодня подают жареных голубых кальмаров. Одно из моих любимых блюд.

Ростовщик снял с буфета деревянную миску и поставил её на пол. Сказка тут же прыгнула вниз и принялась уплетать её содержимое с такой жадностью, словно не ела больше десяти дней. Погладив её напоследок, Чант выпрямился. В руках он по-прежнему держал сложенную полосу ткани.

— Да возьми уже! — воскликнул он. — Ты так заботился о том, чтобы сохранить эту вещь. Почему же не хочешь забрать её себе?

Взяв шарф, Демаскус потёр ткань. На ощупь она была тёплой и гладкой, словно пергамент. Это действительно был тот самый шарф из его видения! Его охватило чувство удовлетворения и облегчения.

— Пошли. Я голоден, — Чант мягко подтолкнул Демаскуса к выходу.

Ростовщик повернулся, чтобы закрыть дверь, и на миг звяканье ключей заглушило плеск падающей в фонтан воды. Они направились к таверне, однако Демаскус не удостоил окрестности даже мимолётным взглядом. Всё его внимание было приковано к шарфу. Ткань его казалась нежней, чем шёлк, но не скользила под пальцами. В свете фонарей она поблескивала, словно её поверхность скрывала под собой тайные письмена.

Что-то промелькнуло над его головой. Это было всё, что он успел заметить до того, как его ношу вырвали у него из рук.

— Вор! — заорал Чант, указывая пальцем.

Серебрянокожая женщина в чёрной маске пронеслась над ними, лёгкая, как облако, и взвилась в воздух. Шарф Демаскуса струился за ней, развеваясь, словно подхваченный вихрем.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Прыгая со стен на крыши, с парящих остров на подвесные мосты, Рилтана оттолкнулась от очередного каменного шпиля и взмыла прямо в небеса. Порыв вихря вознёс её на её любимую обзорную точку, расположенную на северном склоне горы. Буря в её душе зывала к ветру, и ветер отвечал ей.

Рассмеявшись, она прижала свою добычу к груди.

Наконец-то треклятый шарф оказался у неё!

Как ей и описывали, её цель имела весьма примечательную внешность. Кожа мужчины казалась белой, как мел, а, вспомнив о том, какое изумление было написано на его узком лице, когда он провожал её взглядом, она снова рассмеялась.

Ей не сообщали о том, что мужчина по имени Демаскус является членом кабала Огненного Шторма. Обычно кабалиты не принимали в свои ряды людей, однако его белые волосы свидетельствовали о том, что дженази он точно не был. Большинство жителей Эйрспура пребывали в уверенности, что члены кабала являются благородными защитниками города. Забавно. У неё-то хватало ума не прислушиваться к этому вранью.

И теперь один из лжецов остался без своего шарфа. Она принялась рассматривать полосу ткани, гадая, какую ценность она может иметь.

Беловолосый мужчина появился из ломбарда именно в тот час, который указал клиент Рилтаны, человек со скрытым капюшоном лицом и смрадным дыханием. Неплохая точность, учитывая, что их разговор имел место более четырёх лет назад.

Когда её клиент уточнил временные рамки задания, она захихикала, подумав, что это какая-то шутка. В ответ из-под капюшона раздалось шипение. Очевидно, он был не из тех, кто любит шутить.

Рилтана спросила своего клиента, обязательно ли ей дожидаться того момента, когда Демаскус лично заберёт шарф из ломбарда, ведь было намного проще вломиться в магазин и похитить его прямо оттуда. Зачем медлить? В ответ тот снова зашипел, на этот раз громче и раскатистей. Не лучшее объяснение, но её оно вполне устроило.

Четыре года — достаточно долгий срок для того, чтобы даже самое точное предсказание оказалось неверным. Однако предложенный ей гонорар был весьма неплох — этой суммы хватило на то, чтобы покрыть аренду за её жильё на три полных года, и даже немного осталось.

Поэтому сегодня она прибыла на место за несколько часов до назначенного времени. Обещанная ей вторая часть платы была слишком велика, чтобы бросать дело на полдороге.

Когда её цель появилась на грязной площади, спрятавшуюся на крыше магазина Рилтану охватило возбуждение. Увидев, как из бара высыпали агрессивно настроенные пьяницы, она слегка встревожилась и даже начала подумывать о том, чтобы вмешаться. К счастью, этого

не потребовалось. Вслед за полным человеком беловолосый зашёл в магазин.

Когда она вырвала из его рук полосу светлой ткани, на его лице возникло изумлённое выражение. Изумлённое и немного печальное.

Она с улыбкой взглянула на шарф и понюхала его; пахло пергаментом и книжным клеем. Ткань была весьма добротной, хоть и мягкой. Скорее всего, на неё было наложено некое заклятие. Интересно, какое? Повертев шарф в руках, она потянула его за концы. Скорее всего, не очень сильная магия, защищающая носящего его от холода, как это популярно среди богачей. Впрочем, как бы то ни было, эта вещь представляла для её клиента немалую ценность — а, следовательно, и для неё тоже.

Чтобы получить остаток денег, она должна встретиться с человеком в капюшоне в Сепульчере сразу после наступления полуночи.

Некогда там обитали гоблины и орки, однако переселенцы-дженази вынудили их покинуть те края. Теперь Сепульчер стал местом, где заключались разного рода сделки, которые было слишком опасно проворачивать там, где властвовал закон.

Она задалась вопросом, не стоит ли ей прямо сейчас отправиться к месту встречи; добраться туда было непросто, и на то, чтобы преодолеть весь путь, требовалось время.

Но нет. Большую часть этого дня она потратила на выбор подходящего маршрута для отступления, чтобы после выполнения задания сбежать, бесследно затерявшись в парящих островах и объектах городской архитектуры. Не мешает немного отдохнуть. Кроме того, возможно, Карменере вернётся именно сегодня...

Рилтана скомкал шарф. Её ладони закололо, и её ноша переместилась в карманное измерение, которое было привязано к тонким кожаным перчаткам. Это был превосходный способ хранить добычу в безопасном месте. И, конечно, идеальный инструмент для столь искусного вора, как она.

Сняв маску, она вновь потянулась в пустоту. Маска исчезла, и в руках у неё появилось бело-голубая мантия Ходящих по Воздуху. Давным-давно она поняла, что горожане практически не обращают внимания на многочисленных посыльных, которые туда-сюда снуют по гористым уровням Эйрспура, а её стильный чёрный обтягивающий наряд и маска, хоть и были практически незаметны в темноте, могут привлечь к себе ненужные взгляды. Зачем пытаться передвигаться скрытно, если можно просто затесаться в толпу?

Рилтана надела мантию и взмыла в воздух, широко раскинув руки и ноги. Она устремилась к окружённому утёсами заливу, который виднелся вдалеке. Её левая рука стиснула верёвку подвесного моста, соединяющего два парящих острова. Резко крутнувшись, она опустилась на кровлю одного из находящихся ниже уровнем домов и, не теряя времени, бросилась вперёд.

Она стремительно перепрыгивала с крыши на крышу, с лёгкостью преодолевая разделяющее дома расстояние и попутно уворачиваясь от валунов, висящих в воздухе над городскими улицами и мостами. Наконец она добралась до шпиля, возвышающегося над площадью Скачущих Фонтанов, и остановилась.

На открытом пространстве находилось около дюжины скульптур, каждая из которых отличалась причудливыми резными формами. Из фонтанов в воздух били потоки воды, в которых отражались огни сотен светильников, находящихся на площади и соседних с ней улицах. По мостовой прогуливались прохожие, любясь уличными увеселениями и видами сверкающих театров, кафе, магазинов, таверн и прочих интересных зданий. Многие из них пели, смеялись и распивали алкогольные напитки, привезённые со всех концов побережья

моря Упавших Звёзд.

Площадь Скачущих Фонтанов находилась на большом парящем острове, расположенном на равном расстоянии от двух горных склонов Эйрспура. Именно здесь билось сердце этого города. И поэтому Рилтана каждый месяц выкладывала целую кучу денег за аренду.

Она подпрыгнула и, легко отталкиваясь от коньков крыши и верхушек оград, на которых висели фонари, всего за дюжину секунд преодолела четверть длины всего парящего острова. На наклонной кровле «Книг и заклинаний Барнарда» Рилтана остановилась. К стене здания примыкала ведущая с улицы лестница, однако она даже не помнила, когда пользовалась ею в последний раз.

То место, которое она арендовала у Барнарда, представляло собой большую, недавно отремонтированную мансарду. Некогда чердак магазина был завален грудями плесневеющих книг, однако она убедила Барнарда в том, что лучше использовать его в качестве жилого помещения. Согласившись с ней, хозяин потратил немало денег на то, чтобы облагородить его и обставить всей необходимой мебелью.

После этого он с радостью содрал с неё такую сумму за аренду, что у неё глаза на лоб полезли. Однако, без сомнений, с сынка какого-нибудь богатея он мог бы запросить и в два раза больше. В конце-концов, разве это место не идеально?

Отперев дубовую панельную дверь, Рилтана вошла внутрь.

Когда она переступила через порог, вспыхнул неяркий свет. Её жилище представляло собой помещение с полом из твёрдой древесины и высоким потолком. Вокруг камина стояли стулья с пышными мягкими сиденьями. Здесь и правда было просто *идеально*... если не считать одного нюанса.

Карменере здесь не было.

Рилтана подошла к столику с отделанной изразцами столешницей, который находился у так называемой «большой» стены — хотя, если честно, её размеры не так уж впечатляли. Письмо для Карменере находилось на том же месте, куда она его положила восемь часов назад. Как и все письма, которые она оставляла за последние три месяца. Непрочитанные и неотвеченные.

Глупо продолжать писать их. Карменере никогда не вернётся.

Со вздохом Рилтана смахнула записку в тот ящик, где хранились её прошлые послания, полные раскаяния и сожалений об упущенных возможностях. Когда она только начинала писать их, этот процесс её слегка успокаивал. Каждый раз она ощущала, как с её плеч падает часть давящего на них груза вины. Когда-нибудь, думала она, ей и правда станет легче.

Но месяц следовал за месяцем, а её печаль оставалась столь же остра, как и прежде. Она задавалась вопросом, не превратились ли эти ежедневные записки в некий ритуал, который мешал ей отпустить прошлое и устремить взор в будущее.

Откупорив полупустую бутылку красного вина, Рилтана щедро плеснула его в хрустальный бокал, рухнула на стул с высокой спинкой и отхлебнула. Учтявая, что бутылка стояла открытой уже три дня, вполне неплохо. Лучше уж выпить его до того, как оно успеет окончательно скиснуть; она терпеть не могла выбрасывать хорошее вино.

Рилтана взболтала алую жидкость. Как и всегда, её охватили воспоминания о том, как она и Карменере сидели здесь, потягивая вино из бокалов. Никто не умел смеяться так заразительно, как Карменере; никто не мог заставить Рилтану смеяться так, как Карменере.

И никого, кроме самой Рилтаны, нельзя было винить. Она скривилась, в тысячный раз задумавшись над своей ошибкой.

Эго и гордыня имеют свою цену — одиночество.

Рилтана допила бокал и поднялась на ноги. Взяв перо, она поспешно написала новое сообщение для Карменере, в котором говорилось, что она отправляется на встречу с клиентом в Сепульчер, чтобы получить немалую сумму за выполненное задание. При мысли о куче монет, которые вскоре окажутся в её руках, её охватило чувство удовлетворения.

Перспектива получить столь большое вознаграждение почти заставила её забыть о своих проблемах. Почти... но не совсем. Однако пока сойдёт и это.

Вновь надев чёрный комбинезон и маску, она покинула чердак.

Ночь уже вступила в свои права, но на площади по-прежнему было полно народу. Вечерний воздух пах дымом и морской водой. Вдохнув его полной грудью, Рилтана по крышам устремилась к месту встречи.

Сепульчер находился позади Аканского водопада, расположенного в самой восточной части Эйрспура. С обзорных площадок, находящихся на склонах окружающих его гор, горожане и гости города могли насладиться одним из прекраснейших видов во всём Фаэруне — по крайней мере, так заявляли возбуждённые торговцы из Велталара, которых она когда-то подслушала. Вероятно, в дневном свете множество искрящихся потоков воды, обрушивающихся вниз по каменным уступам, и правда производили неизгладимое впечатление, в особенности учитывая тот грохот, который стоял вокруг.

Однако ночью картина была далеко не столь эффектной. Тьма скрывала очертания водопада, и его струи, в любой момент способные непредсказуемо изменить направление, грозили ей гибелью, если она окажется слишком неосмотрительна, чтобы попробовать пролететь между ними.

Многим из представителей низшего сословия Эйрспура было известно о том, что позади водопада есть скрытая дверь, за которой находится сложный подземный лабиринт, ведущий в Сепульчер. Обычно в том месте заключались незаконные сделки и передавались из рук в руки товары, которые были слишком опасны, чтобы торговать ими где-либо ещё. Однако, чтобы попасть туда, требовалось прыгнуть в водопад, умело маневрируя между падающими с бешеной скоростью струями воды. Для того, чтобы успешно преодолеть этот путь, далеко не всегда оказывалось достаточно простой грубой силы и непревзойдённой ловкости.

Рилтану всегда интересовало, сколько начинающих воров расстались с жизнью, пытаясь проникнуть в Сепульчер таким способом. Это служило чем-то вроде испытания — хватит ли у тебя глупости для того, чтобы без оглядки прыгнуть в водопад, или же ты всё же решишь включить мозги и задашься вопросом — неужели воротилы воровского мира каждый раз рискуют своей шкурой ради того, чтобы получить очередную партию гептума? Конечно, нет. Здравый смысл подсказывал, что в лабиринт должны вести и другие пути — те, для которых не требовалось пролетать между непредсказуемыми струями падающей воды. Рилтана знала три.

Добравшись до середины северного склона, она оказалась на небольшой извилистой улице. За плотно пригнанными каменными плитами находилась потайная дверь, ведущая в сырой подвал, который был заброшен давным-давно. Теперь он служил входом в расположенные под горой тёмные тоннели.

Рилтана щёлкнула пальцами, и в её руках появился прозрачный солнечный жезл. Когда она встряхнула его, тот по всей длине окутался жёлтым сиянием. Держа его перед собой, она начала спуск в лабиринты Эйрспура.

Под скалами, на которых был расположен город, находился целый комплекс петляющих

тоннелей и пещер. Некоторые из них являлись творением природы, другие же были искусственной постройки. В число последних входили и широко раскинувшиеся Катакомбы. Там столетиями хоронили мертвецов Чессенты, а на протяжении последних пятидесяти с лишним лет — и дженази тоже.

Обойдя стороной склепы, в которых покоились мёртвые — там несли стражу немногочисленные группы миротворцев — Рилтана направилась к самому дальнему краю подземелий. Некоторые тоннели теперь служили частями канализации большого города, хотя никто понятия не имел, куда именно стекает большая часть струящихся по ним нечистот. Но, так или иначе, это спасало бухту Эйрспура от участи городского отстойника.

Рилтане доводилось слышать, что некоторые ходы ведут в недра Подземья, где находятся кристальные пещеры, моря, не знающие солнечного света, и целые леса грибов, которых обвивали разумные плетоядные лозы... Она всегда считала, что это всего лишь байки, которые воры травят друг другу, чтобы пощекотать нервы. Однако, когда она оказалась в нужном тоннеле и направилась вперёд, минуя боковые ответвления и входы в пещеры, мысли об этом продолжали крутиться в её голове.

Один из попавшихся ей на пути проходов был превращён в сток канализации. Множество коричневых потоков струились по полу тоннеля. Несмотря на то, что она ожидала чего-то подобного, вонь нечистот оказалась просто омерзительной.

Её путь занял почти полчаса. Наконец впереди послышался утробный грохот Аканского водопада. Если бы она была на поверхности, громогласный рёв наверняка оглушил бы её. Сюда же долетали лишь его отголоски. Сквозь камень ощущалась дрожь. Она была близко.

Через дюжину шагов в воздухе начала чувствоваться сырая вонь гниющей рыбы, которая перекрывала даже запах канализации... почти. Впереди показался свет, который был более ярким, чем сияние её солнечного жезла. Погасив жезл, она убрала его в пространственный карман и двинулась дальше.

У входа в огромную пещеру Рилтана остановилась. Из неё вело несколько тоннелей, некоторые из которых располагались даже на потолке. От вонючего и влажного воздуха у неё во рту возник горький привкус, и её чуть не стошнило.

Свет исходил от множества грибов, которые практически сплошным ковром покрывали стены и потолок пещеры. Судя по виднеющимся на камнях горизонтальным линиям, это помещение очень долгое время было частично или полностью затоплено.

Значит, она на месте. Ей доводилось бывать в Сепульчере лишь дважды — один раз для того, чтобы продать астральный бриллиант, а второй — доставить посылку. Тогда она заблудилась на обратном пути и твёрдо решила, что ноги её здесь больше не будет.

Пока Калкан не заключил с ней контракт. Впервые она встретила с ним в кафе, которое располагалось на южном склоне. Предложение доставить шарф в Сепульчер не вызвало у неё восторга, но предложенная плата была слишком велика, чтобы отказываться от неё.

Войдя внутрь, Рилтана увидела, что она здесь не одна.

Мужчина с коричневой кожей занимался тем, что в одиночку метал игральные кости. За каждым его броском, сосредоточенно сузив глаза, внимательно наблюдала женщина-тифлинг. И... орки! Двое орков бесцельно слонялись возле дальней стены, споря насчёт содержимого плетёной сумки.

Разумеется, ей уже доводилось видеть орков, но так близко — никогда. Эти звероподобные гуманоиды с огромными, полными клыков пастьями и висящими на броне

жуткими трофеями выглядели ужасной и жестокой пародией на людей.

Её нанимателя нигде не было видно. Мужчина — земляной дженази — поднял на неё взгляд.

— У меня здесь назначена встреча, — произнесла Рилтана.

Все присутствующие повернули к ней головы. Женщина-тифлинг хихикнула.

Воцарилась полная тишина, и желудок Рилтаны перевернулся.

— Вы знаете, о ком я говорю? — спросила она. — Вас послал сюда мужчина в капюшоне или вы здесь по иным делам?

Отлично. Её клиент всё же соскочил. Возможно, за прошедшие четыре года с ним что-то произошло, и...

— Да, — произнёс земляной. На его коже влажно изгибались линии зулдар. — Наш наниматель прислал нас сюда с той же целью. Ты и есть та воровка? Добыча с тобой?

Женщина-тифлинг расхохоталась. В её бессмысленном смехе слышались истеричные и злые нотки.

— Отлично! — воскликнула Рилтана, заставив свой голос звучать уверенно. Хотя она терпеть не могла, когда её называли воровкой, но решила на этот раз проигнорировать неуважительное обращение. — Отдайте те деньги, которые были мне обещаны, и я передам вам товар.

За спиной Рилтаны раздался какой-то звук, и она обернулась. Ох, всё лучше и лучше — из бокового прохода появился ещё один орк, преградив ей путь к отступлению.

И снова этот дебильный смех.

— Может, заткнёшься? — рявкнула Рилтана, обращаясь к тифлингу.

Хриплые голоса стоящих возле дальней стены орков стихли, и они устремили на неё голодные взгляды. Один из них подошёл ближе.

Рилтана вскинула руку.

— Итак, придурки, ни шагу дальше, а не то я немедленно покину это место и ваш босс останется без своей цацки.

— Не спеши, Рилтана, — раздался сверху знакомый голос. — Мои наёмники слегка перегнули палку, вот и всё.

Подняв голову, она увидела, что из узкого тоннеля, представляющего собой лишь дыру в потолке, выглядывает закутанный в плащ силуэт.

— Это ты, Калкан?

— Верно. Итак, отыскала ли ты того бледнокожего малого, для поисков которого я тебя нанял? Вуаль Демаскуса у тебя?

— Да, я нашла Демаскуса, хоть наша встреча и оказалась весьма мимолётной. Деньги при тебе?

Подняв рюкзак, Калкан встряхнул его. Звон монет можно было слышать даже сквозь приглушенный шум Аканского водопада.

— Итак, Вуаль, — произнёс её наниматель. — Позволь мне взглянуть на неё. Не люблю оказываться обманутым.

Тифлинг снова захихикала. С ней определённо что-то не так.

Игнорируя женщину, Рилтана взмахнула руками, словно творящий заклинание волшебник, и достала шарф из подпространства перчаток. Перегнувшись через край тоннеля, Калкан уставился на полосу ткани. Наконец он кивнул. Щёлкнув пальцами, Рилтана убрала шарф обратно.

— Как только этот рюкзак окажется за моими плечами, — произнесла она, — эта вещь станет твоей. А пока что я оставлю эту... как ты её назвал, вуаль?.. в том месте, куда есть доступ только у меня.

— Разумно, — сказал её наниматель. — Но совершенно бессмысленно. Видишь ли, Рилтана, сама по себе Вуаль меня не особо интересует. Твоя задача состояла в том, чтобы Демаскус лишился её в нужный момент.

— Эм... что? Я не понимаю.

— Твоё понимание и не требуется — требуется лишь твоё *вечное* молчание.

Вот же отродье маринованной в моче пиявки! Дело приняло дурной оборот.

Взрыв в воздух, Рилтана отпрыгнула назад и перемахнула через голову подступившего к ней третьего орка. Не успели её ноги коснуться земли, как она уже выхватила короткий меч и вонзила клинок в его тело. Орк с бульканьем упал.

Из-за камня появился четвёртый орк, которого она раньше не заметила. Он двинулся вперёд. Рилтана начала отступать к центру пещеры, но споткнулась о тело поверженного ею врага и упала. Удар об землю оказался настолько сильным, что её дыхание на миг перехватило.

Радостно вскрикнув, женщина-тифлинг взмахнула ногой, чтобы пнуть Рилтану в лицо. Схватив её за ботинок, она крутнула его и с силой толкнула свою противницу назад. Та упала, сбив с ног приближающегося дженази. Торопливо поднявшись, Рилтана обратилась к своей стихии. Вихрь вознёс её над головами наёмников. Пора сваливать!

Вскинув над головой короткий меч, она устремилась напрямик к отверстию в потолке, откуда Калкан наблюдал за всем происходящим. Зачем терять время на возню с наёмниками, когда можно одним махом избавиться от источника проблемы? Она вышвырнет этого двуличного ублюдка из его вонючей дыры...

— Я так не думаю, — произнёс Калкан, вскидывая одетую в перчатку руку. Мир перевернулся. В голове Рилтаны вспыхнула жаркая боль, и ветер покинул её.

Она начала плавно опускаться обратно на пол, где уже поджидали мечи, топоры и кинжалы головорезов её клиента.

— Ты, жалкий трус! — воскликнула Рилтана. От пульсирующей в голове боли её глаза застлала алая пелена ярости, отчасти приглушившая скручивающий кишки страх.

Она уклонилась от удара орочьего топора, который едва не прервал её полёт, и, наступив на голову земляного, опустилась на землю. Снова взвившись в воздух, она отпрыгнула подальше от наёмников.

И, задыхаясь, приземлилась возле дальней стены пещеры. Торопясь оказаться как можно дальше от нападающих, она не посмотрела, куда именно прыгает. Теперь они стояли прямо между ней и тем тоннелем, через который она сюда попала — самым лёгким путём к спасению.

Орочий топор выбил искры из камня рядом с её головой. Она ответила любезностью на любезность — выхватив один из спрятанных в одежде кинжалов, метнула его во врага. Её удар оказался куда точнее, и орк рухнул, издав бессильный хрип. Из его глазницы торчал нож.

Рилтана обратилась к своей стихии, однако прошло слишком мало времени для того, чтобы капризный воздух вновь согласился вознести её наверх.

— Вот шельмец! — иногда темпераментная натура ветра всерьёз действовала ей на нервы.

Расступившись, чтобы она не смогла обойти их сзади, оставшиеся наёмники начали приближаться.

Рилтана собралась с силами. Её противники находились достаточно далеко друг от друга, так что у неё были неплохие шансы прорваться сквозь эту ненадёжную защиту, зарубив любого, кто окажется достаточно глуп, чтобы напасть на неё первым.

Как она и ожидала, это была женщина-тифлинг.

Рилтана заблокировала косой удар её длинного меча, одновременно уходя с линии атаки, а затем с разворота приложила свою противницу ногой, впечатав каблук в её лицо и наконец-то стерев с губ дурацкую ухмылку. Тифлинг рухнула на пол, словно набитый картошкой мешок. Уже трое.

— Стоять! — прогремел сверху голос.

Земляной и оставшиеся орки замерли на месте, подняв взгляд на своего работодателя.

Соврал ли Калкан, сказав, что шарф ему не нужен? Мог ли он передумать, видя, что пытаться забрать его с её бездыханного тела слишком сложно? Каковы шансы на то, что он всё же решил отдать ей требуемую сумму? До сих пор ей везло. Опасался ли он, что ей удастся без проблем расправиться и с тремя оставшимися наёмниками?

Инстинкты подсказывали ей бежать, пока её противники отвлеклись, однако перспектива маячащей перед ней награды оказалась слишком сладка...

— Не бойцы, а жалкие ублюдки, — произнёс мужчина в капюшоне, отступая назад.

— Мы только разогреваемся! — воскликнул земляной.

— Сомневаюсь — прозвучал приглушённый расстоянием ответ из-за каменной гряды. — Если так пойдёт и дальше, то она прикончит вас, не дав мне шанса продемонстрировать мой финальный сюрприз.

Сюрприз? Всё, с неё хватит. Рилтана бросилась вперёд, стремясь проскочить между двумя наёмниками, которые стояли достаточно далеко друг от друга — земляным дженази и одним из выживших орков.

Однако тот оказался достаточно быстр, чтобы преградить ей путь. Топор и клинок столкнулись.

Сверху раздался скрежет металла о металл. Рокот вод Акана стал в два раза громче.

Глаза земляного расширились.

— Бегите! — заорал он и, выронив молот, со всех ног устремился к выходу. С озадаченными выражениями на клыкастых мордах орки последовали за своим предводителем.

«Дерьмо, дерьмо, дерьмо!..» — пробормотала Рилтана и бросилась за дженази.

По пещере пронёсся порыв влажного ветра. Сквозь одну из дыр в потолке хлынул мощный поток пенящейся воды, который сбил с ног земляного и орков, увлекая их к находящемуся в полу круглому отверстию. Их вопли затерялись в грохоте воды.

Рилтана подпрыгнула над приближающейся волной, и на сей раз ветер всё же сообразовал подхватить её, не дав рухнуть в бурлящий поток.

— Да!

Она поднялась выше, однако покрытая пеной вода неотступно следовала за ней. Пещеру стремительно затапливало.

Наконец она оказалась возле прохода, в котором скрывался её клиент. Он был пуст. Получится ли у неё подняться по нему прежде, чем он осознает, что ей удалось ускользнуть из расставленной им ловушки? Успеет ли она это сделать, пока переменчивый ветер не

устанет держать её на своих крыльях?

Впереди появился закутанный в плащ силуэт. Под тьмой капюшона блеснули белоснежные острые зубы. Железная перегородка обрушилась вниз, перекрыв проход. Звук задвигаемого стального засова резанул её слух.

Ей хотелось закричать, однако стремительно прибывающая вода уже захлестнула её лодыжки. Она сделала глубокий вдох, и через миг сильное течение подхватило её, увлекая в глубину.

Всё ниже, ниже и ниже, пока воды не сомкнулись над ней и Рилтану не затащило в сливное отверстие в полу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Заинтересовавшись произошедшим на их глазах грабежом, несколько прохожих обернулись, но очень скоро вернулись к своим обычным делам. Некоторые магазины закрывались, другие, наоборот, открывались, распахивая свои двери для ночных посетителей. Окна небольших харчевен и театров озаряло окутанное дымом сияние свечей.

Чант Морвен смотрел на бледнокожего мужчину, гадая, что тот собирается делать дальше. Демаскус стоял, неотрывно смотря туда, где воздушная воровка исчезла за краем парёщего наверху острова. Его рот был изумлённо распахнут.

— Ну и дела... — Чант нахмурился. Его терзал вопрос, не лежит ли на нём часть ответственности за то, что только что произошло. На протяжении четырёх последних лет его работа состояла в том, чтобы хранить шарф в безопасном месте. Хотя он и передал его законному владельцу, его украли прямо у него на глазах... что ж, надо это обдумать.

Медленно повернувшись, Демаскус перевёл взгляд на Чанта. На его лице был написан шок. Его рот открывался и закрывался, но оттуда не вылетало ни звука.

— Эй, ты в порядке? — ранее Чанту уже приходилось видеть такое выражение на лицах людей, но обычно при этом у них в груди торчал меч.

— Нет... мне нужен этот шарф.

— С ним связаны какие-то воспоминания?

— Я... надеялся, что да.

И что это должно значить? Чант пристально посмотрел на Демаскуса, но тот словно оказался в бушующем море без руля и ветрил. Как и четыре год назад, ростовщик обратил внимание на необычные рисунки, покрывающие руки Демаскуса. Создавалось впечатление, что большая часть узора скрывается под одеждой. Внезапно он задался вопросом, являлись ли эти серые линии татуировками, как он считал всё это время, или же они были неотъемлемой частью его тела?

Чант переступил с ноги на ногу. Наверное, ему лучше просто уйти. Он уже получил по лицу за то, что пытался остановить назревающую перед его магазином драку. В конце-концов, у него и своих проблем хватает! Он опять просрочил платёж Ранегеру, и из-за этого Джаул оказался в опасности...

Но, судя по виду Демаскуса, произошедшее полностью выбило его из колеи. Это чувство было ростовщику прекрасно знакомо. Вдобавок обычно нехарактерное для него чувство ответственности за судьбу отданной ему на столь долгое хранение вещи никуда не делось.

Необдуманная фраза вырвалась у него изо рта раньше, чем он успел прикусить язык.

— Помнишь, я говорил тебе, что мастерски умею признавать секреты этого города? Я могу выяснить, кем была эта воровка, и, возможно, даже найти, в каком районе она обычно промышляет; точно не здесь, иначе я бы её узнал.

Лицо Демаскуса просветлело от охватившего его чувства благодарности.

— Это... да. Мне нужен этот шарф.

— Тогда приступим к поискам. К тому же рутину иногда полезно чем-нибудь разбавить.

Ты ещё не передумал идти в Фонарь? — Чант махнул рукой в сторону таверны. При мысли о еде в его объёмистом животе забурчало.

Демаскус втянул в грудь воздух, словно готовясь закричать, но взял себя в руки и кивнул.

— Да, пойдём... Не могу припомнить, когда ел в последний раз.

Вслед за Чантом он зашёл внутрь.

В помещении стоял запах чеснока и жареных кальмаров. Внезапно ростовщик осознал, что, несмотря на всё произошедшее, решение отправиться в Фонарь было абсолютно правильным.

Они уселись за столик возле стены. Чант попросил служащего бара принести им по тарелке голубых кальмаров и немного пряных булочек. И эля.

Он обвёл взглядом помещение. Гарта нигде не было видно, и он облегчённо выдохнул. Дружки этого пьянчуги унесли его с площади, но, к счастью, в Фонарь они не вернулись. Затем Чант заметил Мьелку.

— Прости, я отвлекусь на минутку, — произнёс он.

— Да, конечно, — ответил Демаскус. Судя по всему, его настроение немного улучшилось.

Ростовщик жестом подозвал к себе невысокую женщину в тускло-зелёном плаще. Приблизившись, она наклонилась к нему. Громким шёпотом он принялся объяснять ей, что ему нужно. В какой-то момент она смерила Демаскуса безразличным взглядом. Он продолжил говорить. Наконец она кивнула и после того, как он передал ей пару монет, поспешила к выходу.

Чант вновь посмотрел на Демаскуса — как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот закрывает лицо ладонями.

— Эй, сейчас не время для этого! Нам даже пива ещё не принесли.

Со вздохом Демаскус опустил руки.

— Это была Мьелка, — объяснил Чант. — Она порой выполняет для меня кое-какие поручения. Я дал ей описание той воровки, которая украла твой шарф. Если нам повезёт, то через день или два мы что-нибудь о ней узнаем.

— Правда?

— Не вижу никаких причин считать иначе.

Прежде чем Демаскус успел ему ответить, на стол перед ними опустились две пинты горького эля, принесённые любезным служащим. Чант придвинул одну из них к Демаскусу. Подняв тяжёлую от переполнявшего её хмельного напитка кружку, ростовщик произнёс:

— За то, чтобы найти воровку, которая украла твой шарф!

Их кружки со звоном столкнулись.

Чант выпил. Отличавшийся густым и резким вкусом эль оказался довольно прохладным. В нём чувствовался оттенок корицы. Ростовщик был уверен в том, что это лучший эль, который только можно найти в Эйрспуре. Судя по одобрителю выражению, возникшему на лице Демаскуса, тот оказался с ним согласен.

— Лучше? — спросил Чант. — Вот и славно.

Ему тоже стало лучше. Так было проще на время забыть о своих горестях и печалях.

Ладонь привычно сжимает ручку кружки, а в желудке разливается приятное тепло... тут, главное, вовремя остановиться.

Когда официант принёс им две полные тарелки еды, охватившее его чувство облегчения стало в два раза сильнее. Чант улыбнулся. Его настроение заметно улучшилось.

Они приступили к трапезе. Кальмары были приправлены очищенным миндалём, чесноком и красным перцем. Чант считал себя немного гурманом и точно знал, что за такое же блюдо в более престижных районах города пришлось бы заплатить раза в три больше. Он был в этом уверен, потому что самолично передал этот рецепт владельцу Фонаря, раздобыв его в одном из тех знаменитых ресторанов с помощью своей небольшой шпионской сети.

Когда на тарелке больше ничего не осталось, Чант очнулся от пищевого транса. Демаскус также успел расправиться со своей порцией.

— Немногие могут сравниться со мной в поедании пищи, — рассмеялся ростовщик.

На лице Демаскуса возникла грустная улыбка. Сейчас он выглядел намного расслабленней.

— И во сколько же мне обойдётся поиск воровки? — спросил он.

Чант смахнул крошки с жилета.

— Дай мне десять дней, и я поднесу её тебе на блюдечке. Полагаю, двадцать монет покроют все расходы плюс некоторая сумма сверху за мои услуги...

— Десять дней!

Чант ожидал, что его собеседник станет торговаться по поводу суммы, а не сроков.

— На такие вещи требуется время. Я же не волшебник, который может вызвать мудрого и всеведущего духа-помощника. А, если бы и мог, стоило бы это как минимум раз в десять дороже.

— Хорошо. Всё лучше, чем ничего, — подбородок Демаскуса снова опустился.

Пора бы сменить тему беседы; Чанту не нравились угрюмые собутыльники. Подняв вилку, он указал ей на плащ Демаскуса.

— Значит, теперь ты с кабалом Огненного Шторма? Четыре года назад ты не носил алое.

— С кабалом? В этом меня обвинял тот пьянчуга. Из-за одежды?

— Разумеется, а как иначе? Или что, ты носишь их цвета ради шутки?

Демаскус принялся рассматривать рукава плаща. Его глаза сузились, словно он вспомнил что-то неприятное. Подняв взгляд, он резко выпалил:

— Расскажи мне о кабале Огненного Шторма.

Глаза Чанта невольно расширились.

— Что ты имеешь в виду — расскажи?

— Чант, притворись ненадолго, что я ничего не знаю об алых плащах и том наряде, который ношу. Во имя Адов, просто скажи мне, что из себя представляет этот кабал!

— Ладно, хорошо. Не кипятись, — Чант сделал глоток пива. — Итак, вот в чём суть. Многие верят, что члены кабала являются заступниками Аканула и интересов дженази. Следует признать, иногда они и правда играют эту роль, защищая народ от множества опасностей. Особенно тщательно они следят за тем, чтобы ни один драконорождённый из Тимантера не смел даже подумать о том, чтобы приблизиться к границе. Большинство считают, что кабал Огненного Шторма — герои.

— Большинство?

— Положение, знаешь ли, обязывает меня знать больше. Правда в том, что им плевать

на народ — они заботятся лишь о своих собственных интересах. Многие из членов кабала частенько совершают весьма неприглядные поступки. Как я считаю — даже если они и действуют во благо народа, то лишь тогда, когда это им выгодно. Те, кто живёт на верхних островах, ведутся на их трёп, но здесь, внизу, большинство считает их лишь жалкими приспособленцами и не питает к ним особой любви.

— Это многое объясняет... — осуждающе покачав головой, Демаскус пробежался пальцами по рукаву плаща.

— Ты ведь не являешься членом кабала, не так ли? — спросил Чант. — И ты ждёшь, что я поверю, будто ты никогда о нём не слышал?

— Ах... что-то вроде этого.

Чант понятия не имел, как ему следует отнестись к заявлению Демаскуса. Кто же не слышал о кабале? Наверное, Демаскус, не являясь дженази, был новичком в Эйрспуре. Его наивность и неосведомлённость могут подставить под удар его самого.

— У тебя, друг мой, большие проблемы, — наконец произнёс Чант.

— Куда больше, чем ты думаешь, — сделав долгий глоток эля, Демаскус поставил кружку на стол. — Мне нужно кое в чём признаться.

Вот гадство! — подумал Чант. — Он и правда наёмник кабала, у которого на меня контракт! Ростовщик нащупал рукоять небольшого арбалета, висящего у него на поясе.

— Ты работаешь на Ранегера, — обвиняюще произнёс он натянутым голосом.

— Эй, погоди-ка! — воскликнул Демаскус. — Мне нужна твоя помощь, а не кровь. Вот тебе правда: я понятия не имею, что, во имя Адов, происходит. Этим утром я очнулся на алтаре посредине некоего древнего святилища, которое находится к западу от города. И до этого момента я... ничего не помню. Я понятия не имею, как туда попал, я даже собственного имени вспомнить не мог! Позже небольшая часть воспоминаний вернулась ко мне; например, я уверен, что некогда владел этим шарфом, а кто-то называл меня Демаскусом, но... — он пожал плечами.

Чант сморгнул.

— Для того, кто утратил память, ты держался весьма неплохо.

— Лишь потому, что мне невольно удалось ввести тебя в заблуждение. Каким-то образом я подсознательно отыскал дорогу к твоему магазину, хотя, судя по всему, лишь по чистой случайности мне повезло не пройти мимо него. Я и понятия не имел, что у тебя есть принадлежащая мне вещь, пока ты об этом не сказал.

— Невероятно, — пока что Чант решил притвориться, что верит в рассказ Демаскуса. Ему доводилось слышать о тех, кто утратил память из-за проклятия, допущенной при сотворении заклинания ошибки или в результате эффектов Магической Чумы. Отпустив рукоять арбалета, он поднял пивную кружку и, сделав глоток, произнёс:

— Как же так вышло, что ты нынче носишь алое?

— Когда я очнулся, на мне *вообще* не было никакой одежды. Вокруг валялись одни трупы, и на них были подобные плащи. Я забрал с тел всё, что могло мне пригодиться.

— Получается, что вот этим самым утром ты очнулся в окружении множества убитых членов кабала Огненного Шторма? — до Чанта не доходили слухи, что в последнее время кабал нёс какие-то потери. Если Демаскус говорит правду, в его руки плыл большой куш. Достаточно отыскать того, кто готов заплатить за эту информацию звонкой монетой...

Понизив голос, Демаскус произнёс:

— Кроме тел дженази, там также были и... я полагаю, это были мёртвые демоны.

Думаю, ритуал призыва пошёл не по плану. Совсем не по плану! И, судя по всему, на роль жертвы предназначался именно я. В результате их действий я утратил память, но, по крайней мере, они не успели завершить то, что намеревались.

Чант нахмурился.

— Возможно, они лишили тебя памяти ещё до принесения в жертву. Если твой труп станет допрашивать кто-то, владеющий искусством некромантии, ты не сможешь указать на своих убийц.

— Я... уфф, жуть какая-то. Но, полагаю, что да, такое возможно. В моей памяти сохранились лишь отрывки прошлого, и я не могу судить об этом наверняка.

— В тот момент, когда Гарт напал на тебя на площади, ты же что-то вспомнил? То световое шоу было весьма впечатляющим.

Демаскус слегка кивнул.

— Когда они разом надвинулись на меня, мне привиделось, что я стою на поле боя, окружённый толпой нежити. *Огромной* толпой. Правда, воспоминание было довольно кратким. Я сотворил нечто вроде световой бури, которая поглотила приближающихся мертвецов... — он покачал головой. — Мой шарф был при мне! И некоторые другие вещи, включая древний меч, который чуть не разрывало от переизбытка Силы.

— Хммм. В середине славной барной стычки как-то нет времени вспоминать о таких мелочах. И это всё? Зачем же ты вступил в бой с ордой нежити?

Промолчав, Демаскус пожал плечами.

— С другой стороны, неплохо, что ты это вспомнил — вышло весьма ярко, — вновь заговорил Чант. — Если бы ты не разобрался с Гартом, то, скорее всего, тебе бы пришлось иметь дело с целой толпой пьяных идиотов.

— Полагаю, что так, — произнёс Демаскус.

Ростовщик потрогал пальцем то место, куда его ударил Гарт. Скорее всего, останется скверный синяк. Он вздохнул.

— Ну, если ты вспомнил и имя, и шарф, и всю эту заварушку с нежитью, то, вполне возможно, что со временем память полностью вернётся к тебе. Может, стоит просто подождать?

— Может, — в голосе Демаскуса звучала неуверенность.

— Интересно, кто же ты такой на самом деле. Очевидно, силой ты обладаешь немалой, — что само по себе открывало весьма захватывающие перспективы. Значит, стоит потратить время на то, чтобы заручиться его дружбой.

— Боги тени, Чант, никто не жаждет узнать об этом сильнее меня! — воскликнул Демаскус.

Внезапно ростовщика осенила идея. Это же так просто! Позже он винил эль в том, что решил высказаться, не успев хорошенько всё обдумать.

— Эй, а знаешь, кому точно известно, кто ты такой? Кабалу Огненного Шторма! Ведь именно они принесли тебя в то святилище, верно? Скорее всего, они о тебе всё знают.

Демаскус выпрямился.

— Можешь отвести меня к ним?

— Что, в Материнский Дом? Конечно, но...

— Прекрасно, — Демаскус с силой ударил рукой об стол. Кружки подпрыгнули. — Пошли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Их ботинки грохотали по узкому подвесному мосту, соединяющему два парящих острова. Сияющие внизу многочисленные огни Эйрспура тонули в ночной тьме, наползающей с южного склона. Вечерний ветерок играл с прядями длинных волос Демаскуса, и он порадовался наличию плаща, пусть из-за его цвета у него и возникли проблемы.

— Оплоты кабала разбросаны по всему Аканулу, — произнёс Чант. Демаскус видел, что его спутнику не пришлось по душе решение немедленно отправиться в обитель Огненного Шторма. Тем не менее, отказываться он не стал.

— Как я понимаю, Материнский Дом — это один из них, — произнёс Демаскус.

— Самый большой. Он является штаб-квартирой кабала. Именно тут его руководители встречаются, когда не заняты иными делами. Здесь же чистят пёрышки новые рекруты, если им, конечно, повезёт не наткнуться на кого-то вроде твоего нового знакомого Гарта.

Демаскус фыркнул.

- Ходят ли слухи о том, что кабалиты занимаются вызыванием демонов?

— Нет. Как я говорил раньше, они озабочены исключительно собственной выгодой. Все хорошие дела, которые они творят — лишь показуха для того, чтобы поддерживать свой имидж. Но, если выяснится, что они замешаны и в неких тайных сделках с тварями из Бездны, это станет отличной новостью!

Демаскус кивнул, вспомнив небольшого монстра, который пытался его сожрать. Тот грыз оторванную ногу с таким видом, словно это был вкусный сэндвич.

— В том святилище совершенно определённо творилось что-то подобное, — произнёс он.

— Я знаю людей, которые выложат немалую сумму за доказательства, — Чант потёр руки — Демаскус не мог сказать, то ли из-за того, что замёрз, то ли из-за перспективы маячащей впереди выгоды.

Добравшись до южного склона, они принялись подниматься по мостам и извилистым улочкам. Время близилось к ночи, так что народу им по пути попадалось немного. Городские фонари несли свою стражу в гордом одиночестве. Наконец Чант указал вперёд.

На скале высилось огромное гранитное здание. Если не считать многочисленных следов от ударов долота, на нём не было никаких украшений.

— Материнский Дом, — произнёс ростовщик.

Демаскус устремил взгляд на жутковатое строение, пытаясь прикинуть его размеры. Учитывая, что в нём не было окон, а единственным входом служили огромные двустворчатые врата, это оказалось весьма непросто. Вокруг дверей полыхало оранжевое пламя.

Перед Материнским Домом стоял элегантный экипаж. Два крылатых скакуна, запряжённых в покрытую чёрным лаком карету, стояли наготове, на месте кучера сидел воздушный в чёрной ливрее.

— Погоди-ка... — произнёс Чант, коснувшись руки Демаскуса.

Из огромных дверей показалась чья-то фигура. Расстояние и положение кареты мешали Демаскусу разглядеть, кто это был. Незнакомец сел в экипаж, и кучер щёлкнул поводьями. Расправив сложенные крылья, скакуны рванулись вперёд. Почти сразу же они вместе со своей ношей взмыли в воздух. Демаскус проследил за ними взглядом, но они быстро затерялись в ночной тьме.

Он посмотрел на Чанта.

— Что это было?

— Очень похоже на экипаж королевы Аратейн.

Демаскусу это имя было незнакомо, но титул говорил сам за себя.

— И что? — спросил он.

— Должно быть, происходит нечто необычное, раз она решилась открыто посетить оплот Огненного Шторма. Официально королева предпочитает держаться в стороне от кабака и его делишек.

— Возможно, это не она, а её посланник.

— Да, возможно. Ходят слухи, что Аратейн тайно поддерживает деятельность кабака, в особенности то, чем они занимаются на границах.

— Судя по всему, это не имеет ни малейшего отношения ко мне и моим делам, — произнёс Демаскус. Ему не терпелось отправиться внутрь.

Чант пожал плечами.

— Судя по всему, нет.

Они беспрепятственно добрались до двойной двери. Обрамлявшее её пламя танцевало и потрескивало, однако от него не исходило тепла. Дверная ручка была выполнена в виде пылающего шипа — того же символа, который украшал плечо его трофейного плаща.

Демаскус потянулся к ней, но Чант придержал его за руку.

— В чём дело?

— Час уже поздний, — произнёс ростовщик. — Сомневаюсь, что в Материнском Доме по ночам принимают посетителей. Если мы хотим узнать что-то стоящее, нужно проникнуть внутрь незаметно.

— Есть ли сюда иные пути входа? — спросил Демаскус.

- Насколько мне известно — нет. Но, если ты дашь мне немного времени, чтобы осмотреться...

Схватившись за дверную ручку, Демаскус ударил ею о металлическую пластину, к которой она была прикреплена — один раз, второй, третий. Звук оказался удивительно громким.

— Предпочитаю действовать напрямик, — произнёс он.

Чант нахмурился. Это слегка расстроило Демаскуса. Судя по всему, ростовщик не одобрял необдуманных решений.

— Если именно члены кабака доставили тебя в ту глушь, чтобы убить, почему ты считаешь, что они окажутся рады видеть тебя живым и здоровым?

А ведь неплохой довод. Скорее всего, он направляется напрямиком в...

Двери распахнулись, и на пороге возникла стражница-дженази в алом плаще. Его край

был иным, чем у того, который носил Демаскус. Увидев их, она в смущении нахмурила брови и, кинув взгляд на опустевшую улицу, произнесла:

— Ох, я думала...

Посмотрев на Демаскуса, стражница слегка отшатнулась.

— Нам бы хотелось войти, — произнёс он.

— Конечно, сэр! Прошу прощения, заходите, пожалуйста!

Его сердце дрогнуло; она его узнала!

Женщина отошла назад. Они оказались в коридоре, под потолком которого висели железные решётки, готовые опуститься в случае штурма. Стражница привела их в большое фойе, отделанное белым и зелёным камнем. В углах его находились статуи дженази, которые в высоко поднятых руках держали бронзовые чаши. В чашах пылало пламя. Несколько удобных диванов в этот час пустовали. Демаскус огляделся... но ничего из увиденного не затронуло струны его памяти.

— Могу ли я вам помочь чем-то ещё, сэр?

— Итак... тебе ведь известно, кто я такой?

— Я не знаю вашего имени, сэр. Оно должно быть мне знакомо?

— Нет, но ты уже видела меня раньше, верно?

Стражница нервно сглотнула.

— Нет, сэр. Это что, какой-то тест?

До Демаскуса наконец дошло, что реакция женщины была обусловлена тем званием, которое носил бывший владелец плаща. Очевидно, на него указывали особенности кроя или начертание символа на плече. Возбуждение, которое его охватило, развеялось без следа.

— Нет, нет... — промямлил он.

Выйдя вперёд, Чант произнёс:

— Мой друг какое-то время отсутствовал. Случилось ли здесь что-то, о чём ему следует знать?

— Да вроде всё как обычно, — произнесла стражница-дженази. — Увеличилось количество стычек на границе с Чессентой. Докладывают о некой подозрительной активности на юге вдоль берегов Акана. И, посмотрим...

— А здесь ничего примечательного не произошло? Когда мы прибыли, то увидели отъезжающий чёрный экипаж. Это весьма интригующе.

Устремив взгляд на Чанта, женщина нахмурилась.

— А ты кто такой?

— Меня зовут Чант Морвен, — представился ростовщик. — Я принял от вашей организации заказ на поиски кое-какой особой информации...

— Ох. Хорошо... — она вопросительно взглянула на Демаскуса. Тот кивнул, подтверждая слова своего спутника. — Тогда, полагаю, всё в порядке. Однако у меня нет сведений относительно этого экипажа и действующих приказов командования. Хотя... если вы пришли на встречу, которую назначила лейтенант Лехерен, то уже опаздываете! — жестом указав на один из выходов из фойе, она направилась обратно к главным вратам.

Разочарованно сглотнув, Демаскус взглянул на Чанта.

— Лейтенант Лехерен? — понизив голос, спросил он.

— Большая шишка в кабале. Одна из тех, кто подчиняется непосредственно заместителю командующего.

— Что ж, нанесём ей визит? Если она занимает столь высокопоставленную должность,

то непременно должна меня узнать.

— Если Лехерен действительно тебя узнает, дело может принять дурной оборот.

Они вошли в коридор, который им указала стражница. На пути им попало три больших зала и двенадцать боковых дверей: Демаскус ничего не мог поделаться со своей страстью к подсчётам. В конце коридора оказалась ещё одна дверь, из-за которой слышались голоса. Сердитые голоса.

Чант прижал палец к губам, и они крадучись подошли ближе.

— ...это лучшее, что ты можешь предложить? — женский голос звучал напряжённо и резко. — Учитывая подобные идиотские советы, нет ничего удивительного в том, что заместитель командующего поставил тебя в ночную смену!

Изнутри раздался ещё один голос, который звучал слишком тихо, чтобы Демаскус смог разобрать хоть слово. Мужской голос.

Женщина заговорила снова, на этот раз ещё громче.

— Хочешь, чтобы мы вообще ничего не делали? Обязанность кабала состоит в том, чтобы исправить свою ошибку! — ошибку? Звучит многообещающе, подумал он.

Прежде чем сомнения успели поколебать его решимость, Демаскус распахнул дверь и вошёл в комнату.

Возле большого дубового стола находилось двое мужчин и женщина. На тёмной столешнице были разложены карты города и окрестных земель. Комната была освещена свечами, находящимися на трёх подвесных лампах, и отбрасываемые ими тени, словно живые, плясали по стенам. Мужчины сидели на стульях с высокими спинками, но женщина стояла. Создавалось впечатление, что до их прихода она расхаживала по комнате туда и обратно. На всех троих были такие же плащи, как и тот, который носил Демаскус.

Его взгляд рефлекторно скользнул по комнате, отметив два других выхода. Возле стола находилось ещё четыре свободных стула, а вдоль стены располагались три высоких шкафа. Он увидел, что от стоящей женщины его отделяют всего два шага. Он сможет добраться до неё, пока двое других дженази... Он сморгнул. Во имя девяти Адов, что вообще на меня нашло?

Взгляды всех присутствующих устремились на Демаскуса. Повисла напряжённая тишина. Те сомнения, которые он пытался отбросить перед входом в комнату, полностью овладели его разумом. Возможно, он просто полный идиот...

Демаскус кашлянул.

— Прошу прощения за беспокойство. Я здесь, чтобы встретиться с лейтенантом Лехерен.

Подойдя к Демаскусу, женщина внимательно оглядела его с ног до головы.

— Это я, — наконец произнесла она. — А ты кто такой? — её кожу расчерчивали серебристые узоры. Она была... штормовой дженази.

— Моё имя Демаскус. Это — Чант, который...

— Скажи мне, Демаскус, почему ты носишь лейтенантский плащ здесь, на территории Ордена Огненного Шторма?

Один из мужчин вскочил на ноги.

— Самозванец! — алые линии *зулдар*, змеящиеся по его черепу, свидетельствовали о том, что он является огненным дженази. Его шею обвивала татуировка в виде изломанной спирали. В сочетании с природным рисунком на его коже она смотрелась довольно странно.

Женщина посмотрела на огненного.

— Судя по всему, это так, Джетт. Плащ, который он носит, ему точно не принадлежит, — она вновь перевела взгляд на Демаскуса. — Что всё это значит?

Демаскус чувствовал себя так, словно ветер, всё это время наполнявший его паруса, внезапно стих. Похоже, они понятия не имели, кто он такой. Или же просто притворялись? Или...

— Отвечай! — рявкнул Джетт.

Демаскус кашлянул. В любом случае, эти люди являются самой надёжной зацепкой к прошлому, которая у него есть.

— Я... путешествовал по горам к западу от Эйрспура. Там я наткнулся на древнее святилище, где произошло что-то ужасное — вся земля была усеяна телами. Погибли почти две дюжины дженази и несколько демонов. Один из дженази был ещё жив. Перед смертью он успел пробормотать что-то насчёт «Стихийного Ока, которое смотрит» или... нечто в таком роде.

Побледнев, огненный по имени Джетт взглянул на Лехерен с видом ребёнка, которого только что застукали с рукой в банке со сладостями.

Она этого не заметила, продолжая сверлить Демаскуса тяжёлым взглядом.

— Все дженази были одеты в подобные плащи, — добавил он, проведя рукой по своему одеянию.

— Говоришь, что ты наткнулся на полный отряд кабала Огненного Шторма, и все они были убиты демонами?

— Судя по всему, именно так. Я своими глазами видел тела мёртвых тварей из Бездны. Вдобавок единственный выживший монстр ещё оставался там, питаясь плотью павших. Я расправился с ним с помощью меча, который взял у одного из погибших.

— Как вижу, забрал ты не только меч, — произнесла штормовая. — Чуть какая-то. К западу не пропадало ни единого нашего отряда. Мы вообще не посылаем туда патрули.

Обернувшись, она смерила двух других дженази взглядом. Лицо Джетта из задумчивого стало жёстким.

— Очевидно, это шпион, посланный Чессентой или Тимантером, — произнёс он. — Позволь мне и Гарелу отвести его и его приятеля в Покои Допросов. Там мы выьем из них всё, что они скрывают.

Второй дженази, которого, очевидно, и звали Гарел, вскочил на ноги.

— Согласен с Джеттом, — сказал он. — С этим парнем явно что-то не так.

— Погодите-ка, — раздался голос стоящего в дверном проёме Чанта. — Демаскус пришёл сюда, чтобы сообщить вам о судьбе ваших людей, не ожидая за это награды. И так вы хотите ему отплатить? В любом случае, вы не имеете на это права, ведь я являюсь гражданином Эйрспура, — ростовщик скрестил руки на груди.

— Вы обманом проникли в оплот кабала Огненного Шторма, — произнёс Джетт. — Мы имеем право сделать с вами всё, что пожелаем. К тому же, учитывая меч и плащ этого парня, вы сами признались в том, что воры. В этом городе с ворами и шпионами разговор короткий.

Демаскус начал было возражать, но Лехерен прервала его, вскинув руку.

— Хватит, Джетт. Разве шпионы станут врываться прямиком в Материнский Дом и объявлять о себе?

Демаскус задался вопросом, не выступил ли румянец на его щеках.

— Может, они и хотели, чтобы мы так думали, — произнёс Гарел.

— Ох, я умоляю, — жестом пригласив Чанта зайти внутрь, Лехерен обратилась к нему. — Был ли ты с Демаскусом, когда он наткнулся на группу убитых членов кабала?

Ростовщик шагнул вперёд.

— Нет. Я предпочитаю держаться подальше от гор Акана, если обстоятельства не вынуждают меня к обратному. Демаскус пришёл в мой магазин и поведал мне эту историю, — не сморгнув глазом, соврал он. В конце-концов, это было и впрямь недалеко от истины.

— Можете забрать плащ и меч, — произнёс Демаскус. — Я пришёл сюда... чтобы рассказать о том, что произошло с вашими людьми в святилище, и выяснить, что могло к этому привести. У меня не было намерения кичиться тем, что я забрал у мертвецов, — он скинул с плеч плащ. Под ним была тонкая кожаная броня, которую он также снял с одного из тел, однако дженази никак не отреагировали на этот факт.

Забрав у Демаскуса плащ, Лехерен принялась его рассматривать. Пробежавшись по карманам, она спросила:

— Никаких идентификационных документов ты не нашёл?

— Нет. Ни у одного из мертвецов не было никаких бумаг, за исключением карты, на которой отмечено святилище, — достав её, он протянул её ей.

Взяв свиток, Лехерен развернула его поверх других бумаг.

— Ничего необычного; это святилище имеется и на других наших картах. Меня больше беспокоит другое, — она подняла взгляд от стола. — Все наши люди должны носить при себе идентификационные документы. Не понимаю, почему их не было у тех, кого ты нашёл.

Демаскус пожал плечами.

— Это всё, что мне удалось отыскать, — когда я очнулся там, абсолютно обнажённый. Этого он не стал произносить вслух.

На лице Джетта возникло расчётливое выражение.

— Если те, на кого наткнулся Демаскус, не имели при себе идентификационных документов, то, возможно, именно *они* и являются самозванцами, которые вторглись в нашу страну! Пытаясь очернить доброе имя кабала неким... демоническим ритуалом!

— Разумеется, врагов у нас хватает, — пробормотала Лехерен. — Древнее место силы и демоны. Очень странно. Похоже на...

— Похоже на что? — спросил Демаскус.

Женщина устремила на него долгий взгляд. Создавалось впечатление, что её линии *зулдар* пульсируют серебряным цветом. Она склонила голову, словно оценивая его.

— Похоже на другие истории о демонах, которые мы слышим в последнее время, — наконец произнесла она. — По крайней мере, о неких чудовищных тварях. Учитывая контракт, который нам дала королева, то, что вы появились здесь с рассказом о демоническом вторжении — это знак.

— Я знал это! — воскликнул Чант. Демаскус взглянул на него, и ростовщик ухмыльнулся. — Когда мы пришли сюда, то увидели её отъезжающий экипаж.

— Да. Хорошо, — произнесла лейтенант. — Учитывая, что вы уже ввязались в это дело, не будет особого вреда, если я расскажу вам, что это не первый подобный случай в Эйрспуре. До нас, разумеется, доходили некие слухи, однако королевский посланник лично подтвердил их нашему заместителю командующего.

Отодвинув карту Демаскуса в сторону, Лехерен указала на подробное изображение города, построенного на двух обрамляющих бухту склонах гор, — Эйрспура. Четыре локации

были обведены красными чернилами.

— В каждом из этих мест наблюдались атаки демонических тварей. Описания весьма неточны и сильно разнятся, так что мы не очень уверены, с чем именно имеем дело. Здесь, — она указала на точку, расположенную на северном склоне, — находится заброшенный храм, посвящённый одному из мёртвых чессентских богов. Здесь, — её палец переместился на насколько уровней ниже — некогда была роща друидов. Теперь там городской парк. В двух других случаях то же самое; монстры, которые появляются из ниоткуда поблизости от тех мест, где некогда струилась божественная сила или открывались древние порталы.

— Демоны, которых я обнаружил, находились в старом святилище, посвящённом каким-то звериным духам.

— Именно. По некоей причине эти твари возникают там, где некогда скапливалась духовная энергия. Для них она — словно маяк. Мы должны выяснить, почему это происходит. Заинтересован ли ты в том, чтобы нам помочь?

Демаскус сморгнул.

— Кто? Я?

— Кажется, ты для этого вполне подходишь. По словам твоего друга, ты пришёл сюда, чтобы рассказать нам о своей находке. Судя по моему опыту, те, кому не повезло наткнуться на подобную картину, обычно разворачиваются и бросаются в бегство, заботясь лишь о спасении собственной шкуры. Они даже не задумываются над тем, что можно попытаться что-то исправить. Ты же поднял меч и разделался с выжившим монстром.

— Ну, вообще-то, он застал меня врасплох. У меня просто не было выбора, кроме как принять бой. Я вовсе не герой, если ты это имеешь в виду.

От этих слов у него во рту разлилась горечь. Он ведь видел себя в одиночку противостоящим толпе нежити; значит, некогда он действительно выступал против зла, причём вполне успешно. Он нахмурился.

— Но ты всё же прикончил монстра и пришёл сюда. И, судя по твоему виду, не прочь прикончить ещё парочку, — произнесла Лехерен. — Так что я спрошу ещё раз — хочешь ли ты помочь нам выяснить, что здесь происходит, и положить этому конец?

— Я действительно хочу выяснить, что происходит, — включая то, кто, во имя Адов, я такой, но вслух он этого, разумеется, произносить не стал. — Так что я готов помочь, если это в моих силах.

Женщина перевела взгляд на Чанта.

— А ты?

Ростовщик кашлянул.

— Полагаю, ты предлагаешь стандартные условия контракта?

Лехерен нетерпеливо кивнула.

— Да заплачу я, разумеется, если дело только в деньгах!

— Тогда я с радостью выслушаю то, что ты хочешь сказать.

— Хорошо, потому что мне как раз пришла в голову мысль о работе для вас обоих. Учитывая, с какой лёгкостью вы проникли в Материнский Дом, она не вызовет у вас особых затруднений. Мне требуется, чтобы вы выяснили кое-что об одной персоне, но я не хочу, чтобы этот человек знал, что кабал Огненного Шторма интересуется его деятельностью.

— Лехерен, ты слишком торопишь события, — произнёс Джетт. — Хочешь довериться двум незнакомцам? Кроме того, я думал, мы решили, что связываться с тем огненным магом

слишком опасно.

— Мы *ничего* не решили, — отрезала Лехерен. — И да, я знаю, что моё желание привлечь их к этому делу можно расценивать как жест отчаяния. Но нам нужны ответы. Кроме того, я предпочитаю думать, что буду полной дурой, если *не* воспользуюсь тем, что само плывёт ко мне в руки, — она указала на Демаскуса и Чанта.

— Хочешь послать нас на это дело, ведь, если нас поймают, сможешь списать нас, как расходный материал? — произнёс ростовщик.

— Весьма проницательно, — сказала лейтенант.

— За кем же мы должны проследить? — спросил Демаскус.

— За волшебником по имени Чевеш. У него есть башня в Эйрспуре...

— И как этот Чевеш связан с появлением демонов в святилище? — прервал её Демаскус. Неужели Лехерен хочет заставить их ввязаться во что-то, что не имеет никакого отношения к его потерянной памяти?

Успокаивающе вскинув руку, лейтенант продолжила:

— Всем известно, что Чевеш слишком глубоко погрузился в глубины огненной магии, в результате чего его рассудок пострадал. Он слишком силён, чтобы связываться с ним лишь из-за бездоказательных подозрений, так что граждане Эйрспура предпочитают просто не иметь с ним дела. Но в моём списке тех, кто может стоять за призывами демонов в пределах города, его имя находится в тройке лидеров. Ранее его уже ловили на разрушительных экспериментах, включающих в себя Стихийный Хаос.

Некая деталь в памяти Демаскуса встала на место.

— Оттуда демоны и приходят, — выпалил он. — Бездна вращается в самом сердце Стихийного Хаоса.

— Верно, — Лехерен вскинула бровь. — Однако подозрения — это подозрения, а доказательства — совсем иное. Мы не можем без каких-либо оснований отправить элитный отряд кабала в его башню. Орден Огненного Шторма раньше уже имел дело с Чевешем. Был ошибкой оставить его в живых.

— А что именно он... — начал Чант.

— Об этой ошибке ты говорила ранее? — прервал его Демаскус.

Склонив голову, Лехерен улыбнулась.

— Именно так.

Демаскус не ожидал, что ей и правда окажется дело до проблем Эйрспура. Однако складывалось впечатление, будто интересы города действительно её заботят.

— Решение позволить Чевешу продолжать свои изыскания было принято более вышестоящими лицами, — продолжила Лехерен. — Но, если у вас получится найти доказательства того, что именно он призывает демонов в Аканул, с ним будет покончено.

Джетт хмыкнул.

— Лехерен, единственная «ошибка» — это позволить этим двоим совать нос в дела Чевеша. Если он догадается, что за ними стоит кабал, он придёт за нами. Он весьма опасен, — огненный потёр татуировку у себя на шее.

— Расходный материал, — повторил Чант. Судя по всему, ему нравилось использовать эту фразу.

— Заместитель командующего поручил это дело мне, — произнесла лейтенант. — И, думаю, мне видней, как нужно действовать. Этих двоих ничего с нами не связывает. Они сообщили нам о том, что Демаскус отыскал в святилище в Аканских горах. Этс

свидетельствует о том, что наши интересы для них небезразличны. Не стоит плевать на те дары, которые преподносит нам удача; кабал Огненного Шторма так не поступает.

Джетт нахмурился.

— Но, — продолжила Лехерен, смерив взглядом сначала Демаскуса, а затем ростовщика, — никому не говорите об этом поручении. И, если Чевеш всё же поймает вас на горячем, лучше притворитесь, что вы простые грабители.

— И как же он может отреагировать на воров, которые вломились к нему в дом? — спросил Демаскус.

— Крайне неблагоприятно, — произнёс Джетт. — Если вам улыбнется удача, то он вас просто убьёт.

Отлично. Сначала демоны, потом — чокнутые огненные маги. И где-то между ними, если повезёт, шанс вернуть его утраченные воспоминания. Осталась сушая мелочь — избежать всего, что способно лишить его куда большего, чем памяти.

— Если до этого дойдёт, с Чевешем мы разберёмся, — сказал Чант. — Я неплохо умею ладить с людьми.

— Тогда договорились, — Лехерен протянула Демаскусу руку.

— Погоди-ка, — произнёс Чант. — Что именно нам следует искать в башне мага? Если мы собираемся проникнуть туда в поисках доказательств, мы должны знать, что ищем.

Лехерен нахмурилась.

— Для начала — что-то вроде ритуального свитка, в котором записано заклинание вызова демонов. Это я смогу использовать.

— Отлично, — Демаскус пожал ей руку.

— Если вам удастся что-нибудь выяснить, возвращайтесь, но лучше не сразу и не в открытую. Если Чевеш заметит вас и решит проследить...

— Знаю я этого волшебника, — произнёс Чант. — Не в его характере преследовать обокравших его воров. Скорее всего, он просто испепелит нас на месте.

— Вероятно. По правде говоря, ваша смерть и правда не станет для меня большой потерей. Но, если вы сумеете выжить и вернуться с новостями, то окажете нашему городу неоценимую услугу. Погодите минутку... — Лехерен указала на Джетта. — Джетт, собери отряд. Исследуйте то святилище, которое отмечено на карте Демаскуса. Верните тела в оплот; если кто-то пытается очернить нас, мы должны положить этому конец. С другой стороны, если вы не найдёте свидетельств того, что этот человек говорит правду, я бы тоже хотела об этом знать, — некоторое время она сверлила взглядом Демаскуса и Чанта, а затем добавила. — Потому что тогда наш разговор предстанет в совсем ином свете.

— Вы найдёте тела, — произнёс Демаскус. Если только их не растащат звери, или не сожрут другие появившиеся там демоны, или...

— Уверена в этом, — кивком головы Лехерен указала на дверь.

Закусив губу, Демаскус заставил себя отбросить в сторону терзающие его сомнения, и они с Чантом покинули комнату.

В полном молчании они вышли из Материнского Дома. Вечерняя прохлада заметно усилилась, а на Демаскусе больше не было плаща. Он обхватил себя руками.

— Тебе есть, где остановиться? — спросил ростовщик.

— Пока нет. Но у меня осталось немного денег, и я могу снять комнату в Фонаре. Хорошо, что лейтенант не заставила меня отдать ей всё, что я нашёл в святилище.

— Если погибшие всего лишь притворялись членами кабала, то на их имущество она

имеет не больше прав, чем ты.

— Полагаю, это справедливо. Слушай... извини за то, что втянул тебя в это дело. Ты можешь просто уйти и забыть обо всём, и я не стану думать о тебе хуже. Учитывая то, что Лехерен рассказала нам об этом волшебнике, мы пойдём на большой риск, попытаюсь проникнуть в его жилище.

— Шутишь, что ли? Мы наткнулись на сенсационную информацию! Более того, нам за это даже платят! Я рисковал большим из-за меньшего, — ростовщик устремил взгляд в никуда с таким видом, словно только что съел кусок тухлой рыбы.

Хорошо, подумал Демаскус. Союзник мне нужен. Он не видел иного выбора, кроме как навестить безумного мага. Если за вторжениями демонов стоит Чевещ, то, скорее всего, у него отыщется ключ к потерянной памяти Демаскуса. К тому же при мысли о том, чтобы вломиться в убежище волшебника, по его спине пробежала дрожь предвкушения. По идее, он должен был испытывать страх, ведь каждый раз, обнажая клинок, так или иначе попадал впросак. Но, если он ничего не предпримет, то ничего и не узнает.

Они направились обратно к магазину Чанта. Демаскус зевнул. Его ноги налились свинцовой тяжестью. Он не мог вспомнить, когда чувствовал себя настолько усталым...

Он заставил себя выбросить эти мысли из головы. Он многое не мог вспомнить.

— Неплохая идея — рассказать им о том, что лишь случайно наткнулся на то святилище, — произнёс Чант. — А насчёт «Стихийного Ока» — это тоже враньё? Потому что, услышав твои слова, Джетт явно напрягся.

— Никакое не враньё. И да, я заметил его реакцию. Это было попадание в яблочко. Ему определённно что-то известно.

— Возможно. Всё, что изрекал этот малый — лишь сплошная похвальба и пустые угрозы. Те, кто ведут себя подобным образом, либо трусы, либо боятся, что их секреты находятся под угрозой. Понятия не имею, скрывал ли он что-то или просто испугался. Или и то, и другое!

Демаскус уклончиво хмыкнул. Он мучительно пытался вспомнить, знакомо ли ему это название — Стихийное Око? Его уже тошнило от вопросов, которые оставались без ответа. Он сосредоточился на дороге. Если он продолжит раздумывать над сложившейся ситуацией, то вскоре будет вынужден признать, что гибель от рук разъярённого мага или голодного демона пугает его куда меньше, чем то, что он вовсе не является тем героем, которым надеялся себя считать.

Ведь что за человек может задушить священника?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Лабиринты Эйрспура
Год Нестареющего (1479 ЛД)*

Рилтана чувствовала себя, как ком с одеждой, который долго и интенсивно колотили палкой для сушки, чтобы избавиться от излишков влаги. И всё равно он по-прежнему продолжал истекать водой.

Дрожащей от усталости рукой она подтянула себя ещё на шаг вперёд, протискиваясь сквозь вязкую грязь. Её ботинки отыскивали опору на каменном выступе. Напрягшись, она полностью выпрямила ноги, стараясь не обращать внимания на холодные объятия размякшей почвы. Это помогло ей продвинуться ещё на несколько дюймов. В глаза затекала грязная вода, но её руки были настолько выпачканы в земле, что попытка протереть их была заведомо обречена на неудачу. Она уже пробовала.

Яростно моргая, она заставила себя сделать ещё один рывок. Сколько она уже ползёт на животе по этому тоннелю? Она не имела об этом никакого представления. Рилтана понимала, что мало-помалу всё же продвигается вперёд, но куда именно? Из зажатого у неё в зубах солнечного жезла струился свет. Её челюсти начало сводить от усталости, и ей пришлось следить за тем, чтобы не стискивать их слишком сильно.

Когда этот убудочный любитель мочи затопил пещеру, она решила, что теперь ей точно крышка. Бурлящий поток захлестнул её и увлёл в водосток, который практически отвесно уходил в землю. Порой ей удавалось сделать несколько вдохов, но не всегда в её лёгких оказывался воздух. Её грудь до сих пор болела после выворачивающего наизнанку приступа кашля, который скрутил её после того, как бурные воды схлынули, оставив её распростёртой на земле.

Когда головокружение слегка утихло, она вытряхнула из подпространства перчаток солнечный жезл и огляделась. Оказалось, что её смыло в проход, который был ненамного шире сусличьей норы. Он даже звания тоннеля едва ли заслуживал, потому что грязи в нём было не меньше, чем пустого пространства. Рилтана понятия не имела, какими именно путями её вынесло в это место; она была слишком занята тем, что отчаянно колотила руками и ногами, пытаясь не захлебнуться.

Поэтому она решила просто ползти вперёд. Сколько времени прошло с тех пор? Часы?

По крайней мере, ни одного из наёмных головорезов Калкана тут не было...

Внезапно под ней разверзлась пустота. Рилтана осознала, что падает. Она задохнулась, и солнечный жезл выпал у неё изо рта.

Но она наконец оказалась в своей стихии! Потoki воздуха оевали её, и Рилтана закуталась в них. Боги, как же хорошо! Широко раскинув руки, она попросила ветер поддержать её. Несмотря на сырость и холод, он откликнулся, и её падение слегка замедлилось.

Учитывая, что источник света оказался утерян, её окутала полная тьма, рассеивало

которую лишь слабое свечение где-то внизу. Интересно, далеко ли находится пол этой подземной пещеры? Свет весьма быстро приближался! Она попыталась заставить себя полностью остановить падение, но...

Не успела. С силой падающего молота Рилтана рухнула на что-то твёрдое. От удара весь воздух выбило у неё из лёгких, и, свернувшись в клубок, она распахнула рот, словно выброшенная на берег рыба. Рёбра и левая нога вспыхнули тупой болью, и она снова утратила связь со своей стихией.

Когда её дыхание наконец выровнялось, она со стоном несколько раз сморгнула. Но, были ли её глаза закрыты или открыты, вокруг по-прежнему царила непроглядная тьма. Даже тот слабый свет, которой, должно быть, исходил от упавшего солнечного жезла, куда-то исчез. Весь мир окрасился в чёрный.

По пещере пронёсся порыв ветра, и в носу у неё зачесалось от запаха пыли и древнего тлена. Это напомнило ей о подвале под домом её матери. Очень похоже, только шире, опасней... и жутче. Вдобавок ко всему в вони чувствовались крайне неприятные нотки. Принюхиваясь, Рилтана принялась вертеть головой в разные стороны. Тошнотворный запах усилился.

Она сморщила нос. Судя по всему, окрестности давно не затапливало потоками Акана. Уже хорошо. Она терпеть не могла воду.

— Ну разве не прелестная ситуация? — прохрипела она. Оказаться где-то в лабиринтах под Эйрспуром, весьма вероятно — в развалинах того города, который находился здесь до того, как во время Магической Чумы кусок Абейра рухнул на половину Чессенты...

Её внимание привлёк звук, напоминающий шуршание множества трущихся друг о друга камней.

— Кто здесь? — воскликнула Рилтана. Ей крайне не понравились отчаянные нотки страха, звучащие в её голосе. Возьми себя в руки, женщина! Сделав глубокий вдох, она поднялась на ноги. Ай! Без синяков точно не обошлось.

Она попыталась заговорить снова, на этот раз более громко.

— Здесь есть кто-нибудь?

Ответом ей было лишь эхо — весьма отдалённое эхо. По её спине пробежались ледяные пальцы ужаса. Неужели она падала настолько долго, что оказалась в Подземье?

Раздался ещё один шорох, и она развернулась, распахнув глаза так широко, что они чуть не выпали из глазниц.

Рилтана потянулась к короткому мечу, который висел у неё за спиной, но её пальцы нащупали лишь пустоту. Скорее всего, он оказался унесён стремительным потоком воды. Вторая рука её рефлекторно устремилась к висящим на голени ножнам. Ладонь коснулась обтянутого кожей навершия кинжала. Через миг клинок уже был у неё в руке. Рукоять, конечно, промокла насквозь, но, слава Тиморе, как же приятно было вновь держать оружие!

— Выходи! Хватит скрываться во тьме, как последний трус! Я готова!

Ничего. Её сердце оглушительно колотилось, а во рту пересохло, как в пустыне.

Ещё один перестук, на этот раз ближе. И странные щелчки, похожие на звуки, издаваемые насекомыми. Что же это?

Обозвав себя простофилей, Рилтана щёлкнула пальцами свободной руки, и в её ладони возник небольшой округлый керамический горшочек. Подняв его, она швырнула его об землю.

Из разбитого алхимического сосуда хлынуло ослепительное бело-голубое сияние. Она

тут же отвернулась, чтобы не лишиться зрения.

Через пару мгновений яркость света уменьшилась до приемлемого уровня. Рилтана увидела, что пещера, в которой она оказалась, имеет форму удлинённой капли. Слева от неё находился большой, заполненный тьмой зёв тоннеля. Ближайшую стену на уровне пола испещряло множество маленьких нор, каждая из которых также уходила во мрак. Повсюду лежали груды пыли.

Она сместила ногу. Раздался хруст.

Это вовсе не пыль! Кучи состояли из множества крошащихся тараканьих панцирей.

— Фу!

Затхлая вонь усилилась. Через подошвы её ботинок ощущалась слабая вибрация. Раздался шум, словно от топота множества миниатюрных ножек, и из нор хлынули потоки чёрных тараканов.

Рилтана подпрыгнула, чтобы спастись от орды насекомых, которые стремительной волной покрывали пол пещеры. Смрад стал практически невыносимым, обволакивая её, словно зловонное одеяло. В самой верхней точке прыжка она свободной рукой коснулась наклонной стены пещеры и, перебирая ногами, чтобы изменить положение тела в пространстве, вонзила кинжал в расщелину между камнями. В последний миг перед падением она вцепилась в этот импровизированный рычаг, повиснув в воздухе.

Её дыхание было резким и прерывистым. Свет её сосуда продолжал озарять центр пещеры, отражаясь от чёрных, маслянисто поблескивающих панцирей тысяч и тысяч ползающих насекомых. Рилтана *ненавидела* тараканов. Некогда она даже раскошелилась на весьма недешёвое заклинание, которое охраняло её жилище от проникновения этих мелких тварей. Представшая перед ней кошмарная картина была похожа на их месть.

Что-то полностью перегородило один из маленьких проходов. Это тоже был таракан — таракан размером с собаку! Он выполз наружу, присоединившись к толпе своих собратьев, и принялся расправлять крылья цвета сажи. За ним последовали ещё двое.

Пора сваливать!

Рилтана устремила взгляд на тоннель, который находился в противоположной стене пещеры. Несмотря на то, что она лишь недавно воспользовалась милостью ветра, чтобы не разбиться о каменный пол, она вновь обратилась к своей стихии. Воздух отличался весьма капризным темпераментом, и, если призывать его слишком часто, можно было лишиться его расположения.

Но ветер всё же ответил. Его порыв слегка очистил воздух пещеры от мерзкой вони.

Рилтана упала в его объятия. Широко раскинув руки, чтобы управлять невидимыми крыльями парящего вихря, она устремила ко входу в тоннель. Двое тараканов-переростков взмыли с земли и бросились за ней в погоню.

Этот тоннель оказался намного больше и суше, чем тот, через который она сюда попала. Ветер оставил её, и она опустилась на пол, оказавшись лицом ко входу в пещеру. Ну разумеется. В свете гаснущей алхимической вспышки были прекрасно видны силуэты двух крылатых тварей, которые её преследовали. Но, по крайней мере, большая часть тараканов всё же осталась внутри.

Из находящейся на другой голени перевязи Рилтана вытащила ещё один кинжал.

Один из тараканов с жужжанием устремился к ней, щёлкая жвалами. Пригнувшись, она пропустила его зловонную тушу над собой и вонзила кинжал прямо в брюшко. Тварь издала визг — этот звук был до боли похож на плач младенца-дженази. Растерявшись, Рилтана

невольной выпустила рукоять кинжала.

Второй таракан приближался к ней, мельтеша крыльями, словно гигантская стрекоза. Ей почти удалось уклониться, но острейшая мандибула всё же задела её плечо. Боль была ослепляющей. Перед глазами Рилтаны всё поплыло, и она пошатнулась.

— Ах вы говнососы! — воскликнула она, потянувшись к спрятанным на предплечьях кинжалам. Лишь один из них оказался на месте. Выхватив его, она набросилась на таракана, но клинок лишь бессильно скользнул по его тусклому панцирю.

Вытянув мандибулы, тварь рванулась к её голове. Рилтана отклонилась влево и, охваченная внезапным порывом вдохновения, полоснула клинком по крылу. Отсечённая мембрана, кружась, отлетела в сторону, и таракан тяжело рухнул на пол. Издаваемое им гудение затихло; во внезапно наступившей тишине раздавались лишь бессильные удары уцелевшего крыла об камень.

Зарывав от первобытной ярости, Рилтана изо всех сил пнула тварь. Мыски её ботинок были укреплены сталью, что делало их не менее смертоносным оружием, чем булава. Её удар с лёгкостью проломил хитин, и таракан завизжал, подобно его сородичу. Приложив его ещё несколько раз, она сильным пинком отбросила тело твари ко входу в пещеру.

Кстати, о сородиче... Рилтана развернулась. Тот таракан, который напал на неё первым, валялся неподвижной грудой на расстоянии нескольких шагов поодаль. Она настороженно приблизилась к нему. Стоит ему только дёрнуться, и она его прикончит... Навершие вонзённого в его брюшко кинжала поблескивало в стремительно угасающем свечении алхимической смеси. Вырвав клинок из его тела, Рилтана тут же отпрыгнула назад. Таракан не шевельнулся.

Хорошо.

Алхимическое сияние почти угасло. Её утерянный солнечный жезл, скорее всего, давно сломался.

Наконец свет окончательно потух, и Рилтана повернулась прочь от пещеры. Оттуда по-прежнему доносился шум трущихся друг о друга тараканьих панцирей, но в полной темноте он почему-то казался громче. Неужели это действительно так, или воображение играет с ней злые шутки?

Она принялась осторожно шарить рукой по воздуху. Когда её ладонь коснулась стены тоннеля, Рилтана, используя её в качестве ориентира, направилась прочь от источника пугающих звуков.

Когда вызванный схваткой адреналин схлынул, боль в рёбрах и ноге вернулась. Она была вымотана до предела и с ног до головы покрыта синяками. А также голодна. Но чего ей действительно хотелось, так это...

Внезапно она споткнулась о камень. Сталь, которой были укреплены мыски её ботинок, спасла её от новых травм, но, не удержав равновесие, она упала.

Ноющая боль в рёбрах вспыхнула с новой силой — её словно пронзил насквозь раскалённый шип. Рилтана задохнулась, с трудом сдержав рвущиеся с языка ругательства. Не стоит лишний раз привлекать внимание живущих в пещере жуков. Слёзы навернулись ей на глаза. Лёжа в темноте, Рилтана ждала, пока боль не утихнет в достаточной степени, чтобы позволить ей сесть.

Плохо, что она не подумала запастись вдвое большим количеством источников света. Её перчатки, хоть и являлись бесценным сокровищем, могли вместить в своё подпространство всего пять предметов, поэтому она всегда держала одно место свободным на случай, если ей

повезёт «наткнуться» на особо примечательный объект искусства или украшение, которое требовалось незаметно унести.

Учитывая, что солнечного жезла и алхимического эликсира она уже лишилась, в её распоряжении остался лишь маленький кусочек мрамора, который она называла Камнем Пленника, и шарф.

Жёлтый шарик она некогда извлекла из глазницы статуи, изображавшей изначального по имени Каршимис. При этом она чуть не лишилась жизни, но, как выяснилось, он того стоил. В некоторых ситуациях он действительно мог стать незаменимым.

К сожалению, не в данной. Тут не имелось никаких засовов, кандалов или закрытых дверей, которые препятствовали бы ей выбраться наружу. Поэтому от камешка не было никакого проку. Значит, осталась лишь полоса светлой ткани.

Учитывая, на что пришлось пойти её двуличному клиенту, чтобы раздобыть этот шарф, он просто *должен* оказаться чем-то большим, нежели обычным куском тряпки. Что там утверждал этот лживый ублюдок? Он хотел, чтобы Демаскус лишился его в «нужный» момент? Какая чушь.

Убрав последний оставшийся у неё клинок в ножны, она достала шарф. Учитывая, что вокруг царила непроглядная тьма, она его не увидела, но на её ладони опустилась почти неощутимая тяжесть. Обернув один конец ткани вокруг левой руки, Рилтана потянула за второй. Даже сквозь перчатки чувствовалось, насколько мягким и шелковистым был материал шарфа. Поднеся его к лицу, она принялась.

Пахло, словно в магазине пергаментов. Из-за полного отсутствия света Рилтана могла полагаться лишь на ощущения, обоняние и слух; лизать его она была не готова.

— Шарф, покажи мне свою силу, — еле слышно прошептала Рилтана. Она чувствовала себя крайне глупо, разговаривая во тьме с простым отрезом ткани.

Разумеется, ответа не было.

— Проклятье, если ты и правда нечто большее, чем кажешься с виду, то самое время продемонстрировать это, не то я засуну тебя в самую глубокую тараканью нору, которую найду!

По узелкам ткани забегали огоньки, похожие на тысячи маленьких звёзд. Замерев, Рилтана смотрела, как на полотне возникают слова. Надпись гласила:

Верни меня Мечу, и я выведу тебя отсюда.

Рилтана облегчённо выдохнула. Она здесь не умрёт! Очевидно, в шарфе и правда имелась сила. Он мог помочь ей выбраться на поверхность.

— Не сомневайся! — прошептала она. — Мечу, обещаю. Только скажи, куда мне идти!

Шарф шевельнулся, словно ожившая змеиная кожа. Она разжала ладонь, и конец ткани взвился в воздух, ещё сильнее напомнив ей змею. Из него вырвался направленный луч света, словно из ручного фонаря, и полотно повернулось, указывая нужное направление.

Рилтана поднялась на ноги. Несмотря на её плачевное состояние, губы её раздвинулись в улыбке. Рёбра и левая лодыжка по-прежнему пылали огнём, но внезапно вспыхнувшая надежда приглушила неприятные ощущения не хуже глотка алхимического бальзама.

Она направилась вперёд. Время от времени шарф поворачивался, указывая дорогу.

Идти оказалось нелегко. Рилтана встряхнула головой. Если бы ей пришлось преодолевать этот путь в темноте и наощупь, она непременно провалилась бы ногой в змеящуюся по центру тоннеля трещину или упала в одну из ям, которыми изобиловал пол. Учитывая её состояние, даже с источником света выбраться отсюда будет весьма непросто.

Через некоторое время её воодушевление сдулось, словно воздушный шарик. Каждый раз, стоило ей наступить на левую ногу, её лодыжку пронзала боль, и она пересмотрела своё мнение.

Надежда и в подмётки не годится алхимическому бальзаму.

Почему она не догадалась спрятать в подпространстве перчаток исцеляющее зелье? Потому что считала, что следует держать одно место свободным — план, идиотизм которого она осознала только сейчас. Когда она делала очередной вдох, сломанное ребро вспыхивало болью. Что мешало ей запастись всем необходимым, а в случае, если повезёт наткнуться на что-то более ценное, чем солнечный жезл, зелье или горшочек с алхимической жидкостью, просто выкинуть один из этих предметов? Если она выберется из этого треклятого подземелья, то непременно так и сделает.

Тоннель, по которому шла Рилтана, разделился на несколько проходов. Конец шарфа указал на один из них, и она послушно захромала туда. Коридор, в котором она оказалась, уходил вверх. Посередине него струился ручей — выглядело многообещающе, но она не могла изгнать из головы мысли о недавнем потопе.

— Шарф, откуда тебе известно, куда идти? — спросила она.

На полосе ткани возникли слова.

Я — Вуаль Гнева и Знания; всё, что было записано, ведомо мне. Я подтверждаю имена тех, кого боги желают уничтожить.

— Что было записано? Боги желают уничтожить? Ничего не понимаю.

Очевидно, ждать ответа не имеет смысла. На полосе ткани упорно отказывались появляться новые фразы.

— Хорошо, будь по-твоему.

Подъём истощил последние оставшиеся у неё силы. Вдобавок ко всему пол тоннеля был покрыт грязью, в которой на каждом шагу вязли её ботинки. Рилтана остановилась, чтобы перевести дыхание. Шарф задёргался, чуть не вырвавшись из её хватки.

— погоди, — прохрипела она. — Дай немного передохнуть, — уперев руки в колени, Рилтана опустила голову. Ей очень хотелось сесть, но она боялась, что после этого не найдёт в себе сил подняться снова.

Когда её дыхание наконец выровнялось и сердцебиение замедлилось, она продолжила своё трудное восхождение.

Сколько раз ей пришлось устраивать подобные передышки? Она потеряла им счёт; пять? Десять?

Внезапно шарф обмяк, и испускаемый им луч угас. Её ноги подкосились, и она чуть не упала. Вокруг по-прежнему царил тьма, но по бокам виднелись серые силуэты камней, освещённые слабым отблеском виднеющегося впереди света.

Света?

Она заставила себя продолжить путь. Наконец перед ней появилась огромная пещера, освещённая люминесцентными грибами, которые сплошным ковром покрывали стены и потолок. Воняло помоями. На полу виднелись лужи грязи и воды — последствия недавнего потопа. Она сморгнула. Это место было ей знакомо. Сепульчер!

Всё-таки она не умрёт! Губы Рилтаны раздвинула широкая ухмылка, и, обходя лужи, она захромала к тоннелю, который привёл её в это проклятое место...

— Ты кто? — проскрежетал чей-то голос.

Развернувшись, Рилтана чуть не упала от внезапного приступа головокружения.

На одном из валунов, сгорбившись, сидел низкорослый гуманоид, одетый в дрянную кожаную броню. В одной руке он держал плетёную сумку, а в другой — дубину. Зеленоватая кожа и гротескные черты лица однозначно свидетельствовали о том, что это был гоблин.

Он выглядел настороженным и готовым в любой момент сбежать. Хорошо. Рилтане уже доводилось иметь дело с этими мелкими вороватыми ублюдками. За последние годы гоблины, словно бродячие крысы, заполонили тёмные улочки Эйрспура и некоторые из находящихся под ним лабиринтов. Из обычных вредителей они превратились в реальную проблему, в особенности для тех, кто, как и она, также предпочитал работать в тених и на нижних уровнях города.

— Проваливай отсюда, прыщ, не то порежу, — рявкнула Рилтана своим самым угрожающим тоном. К сожалению, внезапно скрутивший её приступ кашля свёл весь эффект на нет.

Наконец она смогла отдышаться. Перед её глазами плясали звёзды. По крайней мере, сидящий на камне гоблин куда-то исчез...

Позади неё раздалось злобное хихиканье. Учитывая то, насколько она вымоталась, у неё не было ни единой возможности отреагировать вовремя... Сильный удар булавой по голове погрузил её во тьму.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

— Просыпайся.

Демаскус прикрыл голову подушкой. Его кто-то встряхнул, и сон окончательно слетел с него. Убрав подушку с лица, он спросил:

— В чём дело?

Над ним с фонарём в руках возвышался тучный ростовщик. Мурчащий тёплый клубок, прижатый к груди Чанта, оказался Сказкой, которая взирала на него с тревожащим очарованием.

— А, точно.

Наконец он вспомнил. Они решили немного передохнуть, а за несколько часов до рассвета, когда огненные маги вряд ли будут ошиваться неподалёку от своих башен, выдвинуться в путь. Тогда этот план казался ему довольно неплохим. Но сейчас, прищуренными глазами вглядываясь в свет фонаря, Демаскус наконец осознал всю степень идиотизма того, что они собираются предпринять.

— Мы теряем время, — произнёс Чант. Он поставил фонарь на столик возле раскладной кровати, которая стояла в задней части магазина рядом с чучелом головы лося. Эту кровать он достал из кладовки, битком набитой самыми разными вещами.

Сев, Демаскус принялся натягивать ботинки. На столе возле фонаря находилась чашка чая и небольшое блюдо с оливками и хлебом. На полу лежал клинок, который он прихватил с собой из древнего святилища. На угол прилавка был накинут длинный чёрный кожаный плащ, прошитый алыми нитями.

— Вот, нашёл тебе новый. Какой-то торговец заложил мне его около десяти дней назад. Ему были нужны деньги, чтобы оплатить немалый счёт в борделе.

— Спасибо, — Демаскус приступил к трапезе. Закончив, он встал, повесил меч на пояс и, развернувшись, принялся рассматривать плащ. Он был лучшего качества, чем тот, который он вернул кабалу, но эти алые швы выглядели чересчур вызывающе. Спереди его украшало шесть серебряных пуговиц, а с наплечников свисали пышные эполеты. — Довольно... броский.

— Миленько, да? — Чант ухмыльнулся.

— Ага, — он понятия не имел, что об этом думать. — Сколько я тебе за всё должен?

— Разберёмся с этим вопросом, когда выясним, действительно ли за появлениями демонов стоит Чевеш.

Кивнув, Демаскус протёр глаза, чтобы избавиться от последних остатков сна. Взглянув на ростовщика, он заметил, что под глазами у него виднелись чёрные круги.

— Ты хоть немного отдохнул?

— Практически нет. Слишком многое надо было обдумать, учитывая, что у меня полно

и иных забот, кроме этого дельца с тобой и Чевешем. Такой бизнес, как мой — занятие весьма хлопотное.

— А, — Демаскус не мог понять, хочет ли ростовщик развивать эту тему или нет. Он промолчал, и Чант больше ничего не добавил. Демаскус подумал, что принял верное решение.

Надев кожаную броню, он накинул поверх неё плащ. Пока он одевался, Чант занялся приготовлением еды для кошки. Судя по запаху, сегодня Сказке предстоит лакомиться сушёной рыбой.

— Этого тебе хватит на некоторое время, — сказал ей ростовщик.

Они вышли из магазина и направились вниз вдоль залива. В этот час улицы Эйрспура были абсолютно пусты.

— Если бы люди были похожи на море... — пробормотал Чант, ни к кому не обращаясь.

— Люди и правда похожи на море, — не раздумывая, ответил Демаскус. — Ты видишь лишь то, что на поверхности, но в глубине может таиться всё, что угодно.

Чант ухмыльнулся.

— А ты довольно проницателен для того, чей рассудок пребывает в столь прискорбном состоянии.

Демаскус был удивлён похвалой ростовщика. Он вовсе не пытался умничать, скорее, наоборот. Учитывая, сколько всего он забыл, разбираться в людях и их мотивах оказалось очень нелегкой задачей.

Наконец они добрались до нужного района. Дома, стоящие вдоль широких улиц, щерились тёмными окнами. Между зданий высилась башня из белых мраморных блоков. Сквозь закрытые ставни на верхнем этаже пробивался свет.

— Чевеш не просто сумасшедший, — произнёс Чант. — Если верить тому, что о нём рассказывают, ему несколько сотен лет. Несмотря на свою одержимость огнём, он не является дженази. Он обычный человек, который считает, что боги обделили его, не сделав огненным.

— Ты встречал его?

— Нет, но мне кое-что о нём известно. Он даже безумнее, чем гласят слухи. Именно поэтому мы должны войти и выйти, не привлекая к себе внимания. Если он нас заметит, то поджарит быстрее, чем ты успеешь выговорить «мастер Мили-Магтира». Умеешь действовать скрытно?

— Скрытно? Я...

Внезапно Демаскуса захлестнуло очередное воспоминание. Он сидел возле запертых железных ворот, выполненных в виде кричащего человеческого лица. Тяжесть меча приятно давила на спину, а шарф был туго намотан на левый нарукавник. Он отбросил назад гриву волос, в которые были вплетены несколько амулетов. Перед ним лежал свёрток из тёмной ткани.

Демаскус развернул его. Внутри оказался набор тонких проволочек и небольших крючков. Отработанным движением он достал нужные инструменты и приступил к работе над встроенным в кричащее лицо замком. Работал он быстро, тихо и очень умело. По скрученной полосе металла на его большом пальце бегали золотые блики.

Воспоминание развеялось.

Демаскус сморгнул. Где это происходило? Шарф был при нём. Уже дважды он видел

себя со всеми своими вещами — огромным рунным мечом, сверкающим кольцом и амулетами в волосах. Но, в отличие от первого раза, на нём была не серебряная броня, а кожаный доспех, столь чёрный, что казался сотканным из самой ночи.

— Эй, — прошептал Чант. — Ты куда-то в себя ушёл. Всё хорошо? — ростовщик кинул на него встревоженный взгляд.

— Извини. Да, я немного умею передвигаться незаметно, по крайней мере, со вскрытием замков справиться точно смогу. Но у меня нет инструментов.

— Ты что-то вспомнил?

— Всего лишь краткий фрагмент. Кажется, некогда я неплохо владел мастерством взлома. И чувство стилия у меня было получше, — он провёл пальцем по расшитой алыми нитями манжете.

Чант устремил на него долгий взгляд, словно задаваясь вопросом, в своём ли он уме. Наконец ростовщик всё же решил, что здесь и сейчас Демаскусу не грозит опасность утратить то, что осталось от его рассудка.

— Что ж, будем надеяться, что твои рефлексy никуда не исчезли, — произнёс он. — Мы пойдём по левой стороне улицы. Держись теней.

Чант двинулся вперёд, и Демаскус последовал за ним. Его весьма впечатлило то, с какой лёгкостью двигался ростовщик. Несмотря на свой немалый вес, он изящно скользил между светом и тенью. Демаскус попробовал делать так же.

Через несколько шагов он осознал, что у него практически один в один получается копировать движения Чанта. Тьма была плащом, в который он мог закутаться, стоило ему только пожелать. Его охватил восторг. Демаскусу пришлось приложить усилие, чтобы стереть с лица широкую шальную ухмылку.

Когда они добрались до стены башни, Чант вскинул руку.

— Что? — прошептал Демаскус.

Отрицательно покачав головой, ростовщик прикоснулся к уху.

Демаскус прислушался. На самой грани слышимости из башни доносился ритмичный гул — скорее, даже не гул, а вибрация, передающаяся сквозь камень. При каждом ударе сквозь закрытые ставни верхнего окна пробивался свет.

Стремительно бросившись вперёд, Чант юркнул в расположенную в стене нишу, которую Демаскус поначалу не заметил.

Он последовал за ним. Нагнувшись, ростовщик приступил к работе над встроенным в служебную дверь замком. Крючок и проволока, которые он держал в руках, очень напоминали те инструменты, которые Демаскус видел в воспоминании, но были более ржавыми.

Он присел, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Пусть он не мог припомнить названия смещающихся в замке деталей, но его руки двигались синхронно с руками Чанта. Демаскус ухмыльнулся.

Замок открылся.

— Мы на месте, — с этими словами ростовщик убрал инструменты в матерчатый чехол и свернул его. Слегка приоткрыв створку, он заглянул внутрь и вошёл. Тихонько прикрыв за собой дверь, Демаскус последовал за ним.

Дрожащее пламя свечи, которую держал Чант, осветило грязную кладовку. В неяром свете Демаскус увидел полки, аккуратно заставленные самой разнообразной провизией. Здесь не было ничего подозрительного, но внезапно его охватила тревога.

— Чант, — прошептал он. — Почему для того, чтобы проникнуть в башню мага, нам пришлось вскрыть всего один-единственный замок на служебной двери? Как-то чересчур просто.

— Ожидал наткнуться на охранные чары или, может, сторожевого дрейка?

— Эм, что-то в таком роде, учитывая то, что ты говорил об этом Чевеше.

Кивнув, ростовщик убрал чехол с инструментами в сумку, которая казалась слишком маленькой, чтобы вместить его.

— Дело в том, что Чевеш действительно безумен. На улицах ходят слухи, что он нарочно не озаботился охраной своей башни, потому что с теми, кому хватит глупости вломиться сюда, он сможет делать всё, что пожелает — и, разумеется, всем ворами в Эйрспуре это известно. Поэтому они и обходят его жилище по широкой дуге.

— Что ты имеешь в виду под «делать всё, что пожелает»?

Чант пожал плечами.

— В этом и вопрос, верно? — еле слышно прошептал он. — Но это всё пустая болтовня, потому что до сих пор никто не смог ни подтвердить, ни опровергнуть подобные слухи. В любом случае, лучше действовать тихо. Ты готов?

Демаскус кивнул. Во рту у него пересохло, как в пустыне.

Подойдя к ведущей в башню двери, они заглянули внутрь. Там оказалось центральное помещение башни, вокруг стен которого шла винтовая лестница. Площадки этажей были окутаны тьмой, за исключением самого верхнего, откуда пробивалось мерцающее свечение.

Возле лестницы стояла бронзовая статуя, волосы и борода которой состояли из алого пламени. Исходящий от него свет озарял весь нижний этаж, из которого вели ещё три двери. Она изображала коренастого дварфа, ширина плеч которого почти не уступала его росту. Каждая деталь была выполнена с непревзойдённым мастерством. Создавалось впечатление, что зажатый в руке молот не является частью статуи...

Внезапно «статуя» почесала подбородок свободной рукой и снова замерла абсолютно неподвижно.

Милостивые боги, он живой!

Коснувшись руки ростовщика, Демаскус прошептал:

— Итак, что же нам делать?

Чант посмотрел на него. На лице его была написана тревога.

Потянув его обратно в кладовку, Демаскус зашептал так тихо, как только мог:

— Это не огненный дженази. А своим молотом он без проблем превратит нас в кровавое месиво, — вид стоящего на страже существа был ему откуда-то знаком. Слово вертелось на кончике его языка...

Чант содрогнулся.

— Да. Может, нам стоит...

— Азер, — внезапно воскликнул Демаскус громче, чем нужно. Понизив голос, он зашептал. — Азеры обычно служат огненным великанам. Или титанам. Они *и правда* настолько опасные бойцы, какими выглядят.

— Они вообще из Фаэруна? — спросил Чант. — Похоже, что из сопредельного мира...

— Возможно. Это всё, что я смог вспомнить. Есть ли иной путь наверх?

— Если и есть, я его не вижу. В принципе, мы можем вскарабкаться по наружной стене башни.

Демаскус окинул взглядом объёмистый живот ростовщика. Несмотря на свой вес, он

двигался легко, но вряд ли ему удастся взобраться по гладким каменным блокам до верхнего этажа.

— Может, попробуем его отвлечь? — спросил Демаскус. — Нужно, чтобы огненный дварф направился к главным воротам. Пока он будет занят их проверкой, мы сможем быстро проскользнуть по лестнице наверх.

Чант кивнул. На его хмуром лице возникла улыбка.

— Я знаю, как это сделать. Жди здесь. Будь готов, — открыв служебную дверь, он выскользнул наружу.

Подавшись вперёд, Демаскус устремил взгляд на пространство, отделяющее азера от главного входа в башню. Он гадал, что же было у ростовщика на уме. Его руки вспотели, но вовсе не от страха. Он чувствовал себя почти... разочарованным тем, что они собираются подняться наверх, не привлекая внимания стража.

Спустя некоторое время Чант вернулся.

— Жди... — прошептал он.

Снаружи послышался приглушенный стук. Передняя дверь слегка содрогнулась.

Взяв молот наизготовку, азер направился ко главному входу.

— Сейчас! — прошипел Чант, бросившись вперёд. Он скользил вдоль стены, словно жирная тень. Демаскус пересмотрел своё мнение насчет того, что ростовщику не хватило бы ловкости на то, чтобы взобраться по наружной стене. Он последовал за ним.

— Кто там? — остановившись у дверей, проревел азер.

Демаскус побледнел, сопротивляясь охватившему его жгучему желанию напасть на стража со спины.

Чант двигался легко, словно крадущийся кот, и Демаскус приложил все силы для того, чтобы подражать его походке.

Взгляд азера был неотрывно устремлён на главный вход. Затем они поднялись выше, и фигура стража исчезла из виду. Ещё несколько шагов, и они оказались на втором этаже. Там не было никакой охраны.

Чант слегка хлопнул его по руке, и, несмотря на свои сожаления, Демаскус ухмыльнулся.

Они продолжили свой путь. Всего в башне оказалось пять этажей, но азеров или иных стражей им больше не встретилось. Третий этаж был окрашен в ярко-алый цвет, а на четвёртом чувствовались слабые отголоски магии.

Наконец они добрались до последнего. На лестничной площадке находилось две двери, одну из которых окружал ореол пламени. Из-за неё раздался звон разбитого стекла и безумный смех, от которого волосы на шее Демаскуса встали дыбом.

На цыпочках они подошли к ней. Взглянув на Демаскуса, Чант одними губами прошептал:

— Готов?

Тот кивнул. Ростовщик осторожно обхватил ладонью выполненное в виде драконьей головы дверное кольцо и потянул, приоткрыв створку ровно настолько, чтобы можно было заглянуть внутрь.

Находящееся за ней помещение имело форму неровного круга. Оно было ярко освещено множеством парящих в воздухе сгустков пламени. Третью его занимало сложное устройство, представляющее собой причудливое переплетение стеклянных трубок, которые перекачивали в загадочно выглядящие сосуды бурлящую и шипящую жидкость, похожую на

магму.

Возле неё находился медный круг, вплавленный в камни пола. Вокруг него спиралью вились начерченные мелом магические формулы, похожие на нарисованный безумцем водоворот. Вдоль стен стояло множество столов и шкафов, полки которых были завалены разнообразными контейнерами и частями необычно выглядящих приборов, которые Демаскус не смог идентифицировать с первого взгляда.

И где же тот безумный волшебник?

Сделав короткий вдох, Чант осторожно указал наверх.

Между огненными шарами парил человек. Рукава его голубой мантии были расшиты узорами пылающих цветов и горящих глаз. Вокруг его пальцев, жезла, который он сжимал в руке, и длинных прядей нечёсанных волос плясали язычки пламени.

— Вот наш псих, — шёпот Чанта был едва слышен за потрескиванием пламени.

Демаскус кивнул. Волшебника окружал ореол бледно-голубого дыма. Судя по всему, Чевеш пребывал в медитативном трансе. К счастью, при виде него Демаскуса не охватило самоубийственное желание броситься в бой, как при виде азера. Хорошо. Сделав глубокий, но тихий вдох, он принялся осматривать помещение в поисках чего-либо, имеющего отношение к ритуалам призыва демонов, поддельным плащам кабала и белым украденным шарфам.

Первое, что бросилось ему в глаза — это медный круг. Хотя он понятия не имел, откуда ему это известно, Демаскус знал, что подобные конструкции порой используются для вызова существ из Бездны. С другой стороны, магический круг мог являться конечной точкой для телепорта на большие расстояния. Или же преградой, отсекающей нежелательные магические эманации. Или...

Да много чем.

Это слишком косвенное доказательство. Им нужно что-то, что можно принести в кабал Огненного Шторма. Закатившиеся глаза волшебника явно свидетельствовали о том, что он пребывает далеко от этой реальности.

Не тратя время на сомнения, Демаскус шагнул внутрь. Чант издал слабый протестующий звук, но он не остановился.

Демаскус обошёл металлический стул, привинченный к каменному полу. К его подлокотникам крепились ремни, а на выдвижной металлической подставке лежало множество игл. Хорошо, что этот мерзкий стул сейчас пустовал.

Ещё два шага, и он оказался возле одного из рабочих столов волшебника. Демаскус бросил взгляд на Чевеша, но тот по-прежнему пребывал в трансе. Он принялся просматривать лежащие на столешнице бумаги и свитки. Если ему удастся отыскать доказательства того, что огненный маг связан с серией демонических вторжений — хорошо. Но больше всего Демаскус надеялся найти что-то, что имеет отношение к той роли, которую сам он играл во всём происходящем — хоть какой-то намёк на его утраченную личность.

Записи о топологических смесях, поставках гептума, изначальной крови, плотности периодических орбит, огненных вихрях, странных ловушках, тауматургических запретных зонах и куча непонятных диаграмм и расчётов — вот и всё, что ему удалось найти. Ничего из этого не затронуло струны его памяти и, судя по всему, не имело никакого отношения к демонам. Подняв взгляд, Демаскус увидел, что Чант, стоя в дверном проходе, отчаянно жестикулирует, призывая его немедленно убираться оттуда.

Встряхнув головой, Демаскус указал на следующий стол.

— Могу я чем-то помочь? — раздался сверху голос.

Подпрыгнув, Демаскус поднял голову. Взгляд Чевеша был устремлён прямо на него. Глаза волшебника были цвета пламени, лишь в центре их виднелся намёк на чёрные зрачки.

— Эм, — произнёс Демаскус, отчаянно пытаюсь придумать хоть какое-нибудь правдоподобное объяснение.

— Не припоминаю, чтобы приглашал кого-то в свою лабораторию. Но ты здесь и роешься в моих бумагах. Как грубо. Не желаешь объясниться? — голос Чевеша звучал мелодично и мягко, словно он обращался к расхулиганившемуся племяннику, а не к вору, который вломился в его дом.

Прочистив горло, Демаскус заговорил снова.

— Приношу свои извинения, маг. Мне нужно было кое-что выяснить. Например... ты знаешь, кто я такой? — он задержал дыхание.

Слегка приподняв светлые брови, Чевеш внимательно всмотрелся в лицо Демаскуса.

— Нет. А должен? Ты — новый курьер из тюрьмы?

— Я... — начал Демаскус.

— Да, мы действительно новые курьеры из тюрьмы, — прервал его стоящий в дверном проёме Чант. — Но, кажется, мы не вовремя. Вернёмся, когда окончательно рассветёт. Хорошо?

Чевеш устремил на ростовщика долгий взгляд.

— Никто из вас не носит тюремную инсигнию и, если бы вы прибыли оттуда, то знали бы, что заключённых следует размещать в клетках, которые я специально для этого оборудовал на третьем этаже.

— Мы новенькие, — не сдавался ростовщик.

— Чант Морвен, не так ли? — произнёс волшебник. — Я не настолько одурманен гептумом, чтобы не узнать одну из столь известных в Эйрспуре личностей. Ты управляешь сетью осведомителей, нюхачей и собирателей слухов, которые обитают в наиболее грязных районах города. По крайней мере, тогда, когда не торгуешь всяким барахлом.

— Ах. Я рад, что моя репутация меня опережает, — произнёс ростовщик тоном, который подразумевал совершенно противоположное.

Чевеш начал опускаться вниз, пока его алые ботинки не коснулись пола. Повернувшись обратно к Демаскусу, он произнёс:

— Но ты мне незнаком. И всё же ты спросил, знаю ли я тебя. Итак, скажи мне, кто же ты? Я даже твою расу не могу определить. Ты не дженази, но и не человек.

Волшебник не считает его человеком? Демаскус отодвинул охватившее его удивление подальше в глубины сознания; с этим придётся разобраться позже.

— Я понятия не имею, кто я такой, — произнёс он. — Я надеялся, что ты мне об этом расскажешь.

— Утратил свою суть, да? Как захватывающе. Но мне-то откуда знать? Я же не чтец мыслей или предсказатель будущего. Однако... есть способ выяснить о тебе больше. Как насчёт того, чтобы пройти небольшой тест?

— Это восстановит мою память?

— Сомневаюсь, — пожав плечами, Чевеш подошёл к железному стулу с ремнями. — Но, если ты просто сядешь сюда...

— Это твоё исследование имеет какое-то отношение к демонам? — вмешался Чант, которой по-прежнему стоял в дверном проёме, не заходя в комнату.

— К демонам? Я умоляю, — произнёс Чевеш. — Этот путь ведёт лишь к кошмарным снам и деградации путём смещения крови. Уж поверь, я пробовал. Несколько десятков лет назад. Нет, для моих целей это не подходит. Оглядишься вокруг — видишь демонов? Буквы алфавитов Бездны? Чувствуешь вонь демонического ихора или слышишь вопли приносимых в жертву? Нет.

— Тогда что из себя представляет твой тест?

— Я изучаю изначальную кровь. Для начала я намереваюсь влить кровь огненного дженази в тело того, у кого нет такого наследия.

— Зачем? — спросил Демаскус.

— Потому что хочу! — внезапно волшебник перешёл на крик. Прочистив горло, он заговорил прежним спокойным тоном. — Когда я усовершенствую эту технику, то использую её на себе. Представьте, как невероятно это будет!

Внезапно глаза Чевеша вспыхнули, испустив две струйки дыма. Очевидно, он уже предпринял некоторые шаги на пути к своей цели.

— Итак, хватит вопросов, — указав на сиденье, маг приглашающе вскинул брови.

— погоди-ка, — произнёс Демаскус, делая шаг назад. — Утверждаешь, что тебе ничего не известно о том провалившемся ритуале, который проводился к западу от Эйрспура?

Чевеш раздражённо вздохнул.

— Кажется, тебя очень интересуют демоны. Эту странность я в тебе чувствую? В твоих венах течёт их кровь?

— Нет, — произнёс Демаскус. — По крайней мере, я так не думаю...

— Сядь, и мы выясним это.

— Демаскус, полагаю, нам пора покинуть этого любезного джентльмена, — произнёс Чант. — У нас назначена встреча, помнишь?

Нахмурившись, волшебник небрежным движением махнул жезлом в сторону Чанта, словно желая прихлопнуть надоедливую муху. С кончика его оружия сорвался огненный шар. Ростовщик поспешно отпрыгнул от входа, и через миг дверь исчезла в огненном взрыве. По лаборатории прокатилась волна раскалённого воздуха, сбрасывая свитки со столов и раздувая полы мантии Чевеша.

— Нет, прошу, останься, — сказал волшебник Демаскусу. — Я настаиваю.

Демаскус укрылся за огромным стеклянным сосудом, в котором бурлила горящая алая жидкость. Маг не стал его преследовать. Интересно, удалось ли Чанту избежать магической атаки или его единственный друг и соратник в Эйрспуре уже превратился в обугленное пятно на полу башни?

Обнажив трофейный клинок, он уставился на него. Разве простой металл может чем-то помочь в противостоянии с заклинателем уровня Чевеша? Скорее всего, это просто разозлит его ещё больше.

По лаборатории начали разноситься мистические слоги — маг начал творить заклинание. Скорее всего, оно должно было заставить Демаскуса покинуть своё убежище.

— Всё же именно *ты* стоишь за вторжениями демонов! Признай это! — вскричал он, надеясь сбить концентрацию волшебника. Демаскус приготовился выскочить из-за сосуда и броситься в атаку.

Заклинание оборвалось.

— И кто же из нас безумен? — заговорил Чевеш своим обычным вежливым тоном. — Я уже три раза сказал тебе, что такие вещи не по моей части. Если тебе нужны призыватели

демонов, следовало бы отправиться в кабал Огненного Шторма.

Сморгнув, Демаскус выглянул из-за сосуда.

— Что ты имеешь в виду?

Чевеш стоял, окружённый огненным вихрем. Его вскинутый жезл пылал, между зубов плясали искры.

— У кабала есть секретные проекты, о которых неизвестно короне. Они десятилетиями изучали пострадавших от Чумы существ. Но недавно кое-что изменилось. Одна из экспедиций, посланных исследовать затронутые Чумой земли, вернулась с далёкого юга и привезла с собой обломок древней статуи или что-то в таком роде. Но данный артефакт не имеет никакого отношения к тому, что произошло в год Голубого Пламени. Из надёжных источников мне известно, что с того момента, как они приступили к исследованию этой реликвии, члены кабала начали страдать от демонических кошмаров.

Демаскуса охватило дурное предчувствие. Неужели лейтенант Лехерен специально отправила их по ложному следу? Или огненный маг лжёт?

Он уставился на волшебника. Несмотря на всё своё могущество и роскошный наряд, он не производил впечатление человека, которому есть дело до того, как его воспринимают.

— Что ты имеешь в виду под «демоническими кошмарами»?

— Просто фигура речи, — заметив своё отражение в одной из кристальных панелей, волшебник свободной рукой пригладил кончики усов. — Судя по всему, кабал пытается возродить древний культ хаоса.

— Культ хаоса, — повторил Демаскус без всякого выражения.

— Культ Старейшего Стихийного Ока. Не лучшая идея. Именно поэтому поклонение Стихийному Оку не очень-то прижилось в Ториле. Даже я не настолько безумен, чтобы мечтать об освобождении Скованного Бога. В любом случае, для тебя это не имеет никакого значения, — Чевеш опустил жезл. Теперь его наконечник указывал прямо на Демаскуса. — Садись на стул или сгни. Честно говоря, мне всё равно. Люблю хороший огонь, — он улыбнулся, как ребёнок, предвкушающий вкусный леденец.

Демаскус бросился к дверям. Из жезла мага вылетело два стремительных потока пламени.

Один из них мельком задел его левое плечо. Поначалу Демаскус ощутил лишь лёгкий толчок, но затем его рука вспыхнула жаром. Воздух наполнился запахом палёной кожи — броня под его плащом начала тлеть. Тем не менее, он не остановился.

Внезапно перед ним возникла стена ревающего пламени, преградившая путь к выходу. Демаскус резко остановился. Его ботинки оказались в считанных дюймах от огненного барьера. По крайней мере, меч он не выпустил — хотя вряд ли это может что-то изменить.

Чевеш стоял, высоко вскинув жезл, наконечник которого пылал таким же ярким алым огнём, как и огненный барьер.

— А ты быстрее, чем кажешься, — произнёс волшебник. — Как же мне не терпится вскрыть твою грудную клетку и увидеть, какого цвета кровь течёт в твоём сердце.

Демаскуса охватил гнев, и он взмахнул клинком. Как и прежде, на лезвии проявились призрачные древние руны, от которых исходило неровное эфирное сияние. От них отделилась светящаяся завеса, которая, изогнувшись, поплыла вперёд и окутала Чевеша. Разряд молнии выбил жезл у него из рук.

Стена огня моментально исчезла. На её месте осталось лишь облако серого дыма.

Неужели с магом покончено? Нет. Растрёпанные волосы Чевеша пребывали в ещё

большем беспорядке, чем прежде, но в остальном он выглядел невредимым. Очевидно, этот маг был способен черпать силы из своего безумия.

Увидев, что взгляд Демаскуса устремлён на него, Чевеш демонстративно согнул палец. Жезл снова прыгнул ему в руку.

Со стороны входа послышался шипящий шёпот ростовщика:

— Пригнись!

Над головой Демаскуса просвистели три арбалетных болта. Два из них вонзились Чевешу в плечо, а третий разбил одну из стеклянных трубок, которые находились за спиной волшебника. В лабораторию хлынула пылающая жидкость.

Демаскус поспешно выскочил за дверь. Позади него раздался вопль ярости, и изнутри вылетел поток раскалённого воздуха.

Чант уже бежал вниз по лестнице, перепрыгивая разом через три ступеньки. В одной руке он сжимал свой удивительный арбалет. Его зелёная парчовая рубашка слегка обуглилась, но в остальном он выглядел невредимым. Демаскуса охватило облегчение; если бы ростовщик пострадал, помогая ему...

Над их головами вспыхнул свет, яркий, словно полуденное солнце. Не тратя времени на то, чтобы поднять взгляд вверх, Демаскус устремился вслед за ростовщиком. Его внезапно заострившаяся тень прыгала перед ним по ступеням. Тело его работало, как хорошо смазанный механизм, эффективно и безупречно. Даже несмотря на то, что ему по-прежнему грозила опасность превратиться в кучу углей, он не мог не наслаждаться ощущением силы, переполнявшей его мышцы.

Внизу их уже поджидал азер. Его молот был настолько раскалён, что от него исходило белое сияние.

— Не сражайся с ним! — прокричал Чант и спрыгнул с лестницы. От пола его отделяло добрых десять футов, но ростовщик умело, хоть и не очень изящно, приземлился на ноги. Не тратя времени зря, он тут же устремился к той кладовой, через которую они сюда проникли. Хоть Демаскус и находился на другой стороне лестницы, он также спрыгнул вниз.

— Чант Морвен, этой ночью ты обрёл врага! — прогремел сверху голос Чевеша.

Демаскус был удивлён, с какой лёгкостью ему дался подобный прыжок. Его тело знало, что делать; во время полёта он рефлекторно сгруппировался и согнул колени, успев отпрыгнуть в сторону за миг до того, как на то место, где он только что находился, обрушился раскалённый молот.

Пробежав через кухню, он выскочил из башни и бросился за ростовщиком. Небеса озаряли первые отблески приближающегося рассвета.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Чант запер за собой дверь. Прежде чем уйти, он смазал петли маслом, поэтому она закрылась абсолютно беззвучно. Из задней части магазина по-прежнему доносился негромкий размеренный храп — Демаскус ещё спал.

Ему и самому крайне требовался отдых. Но у него не получилось бы достигнуть своего положения, если бы он предпочитал лёгкие пути. Или доверял тому, что казалось очевидным. Именно поэтому он провёл это утро, пытаясь собрать всю возможную информацию о Демаскусе. Чанту бы очень хотелось принять на веру то, что ему рассказал бледнокожий мужчина. Но вера и доказательства — разные вещи.

Почему я вообще решил связаться с этим незнакомцем? Теперь чокнутый волшебник имеет на меня огромный зуб, — подумал он.

При обычных обстоятельствах Чант бы не стал тратить своё время на какого-то потерявшего память бедолагу. Слишком многие приходили к нему в магазин с подобными слезливыми рассказами, одетые по моде десятилетней давности и с парой вещей на продажу. Обычно у них недоставало одного-двух зубов, а изо рта пахло элем.

Чант не являлся сентиментальным человеком. А как иначе? Плохим бы он был ростовщиком, если бы принимал близко к сердцу каждую душещипательную историю, которую ему приходилось выслушивать в стенах своего магазина.

Он осознал, что именно по этой причине незнакомец заинтриговал его. Рассказ Демаскуса был куда интереснее, чем история какого-нибудь пьянчуги, который очнулся ото сна без вещей и ничего не помня. И то, что шарф, этот кусок ткани, который Чант хранил на протяжении четырёх лет, украли у него на глазах, служило тому косвенным доказательством. Демаскус является частью чего-то большего, пусть и сам понятия не имеет, чего именно.

Следовательно, помогая ему, он может помочь и самому себе. А, если и нет, то хотя бы отвлечётся от своих проблем — то, что ему давно уже требовалось. Если, конечно, Чевеш сегодня не отыщет его магазин и не спалит его дотла...

В любом случае, то, что он снабдил нескольких своих осведомителей описанием внешности высокого мужчины с татуировками цвета остывшей золы, служило не только мерой предосторожности. Информация непрерывно циркулировала между обитателями городского дна, и, возможно, им удастся отыскать какую-то зацепку, которая поможет Демаскусу вспомнить о том, кем он был раньше.

Конечно, существует вероятность, что он *и правда* является всего лишь простым докером, которому повезло выжить после первого и последнего призыва демонов неким невезучим магом. Что ж, это тоже интересно. В таком случае, Демаскус — крайне удачливый малый.

Но нет. То, как он держался во время схватки с волшебником, даже лишённый памяти...

С ним явно не всё так просто.

Перевернув висящую на окне табличку той стороной, на которой было написано «Закррито», Чант направился к прилавку. Раздетый до нижнего белья, Демаскус спал на животе, используя руку в качестве подушки. По его предплечьям змеились татуировки, доходящие до среднего и указательного пальцев. Но они являлись лишь частью общего узора — на спине его виднелся сложный рисунок из заострённых линий, которые складывались в силуэт меча. Изображение отличалось невероятной детализацией и мастерством исполнения.

Чант пару раз задумывался над тем, чтобы сделать татуировку, но в итоге так и не решился на это. Те из них, которые содержали в себе магию, были слишком дорогими, и в его жизни не случалось настолько ярких и радостных событий, память о которых ему бы захотелось увековечить на своём теле.

Порой забвение является благом... хотя Демаскус, похоже, так не считал.

Каково это — не иметь воспоминаний о себе и своей прошлой жизни? Может ли это принести облегчение? Некоторым — без сомнений; забыть обо всём и начать с чистого листа... Чант скривился.

Он бы многое отдал за то, чтобы не помнить о своих ошибках. В особенности о череде поразительно неудачных ставок, сделанных два года назад в принадлежащем мастеру Ранегеру заведении под названием Игровой Притон. Он часто шёл на риск, и это всегда себя оправдывало, но, когда доходит до игр, необдуманные решения — удел новичков. Ему следовало бы знать, что в играх эладринов безбожно мухлюют. На самом деле, он *знал* это, просто понадеялся, что пара отданных ему под залог костей окажутся лучше, чем умение Ранегера обманывать своих клиентов. Бывший владелец этих эбонитовых кубиков уверял Чанта, что они всегда приносят удачу. И где были его мозги? Неужели тот, кто владеет таким сокровищем, станет закладывать его в ломбарде?

Чант испытывал эти кости бессчётное количество раз, и они проявляли себя исключительно надёжными... до того единственного случая, когда это действительно было важно. В Притоне Игроков кости его подвели.

Какая ирония. Многие его клиенты приходили в ломбард, чтобы заложить ценности и расплатиться с долгами, но эти долги были ничем по сравнению с той суммой, которую Чант проиграл в заведении мастера Ранегера.

Конечно, даже если ему и удастся забыть о своих обязательствах, ему о них напомнят. Спасибо тем громилам, которые являются к нему каждые десять дней, чтобы вытрясти очередную часть долга, включая проценты. Сеть осведомителей, которую создал Чант, была ничтожно мала по сравнению с той, которая принадлежала Ранегеру. Несмотря на все свои усилия, он не видел ни единой возможности выскользнуть из лап этого ублюдка.

Если бы не Джаул, Чант бы уже давно уехал из Эйрспура и начал всё заново где-нибудь ещё. Возможно, в Калимшане, где, судя по слухам, также обитает множество дженази. Или, скорей, в Кормире, Агларонде или Высоком Имаскаре...

Но из-за Джаула это было невозможно.

Он в который раз вспомнил о своём последнем разговоре с сыном. Это произошло здесь, в этом самом магазине, и Чант был очень зол.

— Сколько ещё ты будешь ошиваться с этими хулиганами? — орал он на Джаула. — Рано или поздно ты влипнешь в такие неприятности, из которых тебе не удастся выкрутиться!

— И какие же, например? Украду что-то? — Джаул стиснул челюсти. — Буду шпионить? Врать всем подряд? Как ты, отец, делаешь на протяжении всей своей жизни?

Чанта охватила холодная ярость. Он мог бы успокоить сына. Мог бы рассказать о том, что всё в жизни взаимосвязано. Что оттенки серого являются всего лишь оттенками, но нужно уметь видеть между ними разницу. О том, что, если подойдёшь слишком близко к краю спектра, серое превратится во тьму, из которой уже не будет возврата.

Но не стал.

— Убирайся прочь из моего магазина! — проорал он. — Какое право ты имеешь разговаривать со мной в таком тоне?

Джаул стремительно выбежал наружу и больше не вернулся.

В следующий раз Чант встретил своего сына в Притоне Игроков. Тот работал вышибалой, стоя в прихожей. Видеть Джаула, которому едва исполнилось семнадцать, одетым в цвета Ранегера и неотрывно глядящим на дверь, было невыносимо.

Предательство. Забывшись в клубах синих листьев и реках золотистого эля, Чант решил продемонстрировать Ранегеру такую игру, которой тот никогда ещё не видывал. Вытряхнув эбонитовые кости из мешочка, он подул на них и направился в заднюю комнату, где ставки шли по-крупному. Там он принялся с азартом доводить себя до банкротства.

В болезненном свете следующего полудня к нему явился курьер. В вежливом сообщении, написанном бездушным каллиграфическим почерком, была указана сумма, которую он задолжал Ранегеру.

Он перевернул письмо. На другой стороне оказался набросок лица, сделанный несколькими точными линиями. В портрете безошибочно угадывались черты его сына. Желудок Чанта скрутило от ужаса. Он сразу же понял, что означает этот рисунок, и только тогда осознал, что прошлым вечером разрушил свою жизнь.

Несмотря на их ссору или, возможно, благодаря ей, Джаул стал для Ранегера идеальным, пусть и не подозревающим об этом, заложником.

— Будь всё проклято!

Всхрапнув, спящий перевернулся на другой бок.

Прости, Демаскус, — подумал Чант и отошёл подальше от раскладной кровати.

Учитывая свалившуюся на него череду неудач, удивительно, что он не продал тот шарф. Несколько раз он почти решился это сделать, ведь высокий незнакомец так и не явился за ним в указанный срок. Без него...

Внезапно на Чанта, словно каменный оползень, обрушилась усталость. Перед его глазами возник манящий образ стоящей на чердаке кровати, мягкой и тёплой. Но нет. Не сейчас. Его мысли ворочались медленней, чем обычно, но перед тем, как позволить себе провалиться в объятия сна, требовалось ещё кое-что проверить.

Внезапно перед ним словно из ниоткуда появилась Сказка. Её зелёные глаза сияли в свете пробивающегося сквозь закрытые ставни солнца.

— Вот маленькая дьяволица, испугала меня, — прошептал ростовщик. Дёрнув ухом, кошка направилась к стоящему у противоположной стены комнаты пустому ящику с низкими стенками. Сказка любила восседать в нём с таким видом, словно это был некий кошачий трон. Какая забавная! Он улыбнулся.

Обойдя витрину с разложенными на ней серебряными тарелками и салфетками, Чант остановился перед ржавым корабельным якорем. Убрав его в сторону, он отодвинул ногой деревянный ящик с оловянными кружками. Позади него находился шкаф с узкими

застеклёнными дверцами, в котором хранились разные свитки и книги. Он принялся просматривать их заголовки. За двадцать лет работы у него скопилось множество томов, большая часть которых попала сюда из библиотек обнищавших дженази, однако основу его коллекции составляли вовсе не они. Некогда группа оборванных странников притащила ему сундук, битком набитый покрытыми плесенью книгами. Они сказали, что отыскиали его в Чессентстких руинах, находящихся на одном из парящих островов к югу от Эйрспура.

Чант заплатил немалые деньги за их находку, надеясь, что сможет перепродать эти тома с немалой выгодой.

Но эти плесневелые книги всё ещё пылились здесь. Оказалось, что в ломбарды захаживает не так много коллекционеров, как он рассчитывал, а у него так и не дошли руки устроить уличную распродажу.

Может, это и к лучшему. Слова Чевеша натолкнули его на мысль об изображении, которое он видел на страницах одной из книг.

Достав из шкафа толстый том под названием «Культы Тирании», от которого исходил запах грибов, он положил его на прилавок.

Да уж, оглавление бы не помешало. Или хотя бы список того, о чём тут написано. Чант принялся перелистывать страницы в поисках символа, который ему запомнился много лет назад, когда он впервые ознакомился с содержанием этой книги.

А вот и он — изображение глаза поверх изломанного спиралевидного узора. Описание гласило: «Культ Старейшего Стихийного Ока являлся сердцем религиозной секты, которая появилась в Чессенте в 1340 ЛД, наводя ужас на местных жителей. Культ пользовался услугами наёмников-бандитов и имел дело с демонами и злыми силами. Они успели причинить множество разрушений, прежде чем не привлекли к себе излишнее внимание и не были уничтожены силами объединённого альянса. Этому культу никогда не удавалось закрепиться на Фаэруне, что некоторые приписывают прямому вмешательству Мистры.»

Всё.

Нахмурившись, Чант пролистал книгу до конца. Ничего, что бы имело отношение к Старейшему Стихийному Оку. Он вернулся обратно на страницу с изображением символа глаза. Тот почему-то казался знакомым...

— Пустой кошель Вокин! — выругался он. Он вспомнил, где видел его.

Демаскус заворочался во сне. Его рука вцепилась в горло, словно пытаясь ослабить слишком тугий воротник рубахи.

— Нет! — содрогнувшись, выкрикнул он и резко сел, часто моргая расширившимися глазами.

— В чём дело? — спросил Чант.

— Э? — Демаскус смущённо уставился на него.

— Тебе снился сон. Судя по всему, какой-то кошмар.

Демаскус потёр шею.

— А. Да, — пробормотал он.

На его лице возникло задумчивое выражение. Вряд ли тот сон, который он видел, оказался приятным. Чант решил, что продолжать расспросы будет не лучшей идеей. Он решил сменить предмет беседы.

— Я отыскал кое-что, что может тебя заинтересовать. Взгляни сюда, — ростовщик указал на картинку в книге. — Узнаёшь?

Надев ботинки, Демаскус подошёл к прилавку и уставился на символ. Его глаза

сузились.

— Если мысленно убрать глаз... такой же узор украшал шею того малого в Материнском Доме! — воскликнул он.

Чант встряхнул головой.

— Похоже, Чевеш не лгал.

Демаскус начал одеваться.

— Пора призвать кабал Огненного Шторма к ответу, — произнёс он.

— погоди! Нам нужен план. Не можешь же ты просто вломиться туда и обвинить всех во лжи!

— Почему? — спросил Демаскус. Закончив с бронёй, он пристегнул к поясу меч.

— Если они вралли нам раньше, то теперь-то точно попытаются прикончить, чтобы сохранить свой секрет в тайне. Если они и правда занимаются призыванием демонов, то наши жизни представляют для них ценность разве что в качестве потенциальных жертв.

— Если бы всё было так просто, что им мешало убить нас ещё вчера, когда мы туда пришли? В любом случае, лейтенант Лехерен мне не врала, в этом я уверен. Дело в тех двоих — Джетте и втором дженази.

Кивнув, Чант вскинул руки.

— Давай всё же это обсудим.

Проигнорировав ростовщика, Демаскус направился к выходу, натягивая на ходу плащ.

— Можем сделать это по дороге.

— Совсем смерти не боишься? Если члены кабала и правда связаны с появлением демонических тварей, то, может быть, нам стоит отыскать способ предупредить королеву об обмане...

Но Демаскус уже ушёл.

Чант устал. Его мышцы болели после недавних приключений, вдобавок он где-то умудрился повредить голень и каждый раз, когда больное место задевал край ботинка, нога вспыхивала болью. Он задумался над тем, не стоит ли просто позволить Демаскусу уйти. Пусть сам разбирается со своими делами. Мысль о кровати была крайне заманчивой.

Сказка мякнула.

— Ты уже ела этим утром, — сказал он ей. — Давай, отработывай своё содержание и наконец поймай ту крысу, которая прогрызает в гобеленах дыры.

Посмотрев на него, Сказка поуютней устроилась в своём ящике.

Он устремил взгляд поверх прилавка. К стене был приколот листок со сделанным чёрными чернилами наброском, в котором безошибочно угадывалось лицо Джаула.

— Клянусь, это меня точно в гроб сведёт, — пробормотал ростовщик и вышел из магазина.

Чтобы догнать стремительно удаляющегося Демаскуса, ему пришлось перейти на бег. Несколько человек проводили его удивлёнными взглядами; Чанта редко можно было увидеть спешащим куда-то, если это не первое место в очереди на фуршет, который проводился раз в десять дней в Морской Удаче Крейгтона. Он всегда старался производить впечатление неповоротливого увальня. Про себя Чант выругался на Демаскуса за то, что был вынужден раскрыть свою способность быстро бегать перед глазами всех своих соседей.

Поравнявшись с Демаскусом, он выдохнул:

— погоди! — и, оперевшись руками в колени, тяжело задышал. Разумеется, это было простой показухой. Если кому-то придёт в голову проследить за стремительно мчащимся

ростовщиком, то он увидит лишь вспотевшего и выдохшегося человека и ничего не заподозрит.

Демаскус остановился. Его глаза удивлённо расширились.

— Эй, в чём дело?

Совсем недавно он видел, как Чант стремительно мчится вниз по лестнице, перепрыгивая разом через три ступеньки, а затем, перемахнув через перила, убегает из башни волшебника, ничуть не запыхавшись.

Решив не вдаваться в объяснения, Чант отмахнулся от его вопроса и выпрямился.

— Я пойду с тобой, — понизив голос, произнёс он. — Я же говорил, что помогу. Но нужно действовать осторожно. Мы не можем просто заявиться к главным воротам и потребовать, чтобы нас пустили внутрь.

— Тогда что?

Чант направился дальше.

— Найдём место, откуда открывается хороший обзор на Материнский Дом, и будем ждать, — произнёс он.

— И чего мы этим добъёмся? — Демаскус нетерпеливо поджал губы.

— Увидев, что Лехерен или Джетт выходят наружу, мы проследим за ними и, когда они окажутся достаточно далеко от оплота, потребуем у них ответов. В таком случае за их спиной хотя бы не будет стоять вся мощь кабала.

Демаскус задумался над его словами.

— А что, если они так и не выйдут? — спросил он.

— Тогда придумаем новый план.

— Предлагаешь действовать по-твоему?

— А почему нет?

Демаскус вздохнул. Затем он заговорил снова.

— Это звучит... разумно. Спасибо за то, что помогаешь мне, Чант. Судя по всему, я обладаю чересчур резким и порывистым характером, — он нахмурился, словно мысль об этом его совершенно не порадовала. — Я правда ценю то, что ты решил присоединиться ко мне, в особенности учитывая мою ситуацию.

— Как я уже упоминал, я помогаю тебе потому, что информация — это деньги, а то, что происходит сейчас, стоит не меньше, чем гора драконьих сокровищ, — и только деньги могут обеспечить безопасность Джаула, подумал он.

Прогулочным шагом они направились по обходной дороге, предложенной Чантом. Наконец они добрались до парящего острова, с которого открывался отличный вид на находящуюся под ним штаб-квартиру кабала Огненного Шторма.

Демаскус устремил взгляд вниз. Его глаза расширились.

— Ничего не понимаю. Мы заблудились?

Чант также пребывал в полном замешательстве. Он терпеть не мог это чувство.

— Нет... мы не заблудились, но...

Материнский Дом исчез. На его месте возвышалась груда почерневших от пламени камней. В небеса поднимался столб дыма.

— Владыки света, — прошептал Демаскус. — Что тут произошло?

Отбросив осторожность, они начали спускаться вниз, пока не оказались в толпе зевак, собравшейся возле разрушенного здания. Демаскус обратился к стоявшему с краю дженази.

— Что случилось с Материнским Домом?

Дженази пожал плечами.

— Кто знает? Наверное, ночью здесь произошёл пожар.

Демаскус повернулся к Чанту. На его лице была написана растерянность.

Ростовщик мог только головой покачать. Приключения прошлой ночи окончательно вымотали его, и он ощутил потребность присесть. Отойдя от толпы, он опустился на уличную скамейку и вздохнул. Если Демаскус не сможет вернуть память, с надеждой извлечь выгоду из знакомства с ним придётся попрощаться. Долг перед Ранегером продолжит давить на него своим огромным весом.

Он слегка хихикнул. В любом случае, этот план был довольно глупым.

Демаскус сел рядом с ним. Его взгляд был по-прежнему прикован к разрушенному зданию.

Чант потёр глаза с такой силой, что под веками забегали огоньки. Сморгнув выступившие слёзы, он заметил, что к ним присоединилась женщина в белых кожаных ботинках.

Подняв голову, он взглянул в её тёмные глаза. Незнакомке было лет двадцать с небольшим, может, слегка за тридцать. Одной рукой она с такой силой стискивала рукоять булавы, что костяшки её пальцев побелели. На ней было платье до пола, украшенное лишь россыпью золотых звёзд на длинных рукавах. Его капюшон был откинут. По коже цвета кофе змеились золотистые линии — незнакомка являлась земляной дженази. На её шее висел золотой амулет с изображением пары глаз, окружённых семью звёздами.

— Эм, — произнёс Чант. — Кто ты?

— Меня зовут Карменере, — произнесла женщина. — Ходят слухи, что вы разыскиваете Рилту. Зачем?

Ропот моргнул глазами своего сосуда из плоти. Для пробы он открыл и закрыл рот, щёлкнув зубами. Тело, в котором он находился, снова погрузилось в сон, что позволило ему пробудиться.

Демон встал. В этой хрупкой оболочке его движения по-прежнему оставались неловкими, хотя на теле уже начали проявляться признаки приближающегося слияния — плоть и кости его становились крепче, чем у других смертных. Но до того момента, пока Ропот не обретёт над ним полную власть, нужно следить за тем, чтобы сосуд оставался в целостности и сохранности.

Если бы осторожность являлась единственной ценой, которую ему пришлось заплатить, Ропот был бы счастлив пойти на это, учитывая, сколько столетий ему пришлось провести заключённым в каменной каверне в своей изначальной форме.

Он обвёл взглядом небольшие покои. Почему владелец его тела избрал для сна данное место? Это вовсе не та комната, в которой он привык просыпаться. Здесь находилось множество самых разных предметов и частей оборудования, предназначение которого оказалось ему неизвестно.

Одежда на теле также была иной, чем та, которую Ропот привык видеть при пробуждении. Он пробежался пальцами по рукаву плаща, ощущая гладкую текстуру кожи. Почему его сосуд вырядился так, будто собирается куда-то идти? Обычно, когда демон пробуждался, он был одет лишь в нижнее бельё.

Если бы ему захотелось, он мог бы с лёгкостью выяснить всё, погрузившись в глубины разума владельца тела. Но столь грубое вторжение было подобно ножу, снимающему с мозга слой за слоем. Рассудок носителя оказался бы безвозвратно повреждён, и обычно после этого тела просто погибли. Ропот знал это по своему опыту.

Если это произойдёт, то ему придётся искать себе другого носителя и заново начинать процесс. Охота за снами смертных всегда доставляла ему удовольствие, но в таком случае слияние отложится ещё на какой-то срок. К тому же это *конкретное* тело практически идеально подходило для его целей.

Лучше ограничиться поверхностным осмотром. Спящий хозяин мешка с костями и плотью понятия не имел о существовании Ропота, ощущая его лишь как обрывки ночных кошмаров — кошмаров, которые с каждым разом, когда он погружался в сон, становились всё ужасней. Когда процесс слияния завершится и демон обретёт полный контроль над его телом, закрепившись в реальном мире, он погрузится в них навсегда. Его разум будет окончательно поглощён, и терпение демона окупится сторицей.

— Мой повелитель? — прозвучал голос.

Повернув голову, Ропот устремил взгляд на вошедшего. Его фигура не сильно отличалась от той, которой обладал его сосуд. Впрочем, он не особо обращал внимание на такие мелочи, как внешность или пол. [*\[PW1\]](#) Самое главное, что тот, кто вошёл в покой, являлся коренным обитателем этого мира и также был одним из немногих, кто знал о его присутствии. И, подобно всем остальным, он принёс ему клятву верности.

Когда дело касалось информации, ресурсов и помощи, слуга оказывался весьма полезен. Ропот слышал его имя, но не потрудился запомнить его. И никогда не приказывал ему снять капюшон, который скрывал его лицо. По невыносимо смраднему дыханию его и так можно было безошибочно узнать в любой толпе.

— Я пробудился. Скажи мне, слуга, где мы? Почему мы не под землёй?

— Произошёл несчастный случай, — прислужник указал на ведущую на балкон дверь, сквозь которую пробивались солнечные лучи.

Распахнув её, Ропот на негнущихся ногах вышел на балкон.

Под ним простирался Эйрспур. Взгляд его сразу же устремился на столб поднимающегося в небеса дыма и разрушенное здание.

— Материнский Дом, — произнес демон.

— Одно из ваших творений вырвалось на волю, повелитель. Учитывая, что вы спали, хозяин тела решил, что единственный способ остановить его — это обрушить всё здание ему на голову.

— Почему ты этому не воспрепятствовал? — Ропот подавил охватившую его ярость, сопротивляясь желанию оторвать слуге лицо.

— В этом не было необходимости.

— Здесь я решаю, что необходимо, а что нет! Кабал...

— Отстроится заново. Средства у них есть.

Ропот устремил на слугу гневный взор. Он содрогнулся от усилий сдержаться и не вырвать из головы смертного кошмары, навеки погрузив его в них.

— И в то же время, — продолжил слуга, понятия не имея, что его жизнь только что висела на волоске, — мы получили возможность продолжать нашу работу под землёй, не опасаясь, что наша деятельность привлечёт внимание тех членов кабала, кто ещё не принёс клятву верности Стихийному Оку. В конце-концов, подвалы при обрушении здания ничуть

не пострадали.

-..кажется, что произошедшее вовсе не столь катастрофично, как я решил вначале.

Слуга поклонился так низко, что его капюшон коснулся пола. Должно быть, до него наконец дошло, что он пересёк черту. Затем он покинул покои. Ропот проводил его взглядом.

Он обещал себе, что, когда слияние завершится, первым, чьим сердцем и разумом он попирует, станет этот человек. Нет ничего слаще предательства.

Демон снова устремил взгляд на разворачивающуюся под балконом сцену. Вокруг гаснущего пожара собралась толпа зевак.

Он задался вопросом, какой же кошмар из тех, которым он придал форму, оказался на свободе. Скорее всего, тот, кого он нарек Разрывателем Воплей. Из всех его творений именно он, хоть и был рождён и воплощён силой Ропота, а также принёс клятву верности Старейшему Стихийному Оку, сильнее всего стремился вырваться из его пут. Казалось, что он лучше остальных ощущал, что те обещания, которые демон давал каждому члену их стаи, являлись ложью.

Такова была способность его сильнейших детей — они знали кое-что о его тайнах. И Разрыватель Воплей подозревал, что верность Ропота Старейшему Стихийному Оку является лишь средством для достижения его собственных целей.

Но, когда процесс слияния завершится, это, как и многое другое, станет неважно. Разрыватель Воплей склонится перед ним, и они приступят к осуществлению истинных планов демона. Они уже почти закончили собирать рассеянные части Бича...

Его внимание снова привлекло то, что происходило на улице. С краю толпы находились трое. Один из них...

Один из них — мужчина с белыми волосами — был ему знаком. Неужели Ропот некогда отметил его как своего служителя или забрал у него кошмар?

Нет.

Мясной костюм Ропота невольно втянул в грудь воздух сквозь стиснутые зубы. Демон знал этого мужчину.

Это был Демаскус.

Ропоту показалось, что по комнате пронёсся порыв ледяного ветра, грозя разметать все его планы и надежды, словно карточный домик. Он вспомнил, где в последний раз видел эти белые волосы и пепельные татуировки. В том месте между мирами, когда Демаскус и его союзники уничтожили все мечты Ропота и его братьев.

Значит, сюда его могло привести лишь одно. Он намеревается завершить то, что давно начал.

Но в этом не было никакого смысла; как ему вообще удалось его отыскать? В тот раз они столкнулись так далеко отсюда, что разделявшее эти места расстояние измерялось вовсе не милями.

Ропот отвел свою марионетку из плоти подальше от края балкона. Из-за его переживаний тело носителя охватила дурнота. В кишках человека словно ворочался угорь из ледяной морской воды и ненависти. Стоит ли ему покинуть этот сосуд и подыскать себе новое сновидение? Или просто сбежать как можно дальше, надеясь, что слияние произойдёт раньше, чем Демаскус его поймает? Или...

В тени дверного проёма демон заставил себя остановиться.

Нет.

Слишком много вложено усилий, чтобы просто бросить всё, даже не попытавшись узнать, как именно Демаскус смог его выследить. Если он сейчас сбежит, его древний враг, скорее всего, просто-напросто отыщет его снова. Взяв себя в руки, Ропот обернулся.

Эти трое по-прежнему находились на улице. Демаскус не смотрел на балкон. Он вовсе не выглядел настороженным. С ним даже его оружия не было.

Неужели он играет с Ропотом? Или действительно не подозревает о том, что именно взирает на него сверху?

Демаскус разговаривал со своими спутниками. Что же он говорит? Слух Ропота был весьма острым — демоны умели использовать органы восприятия своих мясных оболочек, напрягая их до того предела, когда из них начинала сочиться кровь. Но гул толпы заглушал слова его древнего врага.

Оставался вопрос: если Демаскус уже прибыл в мир, носящий название Торил, и находится в Эйрспуре, почему он до сих пор не выступил против Ропота? С момента их последней встречи демон заметно ослаб. Ему так и не удалось установить связь со своими собратьями, за исключением Бича, он успел воплотить всего несколько кошмаров и даже не завершил процесс своего первого слияния...

Может, Демаскус ещё не сумел выяснить, чьими именно снами он овладел? В течение дня его носитель вёл обычный образ жизни, представления не имея о том, с кем делит своё тело.

А что, если Демаскус тоже лишился своей силы? Те двое, с кем он сейчас разговаривал, не являлись членами мстящего отряда, который уничтожил первый круг культистов, призвавших Ропота и его братьев из их древнего измерения. Возможно, они также оказались разделены и ослаблены?

Демон обратил внимание, что по сравнению с прошлым разом Демаскус был одет довольно просто. Куда делся его острейший меч, его трепещущая вуаль, его сверкающее кольцо и божественные амулеты, что были вплетены в его волосы? Похоже, он сменил всё это на поношенный вычурный плащ и длинный меч наёмника.

Губы Ропота искривил спазм — на них возникла улыбка.

Возможно — только возможно — что на этот раз преимущество оказалось на его стороне.

Он воспользовался одной из своих способностей. Пол содрогнулся. Тени вытянулись, заполняя помещение, как приливная волна. Стало темней, словно при наступлении ночи. Ширящееся облако мрака омыло порог балкона и поползло к развалинам Материнского Дома, струясь между камней мостовой.

Никто из находящихся на улице людей не заметил этого; тени являлись всего лишь побочным эффектом его силы, поэтому были видны лишь самому Ропоту и, возможно, тем, кто обладал редкой чувствительностью к подобного рода вещам.

Демон проник в руины сквозь фистулы усталости и зарылся под завал нематериальными пальцами принуждения. Наконец он отыскал тех, кто был ему нужен — своих немногочисленных прислужников, которых он извлек из перепуганных умов смертных, облёк в плоть и посвятил Старейшему Стихийному Оку.

Ропот ласково прикоснулся к их разумам, отвлекая своих детей от видений разрушения и резни. В сознание одного из своих слуг он поместил психический образ Демаскуса и, на всякий случай, тех двоих, с кем он разговаривал.

— Следуй за ними, — приказал демон. Он задумался, не приказать ли монстру

привести их живыми, чтобы скормить яме.

Но нет. Это может слишком всё усложнить.

— Когда они окажутся одни, убей их, — продолжил Ропот. — Кожу принеси мне; всё остальное в твоём распоряжении.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Демаскус продолжал в изумлении разглядывать дымящиеся развалины Материнского Дома. Оплот исчез, равно как и его шанс получить ответы. Чёрные струи дыма поднимались в небеса, словно флаги, развевающиеся на похоронах всех его надежд.

Кто же мог это сделать?

Его охватил гнев, горячий и горький, словно первый глоток свежесваренного кофе. Ему не нравилось оказываться обманутым в своих ожиданиях. Те, кто осмеливались перейти ему дорогу, либо раскаивались в этом, либо умирали. Умирали весьма...

Он сморгнул, удивлённый своей реакцией, и гнев тут же рассеялся. Откуда, во имя Адов, это вообще взялось? Одёрнув плащ, Демаскус сглотнул. После вспышки ярости во рту его чувствовался привкус железа. На миг его охватила такая злость, что он бы с лёгкостью мог кого-нибудь придушить...

Боги милостивые, — подумал он. — Неужели из-за своего взрывного темперамента я и убил того священника?

Его раздумья прервал голос женщины. Он лишь краем уха услышал то, что она сказала, но с радостью воспользовался шансом, чтобы прекратить терзать себя бессмысленными раздумьями. Что-то насчёт...

— Рилта? — спросил он. — Это кто?

Внимательно осмотрев его с ног до головы, дженази произнесла:

— Это Рилтана. Для краткости я обычно звала её Рилта. Так почему вы её ищете? — она вновь устремила взгляд на ростовщика.

Чант покачал головой.

— Я не знаю никого, кто бы носил это имя, — произнёс он усталым голосом.

Женщина, которая представилась, как Карменере, нахмурилась.

— Ты — Чант Морвен? — спросила она. — И ты разыскиваешь информацию о ком-то, кто соответствует описанию Рилты, верно?

Наконец до них дошло.

— Та, кто украла мой шарф! — воскликнул Демаскус. — Ты её знаешь?

Карменере пожала плечами.

— Может быть.

— Рилтана — воздушная дженази, носит маску и обтягивающую кожаную броню? — спросил Чант.

— Она порой одевалась так, да, — ответила Карменере. — Вы упомянули об украденном шарфе. Это...

— Да! Мой шарф! Она вырвала его прямо у меня из рук. Этот шарф очень важен для меня!

Демаскус устремил на женщину пылающий гневом взор. Он знал, что ведёт себя грубо и лучше сменить тон, чтобы не спугнуть её, но ничего не мог с собой поделать.

Карменере нахмурилась.

— Рилта известна тем, что порой берёт себе вещи, которые ей не принадлежат, — лишённым эмоций голосом пробормотала она. — Обычно такие вещи не представляют собой настолько большой ценности, чтобы их потеря являлась болезненной для владельцев. Обычно.

— Ценности? — заорал Демаскус. Несколько зевак оглянулись на него, но ему было плевать. — Да какая разница! Она — воровка, и...

Поднявшись на ноги, Чант положил ладонь ему на плечо. Демаскус смерил его сердитым взглядом, но всё же заткнулся.

Откашлявшись, ростовщик произнёс:

— Прости моего друга Демаскуса — этот шарф многое для него значит. Можешь ли ты передать своей подруге Рилтане, что мы бы хотели его вернуть? Что мы даже готовы заплатить за это деньги? — голос Чанта звучал дружелюбно и совершенно искренне.

Демаскусу наконец удалось отчасти справиться с охватившим его гневом, но открывать рот он не рискнул. По крайней мере, у него получилось согнать с лица хмурую гримасу.

— Я бы передала ей, — произнесла Карменере, — но... она пропала. И я этим весьма обеспокоена.

— Что ты имеешь в виду под «пропала»? — спросил Чант.

— Вчера до меня дошли слухи, что вы её разыскиваете, и я решила нанести ей визит, — произнесла Карменере. Судя по выражению её лица, за этими словами скрывалось нечто большее.

— И? — спросил Демаскус.

Женщина достала оторванный лист пергамента.

— Я нашла эту записку.

Взяв её, Чант прищурился. Достав из кармана пару линз для чтения, он водрузил их на нос и устремил взгляд на лист.

— Что там написано? — спросил Демаскус.

— Письмо адресовано Карменере. В нём говорится, что Рилтана собирается встретиться с клиентом в Сепульчере, чтобы получить плату за выполненное задание. И?

— Она давно должна была вернуться! — воскликнула Карменере. — Но она не появлялась дома ни прошлой ночью, ни утром. Должно быть, в Сепульчере что-то пошло не так.

— Что из себя представляет этот Сепульчер? — спросил Демаскус.

— Место, где заключаются незаконные сделки, — задумчиво произнёс Чант.

Опустив голову, Карменере уставилась в землю.

— Пошли, — произнёс Демаскус. — Этот шарф нужен мне, чтобы вспомнить...

Ткнув его локтем, Чант слегка качнул головой в сторону Карменере.

Верно, — подумал Демаскус. — Вовсе незачем объявлять о своих проблемах каждому встречному.

— Карменере, — произнёс Чант. — Мы решили отправиться в Сепульчер на поиски твоей подруги. Хочешь присоединиться к нам?

— Мне бы не... — встряхнув головой, женщина поднял взгляд. — Нет, наши пути разошлись навсегда. Прошу вас, если вы её отыщете и она окажется в порядке, не говорите

ей, что именно я указала вам путь.

— Эм. Конечно, — озадаченно произнёс Чант.

Демаскус подумал, что будет совершенно излишне упоминать о том, что он собирается сделать с воровкой, когда найдёт её. Вместо этого он спросил:

— И куда же нам идти?

Ростовщик махнул рукой в сторону запада — туда, где со стыка двух горных склонов, на которых был построен Эйрспур, обрушивался водопад.

— Ты это слышал? — спросил Чант.

Всё, что слышал Демаскус, это непрекращающийся грохот воды. Эхо его отражалось от стен тоннеля, и этот звук, казалось, стремится просверлить в его черепе дыру.

Он встряхнул головой. Для того, чтобы добраться до Сепульчера, им пришлось спуститься в расположенный под Эйрспуром лабиринт подземных тоннелей. К счастью, ростовщик знал дорогу — он сказал, что пару раз ему уже доводилось бывать в том труднодоступном месте. Уже почти полчаса они шли по проходам, некоторые из которых были превращены в часть канализации Эйрспура, и он знал, что их путешествие вскоре подойдёт к концу.

Внезапно остановившись, Чант обернулся. Последовав его примеру, Демаскус устремил взгляд в ту сторону, откуда они пришли. Тоннель был пуст.

— В чём дело? — тихо спросил он.

Ростовщик пожал плечами.

— Не уверен. Мне показалось, что позади нас кто-то есть.

— Я ничего не слышу, кроме шума водопада.

— Воды Акана производят впечатление, да?

— Оглушительное впечатление.

Ростовщик хихикнул. Демаскус подавил своё раздражение. Этот звук сильно действовал ему на нервы, но он не собирался поддаваться своему вспыльчивому характеру.

Они продолжили путь. Вонь гниющей рыбы заметно усилилась. Её запах даже заглушил смрад нечистот, хотя от этого едва ли стало легче.

Чант указал на слабый отблеск света, виднеющийся впереди.

— Мы почти на месте, — прошептал он. Кивнув, Демаскус опустил ладонь на рукоять меча.

Они зашли в огромную пещеру. Он насчитал один, два, три... в сумме семь тоннелей, которые выходили из неё. Один из тех, что находился на потолке, был перекрыт ржавой железной заслонкой.

В сыром воздухе стоял запах рыбы. От грибов, покрывавших стены и потолок, исходило свечение. Несколько параллельных линий на камнях свидетельствовали о том, что пещеру периодически затапливало. Даже сейчас на полу виднелись лужи. В некоторых из них отчаянно мельтешили рыбки — свидетельство того, что последний потоп произошёл не так давно.

Рядом с одной из стен неподвижно лежала женщина в чёрном доспехе. Неподалёку от неё находилось ещё одно тело, куда меньшее по размеру.

— Это она! — воскликнул Демаскус. Чант схватил его за руку, но он вырвался и

бросился вперёд. Если здесь и была засада, он к ней готов.

Демаскус склонился над телом воровки, но... шарфа при ней не оказалось. Ему отчаянно захотелось заорать и встряхнуть её. Совладав с собой, он попытался нащупать пульс на её шее.

Ему повезло — сердце билось слабо, но ритмично.

— Она жива!

Не прекращая обшаривать пещеру взглядом, Чант подошёл к нему.

— Можешь привести её в чувство? — спросил Демаскус. — Нужно узнать, что произошло с моим шарфом.

Ростовщик поджал губы, словно обдумывая варианты. Наконец он всё же достал из-за пояса стеклянный сосуд с исцеляющим зельем.

Демаскусу доводилось пользоваться такими зельями сотни раз. Возможно, тысячи. Его захлестнула стремительная кавалькада образов и ощущений — сломанные кости, кровоточащие раны на животе, резаные, колотые, дробящие удары... Сморгнув, он протёр глаза, чтобы избавиться от них.

Поддерживая голову женщины, Чант влил исцеляющий бальзам ей в горло. Через несколько мгновений бледная кожа дженази порозовела. Она закашлялась, и её глаза распахнулись.

Женщина сморгнула, переводя взгляд с Демаскуса на Чанта и обратно. На её лице было написано замешательство.

Демаскус прочистил горло. Глаза Рилтаны расширились, и она воскликнула:

— Ты!

— Да, я, — произнёс Демаскус. — Где мой шарф?

Воровка поднесла дрожащую руку к голове. Кристаллические пряди цвета затянутых облаками небес, которые заменяли ей волосы, были заплетены в косу.

— Гнойнорылый гоблин застал меня врасплох, ударил дубиной. Я не помню...

Демаскус устремил взгляд на второе тело, которое лежало в нескольких шагах от Рилтаны, наполовину погружённое в лужу. Подойдя ближе, он схватился за грязные обмотки, служившие погибшему обувью, и вытащил его из воды.

Да, это был гоблин. Глаза его вылезли из глазниц, а сведённые трупным окоченением руки по-прежнему цеплялись за глотку, пытаясь сорвать обвившуюся вокруг неё светлую полосу ткани.

— Милостивые боги! — воскликнул Демаскус. Это был его шарф! Но...

Потянувшись к нему, он замер. Гоблин погиб точно такой же смертью, как и священник из его видения. Значит, этот кусок ткани является вовсе не шарфом, а зачарованным оружием убийства — гарротой!

Может, то, что он лишился его и всех своих воспоминаний, является лишь благом. Может, он сам некогда всё это и устроил. И теперь он получил шанс вернуть свою вещь — и ту жизнь, от которой, возможно, отчаянно хотел сбежать.

— Значит, это он? — спросил Чант.

— Да. Но я не... — при взгляде на то, как туго впилось полотно в шею гоблина, его охватила дурнота. В его ушах зазвучал ревуший звук, который с каждым мгновением становился всё громче и громче.

Погодите-ка. Звук был вполне реален.

Чант и Рилтана одновременно повернулись ко входу в пещеру. Воздух сотряс громкий

рёв.

В тоннеле, пригнувшись, стояло чудовище. Взгляд его состоящих из алых кристаллов глаз был устремлён прямо на Демаскуса, голодный и полный предвкушения.

— Вот свинство! — выругалась Рилтана. — Почему вы просто не оставили меня валяться без сознания? Хватит с меня этого дерьма!

Тварь имела гуманоидную форму, однако из её бугрящихся неестественно раздутыми мышцами плеч росла дополнительная пара рук. Из-за того, что монстр стоял, слегка подавшись вперёд, он чем-то напоминал охотящегося хищника. Его оскаленная пасть была полна острых зубов, а из головы, плеч и верхней части спины торчали алые кристаллические шипы, похожие на некую первобытную корону.

Демаскус узнал его. Он являлся сородичем того демона, с которым он столкнулся в святилище, но этот монстр был намного, намного сильнее, чем тот дретч. Казалось, что он был создан для одной-единственной цели — беспощадно потрошить своих жертв.

Выйдя из тоннеля, демон раскинул когтистые лапы и взвился в воздух.

Одним прыжком преодолев расстояние в десять шагов, он приземлился в центре пещеры и тут же прыгнул снова, двигаясь так быстро, что Демаскус едва мог уследить за ним.

Он взмахнул мечом, держа его острием вниз. На клинке вспыхнули полупрозрачные руны, и время замедлило свой стремительный бег. Воспользовавшись этим, Демаскус поспешно бросился в сторону.

Чудовище пролетело над ним. Когда монстр осознал, что его когти кромсают лишь пустоту, рёв его сменился удивлённым визгом. Время вновь обрело свой нормальный ход, и он врезался в заросшую грибами стену. Не медля ни секунды, демон вскочил на ноги.

Послышалось шуршание подошв о камень, и в воздухе промелькнули два арбалетных болта. Один из них отрикошетил от алого кристалла, не причинив твари никакого вреда, но второй вонзился в подмышку. Потрошитель взвыл — больше от ярости, чем от боли.

— Демаскус! — выкрикнул Чант. — Берегись...

Демон опять устремился к Демаскусу. Рука, которую поразил болт Чанта, бессильно обмякла, но на его скорость это никак не повлияло.

Демаскус попытался повторить свой предыдущий трюк, но тварь, наученная горьким опытом, вместо того, чтобы наброситься на него и попытаться повалить, взмахнула когтистыми лапами.

Блокировав мечом направленный в живот удар, Демаскус прикрыл лицо свободной рукой, надеясь на защиту брони. Его предплечье пронзила боль, а на глазах выступили слёзы. Под весом навалившегося на него монстра он начал скользить назад.

Внезапно нога его натолкнулась на тело гоблина, и он пошатнулся. Какая ирония, — подумал Демаскус, вновь обретая равновесие. — Я умру, даже не успев вернуть самую важную вещь из своих воспоминаний.

— Чего ты хочешь? — в ярости заорал он в лицо твари. — Почему ты стремишься меня убить?

Остановившись, демон прорычал:

— Ты вызвал недовольство последователя Стихийного Ока. Твоя кожа принадлежит ему.

Что за?..

— Да я знать ничего не знаю о вашем Стихийном Оке! — вскричал Демаскус. — Чуш

какая-то! Я просто хочу понять, кто я такой!

Внезапно за спиной демона возникла Рилтана. Она вонзила кинжал ему в бок, с безошибочно точностью отыскав самое уязвимое место, и тут же отступила. Демаскус был уверен, что, получи он сам такое ранение, то рухнул бы на землю, не в силах подняться снова. Но тварь, хоть и вскрикнула от боли, не обратила на воровку никакого внимания. Она снова устремила взгляд на Демаскуса.

— Я исполню свой долг, и твоё сердце будет моим, — прорычал монстр. Очевидно, он не успокоится, пока не разорвёт его на части.

Что-то коснулось его ноги, и Демаскус подпрыгнул.

Шарф частично размотался с шеи гоблина. Один его конец поднялся в воздух, словно кобра. На трепещущей полосе ткани появились слова.

Возьми меня.

Тварь снова бросилась вперёд. Словно со стороны Демаскус смотрел, как его рука хватает шарф.

Его конец развернулся в воздухе, подобно флагу на сильном ветру, и устремился к атакующему чудовищу. Демаскус подумал, что полоса ткани попытается обвиться вокруг шеи демона, но вместо этого она захлестнула его локоть. Не удержавшись на ногах, потрошитель растянулся возле ног Демаскуса.

Не теряя времени, он взмахнул клинком. Удар, который должен был расколоть череп чудовища, пропал втуне — его противник успел вскинуть руку, и лезвие вонзилось в ладонь. С нечеловеческой силой тварь взвилась в воздух и обрушилась на Демаскуса.

Он упал, и его голова со стуком ударилась о каменный пол. Вес монстра прижимал его к земле. Демон вцепился в него двумя руками — в третьей по-прежнему торчал клинок. Вырвав его из лапы чудовища, Демаскус свободной рукой прикрыл горло, защищая его от когтей.

— Ну, я взял, — прохрипел он, обращаясь к Вуали. Но белая полоса ткани, казалось, истощила все свои силы. Просто великолепно.

Судя по всему, демон решил оправдать то название, которое дал ему Демаскус — он попытался вспороть ему живот. Учитывая, что его тело защищал плащ и кожаная броня, а рук у монстра сильно поубавилось, у него не получилось сделать это сразу. Но Демаскус лежал на спине и не мог полноценно пользоваться одной рукой. Он знал, что у него есть лишь пара мгновений до того, как монстр расправится с бронёй и доберётся до нежной кожи.

Проревев бессловесный вызов в лицо своего противника, он выпустил рукоять меча, от которого в данной ситуации всё равно не было особого проку, и, обеими руками схватившись за шарф, попытался захлестнуть им шею демона.

Внезапно полоса ткани снова пробудилась к жизни.

Но монстр уже знал, что за опасность ему грозит. Он отшатнулся назад, подальше от извивающейся Вуали.

В демона вонзились три арбалетных болта, два в спину и один в щёку. В воздухе мелькнул кинжал, попавший ему в глотку.

Задохнувшись, монстр рефлекторно щёлкнул челюстями и попытался вырвать шарф из рук Демаскуса. Из раны в горле хлынул поток студенистой жидкости, растекаясь у его ног.

Они принялись перетягивать шарф друг на друга.

— Отпусти, демон! — заорал Демаскус и рванул шарф на себя.

Монстр сделал то же самое, рывком вздёргнув Демаскуса на ноги. Не успев задуматься над тем, что он делает, он рефлекторно впечатал колено в живот твари, а затем изо всех сил дёрнул за шарф. Если бы демон выпустил его, Демаскус бы оказался в весьма невыгодном положении, но тот, продолжая крепко сжимать свой конец, запнулся об его поднятую ногу и отлетел в сторону на десять шагов.

Он тяжело рухнул на пол. Послышался хруст костей, эхом отразившийся от каменных стен.

На этот раз демон уже не поднялся.

Наклонившись, Демаскус упёр руки в колени и попытался отдышаться. Он осмотрелся, задержавшись взглядом на теле чудовища. Чант держал заряженный арбалет наготове. Рилтана стояла, слегка припав к земле, готовая или вступить в бой, или сбежать. В руке её поблескивал обнажённый кинжал, лицо кривила злая гримаса.

— Думаю, он мёртв, — сказала она.

Кивнув, Демаскус выпрямился.

— Ты сошёл с этой тварью в рукопашную и выжил, — произнёс Чант, медленно опуская арбалет. — Очень впечатляюще.

— Шутишь, что ли? — воскликнул Демаскус. — Мои кишки чуть не оказались снаружи. А в твоём магазине вряд ли найдётся что-то, чем их можно заменить.

Ростовщик хихикнул.

— И что, во имя Адов, это за тварь?

— Она похожа на того монстра, который атаковал меня в святилище. Но этот был намного больше и сильнее.

— Значит, демон, — протянул Чант.

— Кажется, да, — из-за провалов в памяти он не мог в точности определить его вид, но алые кристаллы, растущие из его тела, выглядели чем-то чужеродным. Если попытаться задержать на них взгляд, глаза начинали болеть...

— Он преследовал нас, — произнёс Чант. — Просто чудесно.

Тело твари начало оплывать, теряя форму и цвет. Бурлящая масса принялась таять, пока от демона не осталось и следа. Прошло несколько секунд, и исходящие от неё пары окончательно развеялись.

— По крайней мере, не надо думать о том, как избавиться от трупа, — хмыкнул ростовщик.

Крепче сжав рукоять кинжала, Рилтана произнесла:

— Итак, что тут вообще происходит?

Ничего не ответив, Демаскус отпустил один конец шарфа. Теперь, когда чудовище было повержено, он снова вёл себя, как обычный кусок ткани. Демонстративно встряхнув его, он вскинул бровь и посмотрел на воровку.

— А, да, — произнесла она. — Твой шарф. Полагаю, ты хотел вернуть его, — ей хватило совести изобразить смущение. — Но как вы меня нашли? И зачем спасли мне жизнь? И что это вообще за тварь?

— Мы понятия не имеем, кто это и почему он нас преследовал, — произнёс Чант. — Но

мы пришли сюда, потому что хотели...

— Почему ты украла мой шарф? — прервал его Демаскус.

На миг Рилтана устремила взгляд на выход из пещеры, а затем снова повернулась к ним. Судя по всему, напряжение её покинуло.

— Потому что кое-кто обещал мне заплатить за то, что я его достану, — со вздохом произнесла она. — Но вместо этого он попытался меня убить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Учитывая, насколько грязными и уставшими они были, Чант предложил встретиться возле его магазина через час, а по дороге заглянуть в баню. Демаскус заплатил за них из стремительно тающего запаса монет, которые он собрал в святилище.

Помывшись и постирав вещи, они ощутили себя отдохнувшими и душой, и телом. Рилтана исполнила своё обещание и пришла. Демаскус не знал, какое из охвативших его чувств было сильнее — облегчение или разочарование. Что ей мешало бесследно раствориться в большом городе, оставив их гадать о личности своего нанимателя?

Демаскус в сотый раз проверил шарф. Тот был туго обёрнут вокруг его левой руки, самостоятельно обвившись вокруг неё, словно воинская повязка. Скоро, — подумал он, — ты откроешь мне все свои секреты. Но готов ли я их узнать?

Передав монету одному из слоняющихся без дела юнцов, Чант велел ему принести из Фонаря горшочек с рагу и пару ломтей хлеба. Открыв дверь, ростовщик пригласил их войти внутрь. Рилтана огляделась. При виде множества вещей, некоторые из которых не представляли собой никакой ценности, а другие же являлись настоящими фамильными сокровищами, на лице её возникла полуулыбка.

Принеся стул, табуретку и сундук, Чант расставил их вокруг прилавка. Затем из набора серебряной посуды он достал три тарелки и ложки.

— Мы можем поговорить и после еды, — произнёс он.

Вскоре посыльный вернулся, и они приступили к трапезе.

— Надо было попросить того мальчика прихватить кувшин с элем, — пробормотал ростовщик. Демаскус, который был слишком занят пережёвыванием пищи, ограничился согласным кивком. Эль мог бы слегка успокоить его расшатанные нервы.

Послышалось кошачье мяуканье, и он подпрыгнул. С видом непоколебимой уверенности в себе Сказка вспрыгнула на прилавок, задрав хвост вверх. Не поднимая взгляда от еды, Чант шикнул на неё. Сказка снова мяукнула, на сей раз укоризненно, но всё же вернулась в свой ящик и уставилась на них с надменностью, достойной настоящего сфинкса.

Рилтана первой отодвинула свою тарелку. Дождавшись, пока все остальные закончат с едой, она произнесла:

— Приношу свои извинения за то, что взяла твой платок. И... спасибо, что вовремя появились там и оказали мне первую помощь. Почему вы это сделали? Обычно те, кого ограбили, не склонны церемониться с обокравшими их ворами.

Демаскус вытер рот и руки принесённой Чантом льняной салфеткой. Кивнув, он заговорил:

— Мы искали тебя с того момента, как ты его украла.

— Он обладает разумом?

— Что ты имеешь в виду? — Чант подался вперёд.

— Он напитан таким количеством магии, что обрёл нечто вроде самосознания? — спросила Рилтана. — Он зовёт себя Вуалью Гнева и Знания.

— Вслух? — спросил Демаскус. Его горло перехватило. Вот оно, — подумал он. — Скоро я вновь обрету все свои воспоминания...

— Нет, слова появились на ткани.

Сняв шарф с руки, Демаскус положил его на прилавок. Все рефлекторно отодвинулись назад на стульях, словно опасаясь, что тот может в любой момент наброситься на них, словно атакующая змея.

Это имя, Вуаль Гнева и Знания... оно было ему знакомо. Но подробности по-прежнему отказывались проясняться.

Со вздохом Демаскус спросил:

— Ладно. Кто же нанял тебя для того, чтобы его украсть?

— Некто по имени Калкан, — ответила Рилтана. — Мне так и не удалось увидеть его лицо. Не уверена, что он является дженази. Дыхание его смердело чем-то вроде... тухлого мяса. Возможно, он полуорк.

— Ты встречала его до того, как он тебя нанял? — спросил Демаскус.

— Нет. Когда дело касается, ах, приобретений, я предпочитаю работать в качестве свободного художника. Меня частенько нанимают, чтобы раздобыть ту или иную вещь.

— Ясно, — Демаскус постарался, чтобы в его голосе не звучало осуждение, хотя она только что открыто призналась, что зарабатывает на жизнь воровством.

Рилтана подалась вперёд.

— Это задание было крайне странным. Обычно мне не заказывают красть кошельки или предметы гардероба, но Калкан заявил, что ему требуется именно это. Он указал, где и когда я могу тебя встретить. Я должна была выхватить у тебя шарф и принести его ему.

— Похоже на целенаправленную провокацию, — отметил Чант.

— И она сработала, — признал Демаскус.

— Вы правы, — Рилтана сморгнула. — Понятия не имею, почему сама не подумала об этом. Словно Калкан хотел, чтобы вы меня выследили...

— Что мы в итоге и сделали, — произнёс Чант. — К счастью для тебя.

Рилтана подняла палец.

— А знаете, что самое необычное? Калкан нашёл меня вовсе не за пару дней назад. С тех пор прошло уже четыре *года*.

— И? — спросил Чант.

— Подумайте об этом. Калкану было точно известно, в какой момент Демаскус выйдет из твоего магазина, имея при себе шарф.

— О... о, — ростовщик выпрямился. — Вот это точность. В особенности учитывая то, что сам Демаскус понятия не имел, что два дня назад окажется здесь.

По спине Демаскуса пробежал холодок. Настолько детально предсказать будущее на такой долгий срок просто невозможно.

— Это было не предсказание, — произнёс он. — Это было предвидение.

— И в чём разница?

Уверенность омыла его, словно порыв зимнего ветра.

— Любой способен предсказать то, что произойдёт через пару минут, час, а то и десять дней. Магия и божественное вмешательство могут сузить круг потенциальных

возможностей. Но видеть отдалённое будущее в таких деталях — это задача, которая не под силу даже богам. Любой, кто обладает такой способностью, невероятно, непредставимо опасен.

— Калкан знал, — произнесла Рилтана, сузив глаза. — Но, может, никакое это не чудо. Может, вы с ним заранее сговорились, чтобы втянуть *меня* в ваши безумные планы! — откинувшись на стуле, она скрестила руки и сердито уставилась на них.

Чант вскинул бровь.

— Понятия не имею, кто такой этот Калкан, — произнёс Демаскус.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

Вздыхнув, он решил рассказать ей всё начистоту.

— На самом деле я понятия не имею даже о том, кто я такой. Когда я очнулся пару дней назад, в моей памяти сохранилось лишь несколько разрозненных обрывков воспоминаний. Один из них касался... этого шарфа.

— Это всё? — спросила воровка. В её голосе по-прежнему звучало недоверие.

— Нет, есть ещё кое-что, — Демаскус поведал ей о том, как ему довелось оказаться почётным гостем на ритуале призыва демонов, который проводил кабал Огненного Шторма, и выжить, как он нашёл дорогу в Эйрспур и как они с Чантом попытались больше узнать о его прошлом, отправившись в Материнский Дом. Когда он добрался до противостояния с Чевешем, она присвистнула и пробормотала:

— Вломиться в башню огненного мага? Да вы *оба*, должно быть, из психушки сбежали!

Продолжив, Демаскус описал, как после возвращения из башни они обнаружили Материнский Дом в руинах.

— Хорошо, — наконец произнесла Рилтана и вскинула руки, словно сдаваясь. — Всё это звучит слишком безумно для того, чтобы оказаться чем-то, кроме правды.

— Почему это? — спросил Демаскус.

— Ложь должна быть простой, чтобы ты сам в ней не запутался, — пояснил Чант.

— Именно, — подтвердила Рилтана. — Но как вы нашли меня?

Вспомнив, что Карменере просила не упоминать своего имени, Демаскус посмотрел на ростовщика.

— Мы отыскали записку в твоём жилище, — произнёс Чант.

Демаскус опустил взгляд, чувствуя себя неловко из-за того, что приходится лгать. Но они дали слово.

— Там кто-то был? — спросила Рилтана. — На чердаке?

— Нет, никого.

Нахмурившись, воровка встряхнула головой.

— Ну, ещё раз благодарю вас за спасение, пусть вы и притащили на хвосте того демона.

Подойдя к Рилтане, Сказка принялась тереться об её ноги. Опустив взгляд, воровка подняла кошку.

— Осторожней! — предупредил Чант. — Ей нравится, когда её гладят только по голове. Она немного с характером.

Свернувшись на коленях воровки, кошка замурчала. Рилтана провела рукой по её голове и спинке. Ростовщик покачал головой.

— Не позволяй ей ввести себя в заблуждение своим притворством.

— Не волнуйся. Я знаю кошек. У меня жила одна, когда я была маленькой.

— Расскажи нам об этом Калкане, — произнёс Демаскус. — Он пытался взять Вуаль, не

заплатив?

Воровка подняла взгляд.

— Да... нет, он даже не пробовал отобрать у меня шарф. Сказал, что ему он ни к чему. Ему требовалось, чтобы ты лишился его именно в это время и в этом месте. А затем он обрушил на меня воды Акана.

— Рискованно, — произнёс Чант. — Однако не вижу в этом никакого смысла.

— Вряд ли он рассчитывал, что я выживу, — сказала Рилтана. — Когда он узнал, что всё прошло по плану, то сказал, что ему нужно лишь моё «вечное молчание». Или нечто в таком роде.

— Но ты здесь, — произнёс Чант.

— Да, я здесь, злая, как пчелиный улей, который сбросили с дерева. Я не собираюсь спускать это ему с рук. Калкан обзавёлся врагом.

— Как же ты выжила при потопе? — спросил Чант.

— Это всё шарф. Хорошо, что он был при мне... — замолчав, Рилтана выдавила из себя раскаивающуюся улыбку. — Он вывел меня из подземелий.

— Как? — Демаскус провёл пальцем по ткани.

— Он сиял, как фонарь, — произнесла Рилтана. — После того, как поток воды смыл меня в нижние тоннели, он указал мне путь вверх. Он назвал себя Вуалью Гнева и Знания. Заявил, что ему известно всё, что когда-либо было написано, и он подтверждает имена тех, кого судьба обрекает на смерть.

Демаскус перевёл взгляд обратно на полосу ткани. Некогда он уже слышал что-то подобное — однако любое усилие вспомнить подробности походило на попытку поймать искры, летящие из костра на сильном ветру.

— Шарф согласился помочь мне, только если я верну его Мечу, — добавила Рилтана.

— Какому мечу? — спросил Чант.

— Не мечу, а Мечу, — поправила его воровка. — Наверное, речь о некоем могущественном оружии.

— Всё чудесней и чудесней, — произнёс Чант. — Демаскус, тебе это о чём-то говорит?

Демаскус неопределённо кивнул. Меч... Значение этого имени вертелось на кончике его языка. Мог ли этот «Меч» являться тем самым клинком, который он видел в обрывочных воспоминаниях? Вполне вероятно. Оружие явно обладало невероятной мощью.

Демаскус почесал подбородок. Его взгляд скользнул по стропилам ведущей на чердак лестницы. Они напомнили ему массивные параллельные балки, которые он некогда видел в сияющем храме света...

Внезапно его захлестнуло новое воспоминание. Под огромным сводом небольшими группами стояло множество существ. Все они отличались невероятной красотой и статью.

Среди них находился и он сам, одетый в отделанный золотом сияющий наряд из белого шёлка. Двуручный меч висел у него за спиной, Вуаль была обёрнута вокруг его эфеса. В его заплетенных в косички волосах болтались амулеты, а кольцо на большом пальце тихонько напевало про себя.

Человек, стоящий позади Демаскуса, хлопнул его по плечу. В глазах этого мужчины среднего роста мерцала доброта, а по плечам струились длинные распущенные волосы песочного цвета. На нём было одеяние священника, и он улыбался, однако в улыбке чувствовалась нервозность.

— Ты готов? — спросил он.

Демаскус кивнул.

— Да, Тарсис. Пора побеседовать с аватаром.

— Ты выглядишь удивительно спокойным для того, кто оказался в подобном месте и с подобной целью, — отметил священник.

— Мне уже доводилось делать это раньше.

Тарсис потёр лоб. Ему, очевидно, нет.

Они дошли до дальнего конца зала. На находящемся возле стены стуле сидел мужчина, обладающий ничем не примечательной внешностью. На нём был серебряный нагрудник, а на поясе висел золотой чехол для свитков.

Он перебирал струны лиры, наигрывая красивую мелодию. Аккорды на миг повисали в воздухе, похожие на ожившее золото. Казалось, что звуки не тают, а, будучи рождёнными, переносятся в реальный мир.

Тарсис опустил на колени. Демаскус ограничился почтительным поклоном.

Отставив инструмент в сторону, мужчина поднялся на ноги.

— Приветствую тебя, Демаскус, — произнёс он. — Полагаю, глас Судьбы нельзя игнорировать даже такому, как я.

— Я иду туда, куда она ведёт меня, Переплётчик, — произнёс Демаскус.

Мужчина улыбнулся, и в храме стало светлей.

— Конечно, — сказал он. — Было бы глупо с моей стороны становиться поперёк её дороги. Кому, как не мне, этого не знать.

— Вы — Переплётчик Всех Знаний, — произнёс Демаскус. — Уверен, вы понимаете такие вещи гораздо лучше меня.

Мужчина вздохнул.

— Да. Хотя порой я предпочитаю притворяться, что это не так. Но давай перейдём к делу, хорошо? Конечно, потом я бы хотел больше узнать о том, откуда ты прибыл. Не каждую эпоху предо мной во плоти предстаёт тот, кто способен расширить мои познания.

— Боюсь, я не имею права говорить о том, что предшествовало данному моменту; прошу прощения. Всё, что мне нужно — это имя и символ, — протянув руку, он снял Вуаль с эфеса меча.

— Андрил Яннатар, — произнёс мужчина. — Ты сможешь отыскать его наиболее опасного сторонника в государстве под названием Аканул.

Появившиеся на Вуали алые линии сложились в произнесённое аватаром имя, а затем исчезли.

Демаскусу ещё ни разу не доводилось видеть, чтобы Вуаль не подтверждала данные богами приказы, но он полагал, что когда-нибудь это может произойти. Вуаль оглашала волю Судьбы — по крайней мере, он предполагал, что это так и есть. Нечто вытасило его из его мира и отправило на Торил. Вуали об этом было известно заранее. Какая сила, кроме самого рока, способна пронзать параллельные континуумы?

Встряхнув головой, Демаскус провозгласил:

— Договор заключён. Андрил Яннатар отмечен. Я отыщу его и разберусь с ним и его сторонниками.

— Мне не под силу добраться до Андрила напрямую, ведь он уверен в том, что поступает праведно, — произнёс его собеседник. — Но он оказался во власти заблуждений, и это может полностью расколоть мою церковь.

— Потому я здесь, — делаю грязную работу для богов, — хотелось добавить

Демаскусу. — Чтобы их руки оставались чистыми.

Мужчина протянул ему небольшой металлический амулет в форме пустого свитка.

— С этим, — произнёс он, — ты можешь в час нужды воззвать к частице силы Огмы.

Демаскус вплёл его в волосы, присоединив к остальным.

— Я знаю, — произнёс он. — Плата принята.

Они с Тарсисом отошли от мужчины, который снова опустился на стул и принялся наигрывать на лире.

— Неплохо прошло, — жрец ухмыльнулся Демаскусу.

Тот вернул ему улыбку.

Воспоминание развеялось, и он обнаружил, что его взгляд по-прежнему устремлён на стропила в тёмном ломбарде Чанта. Его дыхание перехватило, и он отшатнулся от прилавка.

— С тобой всё хорошо? — ростовщик поднялся на ноги.

Демаскус покачал головой. Мужчина по имени Тарсис, который привёл его к аватару божества...

Он был тем, кого он задушил.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Чант принёс Демаскусу стакан с водой. Сделав плоток, татуированный мужчина благодарно кивнул.

— Что случилось? — спросил ростовщик. — Подавился морковкой? — он кинул взгляд на остатки рагу. Сказка, которая по-прежнему нежилась на коленях Рилтаны, заинтересованно дёрнула ухом. Возможно, она решила, что их отдадут ей. Чант надеялся, что дело вовсе не в кошачьем волоске, который...

— Я кое-что вспомнил, — сказал Демаскус. Поставив стакан на прилавок, он снова поднял ленту ткани и произнёс, обращаясь к ней. — Рилтана говорит, что ты являешься Вуалью Гнева и Знания.

Чанту показалось, что эта сцена выглядит довольно нелепо, но голос Демаскуса был абсолютно серьёзен.

— Я помню тебя, но лишь обрывками, — продолжил он. — Так же, как помню своё прошлое — это словно попытка глядеться в разбитое зеркало, большая часть осколков которого отсутствует. Почему моя память отказывается проясняться? Кто я? Неужели я... исполняющий волю богов убийца?

Рилтана и Чант одновременно вскрикнули от удивления. Демаскус не обратил на них ни малейшего внимания; его взгляд был по-прежнему прикован к полосе ткани цвета пергамента. Исполняющий волю богов убийца? — задался вопросом Чант. — О чём, во имя Короля Монет, говорит его гость?

— Отвечай! Моё имя — Демаскус, и, если ты связана со мной, помоги мне!

Вуаль в его руках дёрнулась, внезапно ожив. Демаскус отпустил её, и она развернулась на прилавке, изогнувшись, словно змея, чтобы не задеть горшок с остатками тушёного мяса. На её поверхности возникли слова:

Ты был привязан к миру, чтобы вести бесконечную войну против тьмы. Раз от раза ты перерождаешься для того, чтобы облечься в плоть; смерть не имеет над тобой вечной власти. После каждого следующего воплощения ты теряешь воспоминания о прошлых, за исключением отрывочных фрагментов. Ты — последнее из воплощений.

Сообщение растаяло, словно растворившись в молоке.

— Милостивые боги, — прошептал Демаскус.

Он слегка покачнулся, словно мог вот-вот упасть, и Чант положил руку ему на плечо.

Ему бы и самому такая поддержка не помешала! Эти слова означают...

— Ты уже умирал? — спросил ростовщик.

— Судя по всему, не один раз, — произнесла Рилтана. — Как ещё можно это трактовать? Нечто вроде благословения перерождения... или проклятья? — она испытующе уставилась на Демаскуса, словно ожидая его реакции.

Тот вытер лоб рукавом плаща.

— Нет, это какое-то безумие, — произнёс он. — Я не... я не знаю, может ли это оказаться правдой. Но...

На полосе ткани появились новые слова:

Существуют и другие, подобные тебе — ангелы, которые пожертвовали своей божественной сущью в обмен на смертную плоть. Однако со временем ты стал владеть несколькими вещами, которые находят тебя после каждого нового воплощения. Они являются чем-то вроде якорей, которые помогают тебе не забыть, кто ты и какова твоя цель. Я, Вуаль Гнева и Знания, одна из них. Ты же, как и прежде, зовёшься Демаскусом.

— Видишь? — произнесла Рилтана. — Вуаль Гнева и Знания; так шарф звал себя и в прошлый раз.

С колен воровки Сказка с восторгом взидала на сменяющие друг друга слова. Подобравшись, она приготовилась к прыжку.

— Прекрати! — отпустив плечо Демаскуса, Чант схватил кошку. Сказка задёргалась, сопротивляясь, и поэтому он поспешно опустил её на пол. Вот чокнутая, — подумал он.

Отсутствующим взглядом Демаскус проводил возвращающуюся в свой угол кошку. Чант мог понять его чувства. То, о чём вещал этот шарф, было просто абсурдно.

С другой стороны... это объясняло, почему воспоминания Демаскуса были столь разрозненными, а его деяния — масштабными. Кто он, получается? Падший дух? Ангел, который обречён возрождаться снова и снова?

— Для чего все эти... жизни? — спросил Демаскус.

На ткани начали появляться новые слова. На этот раз они были намного тусклей и размытей.

Берегись, Демаскус. Чтобы выманить твою немезиду, твоё последнее воплощение почти перешло черту и едва не впало в грех. Попытайся найти своё кольцо; в нём хранится часть того, что ты получил, принеся в жертву столь многое. Если не получится, отыщи меч.

— Мою немезиду? — громко воскликнул Демаскус удивлённым голосом. — Кто это? Почему бы тебе просто не сказать мне, что я должен знать?

На ткани возник едва различимый текст:

Меня не было при тебе, когда ты погиб в последний раз; меч был. Перед смертью ты расстался со мной, чтобы я напомнила твоему новому воплощению о том, кем ты являешься, хотя обычно ты используешь иной способ. Со своим мечом ты, возможно, сумеешь отыскать и кольцо, и тогда всё будет в порядке. На этом всё. Я — глас Судьбы; у меня есть ограничения. И они уже были превышены.

— Просто скажи мне, где я могу отыскать этот меч! — воскликнул Демаскус.

Но Вуаль потускнела и опала, словно сброшенная змеиная кожа.

Демаскус обрушил кулак на прилавок. Горшочек и тарелки подпрыгнули.

О нет, — подумал Чант. — Надеюсь, наш друг не собирается здесь и сейчас впасть в воинственное безумие?

— Вы оба это видели? — требовательно спросил Демаскус. Он схватил шарф, держа его в вытянутой руке, словно не хотел к нему прикоснуться.

Чант кивнул.

— Я — да, и это... невероятно. Хотя мне доводилось слышать истории о существах, которые обменяли свою божественность на возможность спускаться в этот мир.

— Да, их называют падшими ангелами, — Рилтана с опаской уставилась на Демаскуса.

— Нет, — произнёс Чант. Неужели она специально пытается спровоцировать Демаскуса? — Это ангелы, которые *добровольно* жертвуют своей сутью.

— Их называют дэвами, — произнёс Демаскус. Вся злость из его голоса пропала. — Я только что осознал это. Вот кто я такой.

Напряжённость исчезла из его взгляда. Судя по всему, тяжесть, лежащая у него на душе, стала заметно легче.

— Я — дэв. Я уже жил раньше и могу вспомнить обрывки этих жизней. Но только обрывки...

Чант уставился на него, гадая, не последует ли за этим признанием некое физическое проявление божественной силы вроде развернувшихся у него за спиной крыльев или короны огня над головой. Или...

— Кто это — дэв? — спросил он.

Устремив взгляд на Чанта, Демаскус начал говорить, но оборвал себя, словно был не в силах выразить словами те образы, которые предстают перед его внутренним взором. Рилтана испытующе посмотрела на ростовщика. Тот в ответ слегка качнул головой. Он понятия не имел, к чему всё это может привести.

Прочистив горло, Демаскус заговорил снова.

— Дэв — это тот, кто отказался от своей ангельской сути, чтобы стать смертным и возродиться вновь и вновь. Но я не ощущаю себя «падшим ангелом». Или, если уж на то пошло, вообще ангелом. Я не помню, чтобы у меня было иное тело или иная жизнь. По сути, я чувствую себя обычным человеком, не имеющим никакого божественного наследия, и уж точно не тем агентом богов, которым, как утверждает Вуаль, я являюсь... хотя пара отрывочных воспоминаний свидетельствуют о том, что... — в голосе Демаскуса снова зазвучала неуверенность.

— В чём дело? — спросил Чант.

Демаскус всплеснул руками.

— Я только что узнал, что обладаю совершенно безумным прошлым, а также меня преследует некая «немезида». Скорее всего, преследует до сих пор. Если у моего бывшего «я» и имелся план, чтобы ввести в курс дела меня *нынешнего*, этот план, очевидно, не сработал. И, помимо всего прочего, я до сих пор понятия не имею, почему кабалиты пытались принести меня в жертву демонам!

— Если ты ничего не помнишь о том, что происходило до момента твоего появления в святилище, — произнёс Чант, — может, они тут вообще не при чём. Может, именно там ты и... возродился... когда всё уже закончилось.

Демаскус замер. Встряхнув головой, он произнёс:

— Но я же бывал в Эйрспуре. Я помню дженази. Я посещал твой магазин.

— Да, четыре *года* назад! И шарф утверждает, что у тебя имелся некий хитроумный план. Потому ты и оставил его мне. Видимо, в тот день ты и... погиб.

Демаскус уставился на свои руки. Чант обратил внимание, что на его ладонях не было ни мозолей, ни шрамов — очень нехарактерно для воина. Но, если этот воин облёкся в новую плоть всего пару дней назад...

Чант содрогнулся.

— Пылающие владения! — выругался Демаскус. — Есть... вероятность, что ты прав. Боги, мне нужно время, чтобы уложить всё это в голове.

— Не хочу давить, но почему ты спросил Вуаль, не являешься ли ты исполняющим волю богов убийцей? — спросила Рилтана.

— Я задал этот вопрос, так как... вспомнил, как говорил с аватаром Огмы.

Это уже слишком.

— С Владыкой Знаний? — спросил Чант. — Ты утверждаешь, что говорил с ним? Он же бог! Такого не может быть.

— С аватаром, не с самим божеством. Не знаю, насколько я могу доверять своей памяти, но уверен — это воспоминание *истинное*. Он хотел, чтобы я... разобрался кое с кем. Он не вдавался в подробности, но у меня сложилось впечатление, что в средствах я могу не стесняться. Эта не первая работа такого рода, которую я получал от, эм, божественных представителей, — Демаскус пробежался пальцами по длинным волосам. Когда он обнаружил, что в них ничего нет, на его лице возникло смирение.

— Чтоб меня крысы в спину пырнули, — выругалась воровка. — Получается, ты являешься кем-то вроде карающего ангела?

— Полагаю, так оно и есть. Или *было*. Я вовсе не уверен, что хочу вновь играть эту роль. Некоторые из вещей, которые я вспоминаю, не...

— А другую вероятность ты не рассматривал?

— Какую же?

— Что ты просто сбежал из Дома Исцеления после того, как тебя слишком сильно треснули по башке.

Демаскус распахнул рот, словно собираясь ответить ей какой-то колкостью. Внезапно его губы дрогнули, и он разразился смехом.

Чант присоединился к нему. На лице Рилтаны возникла улыбка. Напряжение, охватившее их всех после череды этих невероятных откровений, слегка спало. Чант подумал, что воровка намного более проникательна, чем он решил вначале.

Наконец Демаскус произнёс:

— Доказательства предполагают нечто куда менее прозаическое, хотя я уже начинаю

жалеть об этом.

Рилтана кивнула.

— Да, вряд ли ты окажешься обычным психом, страдающим безумными галлюцинациями. В том лабиринте Вуаль спасла мне жизнь. Обычная зачарованная цацка ей и в подмётки не годится. Такие вещи на каждом углу не встретишь, — взгляд её внезапно заблестевших глаз устремился к полосе ткани.

Учитывая её прошлый опыт, ростовщик был почти уверен, что искры в её глазах объясняются исключительно профессиональным азартом. Для того, чтобы попытаться украсть её снова, она должна быть полной душой, а ему она таковой не показалась.

— Кем бы я ни был раньше, нынче я им не являюсь, — произнёс Демаскус.

— Но, вероятно, можешь стать снова, — сказал Чант. — Если отыщешь свой меч. Или это, или... просто бросишь всё и начнёшь заново. Избавься от Вуали, покинь Эйрспур и никогда не оглядывайся.

— Но в этом случае я так и не узнаю, кем я был! — протестующе воскликнул Демаскус.

Рилтана подалась вперёд.

— И не выяснишь, что Вуаль имела в виду под «впадением во грех». Итак, что ты решил?

Демаскус потёр лоб, словно пытаясь справиться с начинающейся головной болью.

— В первом из вернувшихся ко мне воспоминаний, — произнёс он, — я душил Вуалью священника. Кажется, его звали Тарсис. Жреца Огмы.

Рилтана охнула.

— Этот Тарсис был тем, чьей смерти требовал аватар? — спросил Чант.

— Нет. Тарсис был тем, кто привёл меня к нему. Имя, которое назвал аватар — Андрил Яннатар. Мне оно ни о чём не говорит.

Чант пожал плечами.

— Мне тоже, — произнесла Рилтана.

В магазине вновь воцарилась тишина. Чант не знал, что ещё сказать, поэтому он просто смотрел на... дэва.

Внезапно Демаскус вскочил на ноги.

— Мне нужно идти.

— Куда? — спросил ростовщик.

— Подальше отсюда, пока я не смогу выяснить, что происходит на самом деле. Такое чувство, что моя голова вот-вот взорвётся. Я не имею права втягивать вас в свои проблемы.

— Я уже втянула себя в них, украв твой шарф, идиот! — воскликнула Рилтана. — А затем Калкан попытался меня убить. *Никому* из тех, кто осмелился перейти мне дорогу, не сойдёт это с рук. В том мире, в котором я живу, нельзя позволять другим вытирать о себя ноги. И, готова поспорить, он и есть твоя загадочная немезида! Не отказывайся от той помощи, которую я с радостью готова предоставить тебе — и, заметь, абсолютно бесплатно.

— А что касается меня, — произнёс Чант, — то на кону стоит чересчур многое. Информация представляет собой слишком большую ценность, чтобы я вышел из дела, — с другой стороны, — добавил он про себя, — я очень надеюсь, что твой неведомый враг не решит сравнять шансы, избавившись от твоих новообретённых помощников. За моей шкурой и без того охотится слишком много народу.

Фыркнув, Рилтана добавила:

— Не говоря уже о той репутации, которую ты зарабатываешь, находясь в компании с

божественным убийцей.

Нахмурившись, Чант уставился на неё.

— Ты о чём?

— Знаю я круги, в которых ты вращаешься, Морвен. По сравнению с делами людей, с которыми ты обычно общаешься, моё мелкое воровство — всего лишь детская игра.

Ростовщик почувствовал, что лицо его вспыхнуло жаром, но возражать не стал. Посмотрев на Демаскуса, он произнёс:

— Итак, судя по всему, у тебя появилось два союзника. С нашей помощью окажется намного быстрее и проще разобраться в твоём прошлом — если, конечно, ты и в самом деле этого хочешь.

Демаскус глубоко вздохнул. Наконец он произнёс:

— Ты прав. Спасибо.

— Хорошо, тогда сядь обратно, — велела Рилтана. — Потому что мне очень интересно, кем была та четырёхрукая тварь, которая напала на нас в пещере.

Демаскус покачал головой.

— Понятия не имею.

Чанту очень не хотелось рассказывать Демаскусу и Рилтане о своих проблемах; в конце-концов, разве это их дело? Но он по опыту знал, что хранить такие тайны от друзей порой бывает очень чревато.

— Послушайте, — произнёс он. — У меня и самого найдётся парочка-другая врагов. Одного из них можно смело назвать *моей* немезидой.

— И кто бы мог подумать, — фыркнула Рилтана. Судя по её тону, она была ни капли не удивлена.

— Но по большей части это просто уличные бандиты. Не думаю, что тот демон появился там, потому что охотился за мной. Следует признать, что его наиболее вероятной целью являлся именно Демаскус.

— Монстр в Сепульчере — это более сильный родич того демона, который атаковал меня после пробуждения в святилище, — произнёс Демаскус. — Во время боя он тоже прохрипел что-то насчёт Старейшего Стихийного Ока. Следовательно, в это замешан кабал.

Кивнув, Рилтана пробормотала:

— Мне по-прежнему сложно поверить в то, что Материнский Дом был разрушен.

— Видел собственными глазами, — произнёс ростовщик. — В любом случае, если кабал связан с культом Старейшего Стихийного Ока, ничего удивительного в этом нет. Заигрывать с подобными силами? Такое даже последнему психу в голову не придёт.

— И на данный момент, — произнесла Рилтана, — твоя Вуаль, судя по всему, полностью истощила свои способности к общению. У нас просто не осталось зацепок. Если, конечно, сюда не заявится ещё один демон, чтобы нас прикончить.

Внезапно Чанту в голову пришла одна мысль, и он нахмурился. Тогда, когда они оказались поблизости от штаб-квартиры кабала...

— В чём дело? — спросил Демаскус.

— Помнишь чёрный экипаж, который стоял перед Материнским Домом? Когда мы подошли, он как раз готовился к отъезду.

Демаскус кивнул.

— Кому-то при дворе известно о делишках кабала. По крайней мере, если верить словам лейтенанта Лехерен, той их части, которая касается появлений демонов.

— Чёрный экипаж? — переспросила Рилтана.

— Да. Отделанный серебром, похожим на лёд.

Воровка глубоко вздохнула.

— Только королева пользуется этой каретой.

— Ты уверена? — Чант устремил на неё вопросительный взгляд. — Я подумал, что это может быть её посыльный или что-то в таком роде.

— Ну... я знаю кое-кого, кто близок к королеве. Аратейн бережёт этот экипаж для личного использования.

Вытаращив глаза, Чант уставился на неё.

— Ты знакома с королевой? Невероятно! Сможешь организовать встречу? — окрылённой мыслью о возможности лично увидеть Аратейн, ростовщик просиял.

— Да не говорила я этого! Но я знаю одного из её родственников.

— И кого же?

На лице Рилтаны возникло неуверенное выражение. Чант подумал, что это чувство было ей непривычно.

— Сейчас не время для тайн, — слегка подбодрил он её. — Если мы хотим докопаться до сути прежде, чем за Демаскусом заявится очередной демон, нужно использовать все имеющиеся в наличии ресурсы, включая полезные знакомства.

— Племянницу королевы, — наконец произнесла Рилтана.

— Ого! — радостно воскликнул ростовщик. — Почти у самой верхушки власти! Если пойдут слухи, что королева порой прибегает к моей помощи...

— Но... она меня ненавидит. Я понятия не имею, согласится ли она хотя бы встретиться со мной, не говоря уже о том, чтобы попытаться организовать визит во дворец.

— И как её зовут?

— Карменере.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Солнце клонилось к закату, и Рилтана приготовилась отправиться на встречу, которую она одновременно предвкушала и боялась. Из-за раздирающих её эмоций её живот скрутило.

Её новые знакомые по-прежнему оставались внутри ломбарда, но должны были вот-вот выйти наружу. Рилтана заставила их отложить визит к Карменере до наступления темноты. Увидев её на пороге своего дома, та ни капли не обрадуется, но, если она появится там в компании двух вооружённых мужчин при свете дня, на виду у всех прохожих, это станет полной катастрофой.

Пускай тучный ростовщик и впал в сильное возбуждение при мысли о возможной встрече с королевой, она настояла на отдыхе. Поняв, что она не собирается поддерживать разговор об их шансах увидеть Аратейн, Чант поднялся наверх, чтобы немного поспать. Демаскус же занялся просмотром старых книг, которые ростовщик показал ему.

Рилтана задумалась над тем, не вернуться ли ей до момента наступления сумерек домой, но отказалась от этой идеи. Выйдя на площадь, она выбрала скамейку неподалёку от ломбарда и уселась, вытянув ноги. Магазин Чанта располагался выше Затенённых Глубин, так что, даже несмотря на то, что в вышине парили и другие острова, часть площади всё равно оказалась освещена лучами послеполуденного солнца.

Некоторое время она посвятила раздумьям о Демаскусе. Рилтана прекрасно знала, что поверхностные суждения могут оказаться ошибочными. Слишком многое в её собственной жизни зависело от умения произвести на окружающих нужное впечатление. Поэтому поверить в то, что Демаскус прожил множество жизней и в своих предыдущих воплощениях чуть ли не на равных общался с богами... ну, для этого потребуется нечто большее, чем его заявления о вернувшихся воспоминаниях и написанные на шарфе слова.

Конечно, из-за того, что Калкан попытался убить её, это дело стало чересчур личным, чтобы просто забыть о нём. Если её вероломный клиент вернётся за Демаскусом, она будет ждать его в тених, готовая вонзить клинок ему в почки.

Потому Рилтана и коротала время, наблюдая за кипящей на площади жизнью. Дженази любили яркие цвета, и она уже привыкла к кричащим нарядам своих соотечественников. Их одеяния цветом и кроем зачастую были предназначены подчеркнуть энергетические линии *зулдар*, имеющиеся на лицах у большинства.

Её внимание обычно привлекали как раз те, кто старался не бросаться в глаза, напоподобие одного малого, который просил милостыню на площади. Судя по мерцающему блеску на немногочисленных видимых участках кожи, которые не скрывались под изношенными обносками, он являлся воздушным. Некоторое время он просидел возле входа на площадь, поставив перед собой широкополую шляпу для сбора подаяний. Судя по всему, его добыча оказалась довольно неплохой.

Наконец солнце скрылось за Аканским водопадом, где сходились два горных склона Эйрспура. Лучи его напоследок ослепительно вспыхнули в струях воды, а затем угасли, уступив место надвигающимся сумеркам.

Рилтана встала. Учитывая, что солнце ушло, сидение на площади потеряло всё своё очарование. Её шея затекла от неподвижности, и она принялась разминать её, медленно вращая головой.

Из магазина вышел Демаскус. Встревоженно нахмурившись, он принялся осматривать площадь. Когда его взгляд упал на неё, она приветственно кивнула.

— Ты хоть немного отдохнула? — спросил он.

Она кивнула снова.

— Хорошо. Мы тоже. Пора встретиться с твоей подругой.

— Ага. Погоди-ка, — обойдя его, Рилтана зашла в магазин.

Ростовщик стоял за прилавком, мелко кромсая большим тесаком вяленое мясо. Вокруг его ног вилась Сказка, мяукая так, будто ничего не ела на протяжении как минимум десяти дней.

Когда Рилтана вошла, Чант поднял на неё взгляд.

— Она не станет есть, если кусочки будут недостаточно маленькими, — слегка смущённо пояснил он.

— Ясно. Вопрос можно?

— Разумеется.

— Какое оружие есть у тебя под рукой? Кроме этого тесака, разумеется. Я потеряла свой короткий меч под Сепульчером. И несколько кинжалов тоже.

Чант перевёл взгляд на Демаскуса, который вслед за ней зашёл внутрь.

— Закончишь?

— Эм, конечно, — забрав у ростовщика нож, татуированный мужчина принялся за работу, пусть это и выходило у него с меньшей скоростью и аккуратностью. Вопли Сказки стали ещё более жалостливыми и пронзительными, когда она осознала, что ожидание слегка затянется. Какая невыразимая жестокость! Рилтана улыбнулась.

Ростовщик подвёл её к витрине, на которой был выставлен боевой топор, арбалет и несколько однотипных длинных мечей с лакированными рукоятями. Она открыла рот, чтобы терпеливо объяснить ему разницу между кинжалом и огромным топором, но Чант уже выдвинул один из нижних ящиков. Там лежало пять коротких мечей.

Промолчав, она принялась их разглядывать. Два из них являлись простыми безделушками, но остальные три её заинтересовали. Для оружия важнее всего то, для каких целей оно создано. Сталь у всех трёх была весьма неплохой, но один из них отличался особо искусной ковкой — с утолщением от основания клинка и до самого кончика. Рилтана с первого взгляда поняла, насколько это искусная работа. Его рукоять была туго обтянута кожей, которая, судя по всему, некогда являлась белой, но от частого употребления потемнела. На клинке возле гарды имелась гравировка в виде снежинки.

— Этот символ что-то значит? — спросила она.

— Тот малый, который заложил его, не упоминал об этом. Он бы не преминул сказать, если бы на меч были наложены некие чары. Конечно, существует немалая вероятность, что клинок краденый и он сам об этом не знал.

Взяв меч в руки, Рилтана сделала несколько пробных взмахов.

— Беру его, — произнесла она.

— Отличный выбор.

Закрыв ящик, ростовщик выдвинул другой, который находился под ним. Послышался звон стали о сталь. Там лежало множество кинжалов, и все они отличались неплохим качеством — острые посланники смерти. Улыбнувшись, она отобрала двенадцать штук.

— И насчёт поддержки — у тебя найдутся исцеляющие зелья? Предпочитаю иметь при себе хотя бы одно.

Кивнув, Чант достал флакон, наполненный голубой жидкостью на высоту большого пальца. Рилтана взяла его в руки и спрятала в подпространство перчаток.

— Источники света? — спросила она.

Ростовщик указал на стеллаж со свечами, фонарями, солнечными жезлами и факелами. Она выбрала солнечный жезл.

— Сколько за всё? — спросила она, рассовывая кинжалы по спрятанным в броне потайным креплениям.

Чант назвал сумму. Она назвала другую. Они принялись торговаться до тех пор, пока Рилтана не убрала меч в висящие на спине ножны. Ухмыльнувшись, ростовщик принял её последнее предложение.

Наконец полностью вооружена, — подумала Рилтана. — Если наши с Калканом дорожки пересекутся, я ему покажу!

Демаскус закончил резать мясо. Ссыпав его в плошку, он нагнулся, чтобы поставить её на пол. Бросившись к еде, Сказка чуть не выбила её у него из рук.

Они вышли из магазина.

Обычно сумерки являлись любимым временем суток Рилтаны. От вида тысяч огней, сияющих на склонах и парящих островах возведённого в горах великолепного города, захватывало дух. Но в её голове продолжали крутиться мысли о последней встрече с Карменере. Она старалась вспоминать об этом как можно реже, что само о себе оказалось непростой задачей. Ей пришлось научиться переключаться на что-нибудь другое, и в итоге у неё даже начало неплохо получаться.

Но не сейчас, когда она вот-вот снова окажется у дверей Карменере. Воспоминания о той ужасной ночи опять обрушились на неё.

Она сидела на своём чердаке, наслаждаясь изысканным вкусом нового вина, привезённого откуда-то с востока побережья моря Упавших Звёзд. Карменере распахнула дверь.

Она всегда легко заводилась. Когда Карменере бывала чем-то расстроена, её лицо розовело, и она принималась размахивать руками, словно птица — крыльями. Рилтане доводилось видеть это достаточно часто, чтобы знать — те резкие слова, что слетают с её языка, она произносит лишь под влиянием эмоций. Её всегда можно было успокоить, спокойно поговорив и принеся искренние извинения.

На этот раз всё было иначе. Кожа её была бледной, а руки безвольно висели вдоль туловища. Тихая и побелевшая, Карменере словно утратила все эмоции. Её лицо выглядело невыразительным, как поверхность скалы.

Вот дерьмо, — подумала Рилтана.

— Как ты могла? — спросила Карменере глухим от усталости голосом.

— Могла что?

Но Рилтана знала, что. Её охватило чувство вины, от которого горло сдавило, словно от глотка скверного вина. Карменере знала. Сглотнув, Рилтана попыталась подобрать верные

слова. Самое главное, чтобы она смогла ей всё объяснить...

— Как ты могла так поступить с нашей дружбой? Я думала, мы были... — Карменере замолкла. Она не стала кричать, не стала выдвигать претензий. Она просто разочарованно опустила голову, и это оказалось хуже всего.

Оправдания были готовы сорваться с языка Рилтаны, но она не могла заставить себя заговорить. Разве от этого будет хоть какой-то прок? Очевидно, Карменере уже стало известно, что картина, изображающая первую королеву Аканула, исчезла из галереи королевского дворца. И она поняла, кто несёт за это ответственность.

Она не ошиблась.

На глазах Рилтаны выступили слёзы. Карменере никогда не сможет её простить. Но она должна была попытаться.

— Я могу объяснить! — воскликнула она звенящим от напряжения голосом. — Я собиралась вернуть её! Я одолжила её лишь ненадолго, чтобы скопировать стиль художника. Мы с моим приятелем Тренетом хотели преподнести тебе сюрприз...

Карменере просто смотрела на неё, и от выражения её лица у Рилтаны внутри всё оборвалось. Наконец она произнесла:

— Ты никогда не испытывала ко мне дружеских чувств. Ты просто играла со мной, и я оказалась достаточно глупа, чтобы поверить в твою игру. Не проходит и десяти дней с тех пор, как я устраиваю тебе экскурсию по дворцу, и ты обязательно оттуда что-то крадёшь. Ты использовала меня всё это время. Ты с самого начала всё спланировала.

— Нет, всё не так! Я даже не знала, кто ты...

— Мне не нужны твои извинения, Рилтана. Я уже наслушалась их раньше. Я считала что ты крадёшь всякие мелочи из-за того, что для тебя это вызов, азарт. Это делает твою жизнь ярче. У меня никогда не было такой подруги, как ты. Но самое главное — мне казалось, что ты питаешь ко мне симпатию из-за того, кто я есть, а не из-за моих родственных связей. Какая же я дура!

Рилтана снова сглотнула, понятия не имея, что сказать. Она прекрасно понимала, как всё это выглядит в глазах Карменере. Любые слова были пустыми. Если бы всё прошло так, как она планировала, то в результате всё обернулось бы иначе...

Но, разумеется, этого не произошло. Вместо того, чтобы провести за пределами дворца всего одну ночь, знаменитое полотно, изображающее первую королеву Аканула, исчезло. Этот ублюдок Тренет сбежал с ним! Две последних ночи она обшаривала все его любимые укрытия — совершенно безрезультатно.

— Карменере, прошу, поверь мне! Я собиралась сразу же вернуть его! Я просто хотела заказать ещё две картины в таком же стиле. Это должно было стать сюрпризом!

— Так где же картина? — безжизненным голосом спросила Карменере.

— Я... у меня её нет. Но я найду и верну её, обещаю!

Выражение лица Карменере не изменилось.

— Я больше никогда не желаю тебя видеть, — произнесла она. — Не пытайся связаться со мной. Если попробуешь это сделать, я сдам тебя королевской страже.

На этом всё было кончено.

Если живёшь достаточно долго, — подумала она, — то отдашь всё, чтобы стереть некоторые воспоминания из памяти. Чувство опустошённости, которое она успешно игнорировала на протяжении последних месяцев, вновь обрушилось на неё. Она положила ладонь на грудь, чтобы приглушить боль.

Внезапно Рилтана споткнулась о бордюр и со злостью отдёрнула руку прочь. Затерявшись в мыслях, она совершенно не обращала внимания на окружающую обстановку.

Ночь выдалась безоблачной и прохладной. Демаскус и Чант по-прежнему следовали за ней. Она решила избрать окружную дорогу, и сейчас они находились на узкой улочке, где не было других прохожих.

Мы уже на полпути от дома Карменере, — подумала она и содрогнулась.

— Ты в порядке? — спросил Демаскус.

Обернувшись, чтобы кивнуть, Рилтана увидела, что в луче света, падающего из высоко расположенного окна, виднеется некая фигура. Это оказался тот самый попрошайка, которого она видела на площади возле ломбарда. Шляпа, которую он использовал для сбора подаяний, красовалась у него на голове, низко опущенные поля скрывали лицо.

— Погодите-ка, — произнесла она, указывая на него.

Чант с Демаскусом обернулись.

— В чём дело? — спросил Демаскус.

Заметив её жест, попрошайка направился к ним.

— Этот малый просил милостыню на площади, — прошептала Рилтана. — А теперь он нас преследует.

Ростовщик застыл.

— Проклятье, — выругался он.

— Знаешь его? — спросил Демаскус.

— Надеюсь, нет, — ответил Чант.

Подойдя ближе, попрошайка снял шляпу и поклонился со столь преувеличенной манерностью, что в этом невозможно было не признать насмешку. Судя по всему, он являлся воздушным, хотя из-за полумрака судить об этом было сложно.

— Приветствую, — произнёс незнакомец хриплым голосом. — Меня зовут Инакин.

— Торговец информацией? — спросил Чант. В его голосе звучала неуверенность.

Подойдя к Чанту и Демаскусу, Рилтана встала рядом с ними.

— Именно, — произнёс новоприбывший. — Хотя на этот раз меня интересует нечто более существенное, чем информация, Чант Морвен.

Ростовщик обнажил кинжал, но не стал поднимать его.

— И что же, склизкий кусок свиных требухов?

Повернувшись, Демаскус уставился на него. Рилтана также не ожидала услышать подобную брань из уст Чанта. Она приготовилась к драке.

Надев шляпу, Инакин улыбнулся.

— Полагаю, ты уже понял, почему я предпочёл заговорить с тобой здесь, вдали от твоего дома и маршрутов патрулей миротворцев, — произнёс он. — Итак, то, что мне нужно, при тебе? Ты снова пропустил платёж — уже в третий раз.

— Проваливай, — произнёс Чант. — Я говорил Ранегеру, что в течение десяти дней всё отдам!

— Да, но... если я заставлю тебя расплатиться до срока, то получу награду.

Демаскус вышел вперёд.

— Слушай, у нас нет времени на эти глупости. Почему бы тебе...

Инакин схватил его за горло. Движение было столь стремительным, что Рилтана не успела его увидеть — в один миг его рука висела спокойно, а в следующий — уже сжимала шею Демаскуса. Тот захрипел.

Выругавшись, Рилтана взвилась в воздух на крыльях ветра и устремилась вниз, целясь ногой в голову Инакина. Но в последний миг тот рванул сопротивляющегося Демаскуса в сторону, подставив его под удар Рилтаны. Она обрушилась на него всей своей массой, и её ботинок с жёстким хрустом врезался в его череп.

Опустившись на землю, Рилтана пошатнулась и чуть не упала, ошарашенная тем, что только что оглушила своего же союзника. Удар оказался *воистину* силён.

Расхохотавшись, Инакин отшвырнул тело потерявшего сознание Демаскуса в сторону и выхватил клинок. Дэв рухнул на землю, словно тряпичная кукла.

Рилтана обнажила свой новый короткий меч и бросила быстрый взгляд на Демаскуса — тот не двигался — и Чанта. Ростовщик оставался на прежнем месте, держа кинжал наизготовку. Он пребывал в нерешительности.

— Помоги мне завалить этого гнойного прыща! — вскричала она.

— Всё не так просто... — начал Чант.

Снова рассмеявшись, Инакин произнёс:

— Не стоит вмешиваться в эту драку, Рилтана. Наш дорогой Морвен тревожится не напрасно. Если ты не хочешь, подобно ему, впутаться в дела, которые находятся вне твоего понимания, то уходи.

Да плевать ей на...

Когда смысл его слов окончательно дошёл до неё, её рот распахнулся.

— Откуда тебе известно моё имя? — спросила она.

— Я знаю многих в Эйрспуре, пусть они и не знают меня. Именно поэтому моя «информация» зачастую оказывается верной. Как я уже сказал, воровка, отступишь, не то твоё имя станет известно всему городу.

Рилтана заколебалась. Роль мелкого посыльного в гильдии Ходящих по Воздуху являлась её прикрытием, крайне важным для её истинной деятельности. А этот Инакин, если это вообще было его настоящим именем, грозит раскрыть его всему миру!

Это вывело её из себя.

— Думаешь, можешь угрозами заставить меня делать всё, что тебе угодно? — рявкнула она. — В таком случае ты меня вообще не знаешь!

Рилтана начала приближаться, держа клинок наизготовку. Она качнула им, чтобы отвлечь его внимание, а второй рукой плавно достала кинжал и метнула его.

Инакин отпрыгнул, и клинок лишь слегка оцарапал его плечо.

— Чант, помоги! — воскликнула она.

Скривившись, ростовщик произнёс раскаивающимся голосом:

— Если мы раним Инакина, за это заплатит тот, кто мне дорог. Не трогай его.

Осознание обрушилось на неё, словно ведро холодной воды. У этого типа или того, на кого он работал, имелся заложник, который был важен для Чанта.

— Вот дерьмо, — выругалась она.

Инакин рассмеялся.

— Теперь, дорогая Рилтана, ты поняла, что к чему. Так что отойди-ка в сторону. У меня есть дело с твоим жирным дружкой.

Стиснув зубы, она задумалась, не пырнуть ли заносчивого ублюдка в живот, наплевав на последствия.

— Чант сказал, что того, что тебе нужно, у него нет. Если хочешь добраться до него, тебе придётся сразиться со мной.

— Рилтана! — воскликнул ростовщик. В его голосе звучала паника.

Инакин ухмыльнулся. В его глазах и на коже вспыхнули электрические искры, струясь по линиям *зулдар*. Он вовсе не являлся воздушным, как пытался изобразить; наследием этого ублюдка была буря!

— Не волнуйся, Чант, — произнёс он. — Прежде чем мы перейдём к нашим делам, я вовсе не прочь избавиться от этого мусора. Не вмешивайся, и Джаул не пострадает. Но насчёт девки — тут я ничего обещать не могу...

Девки! Она решила, что Инакин должен умереть.

Он вскинул руку, и с неё сорвался разряд молнии — быстрый, словно мысль. Все её нервные окончания вспыхнули болью, и, не сдержав крик, Рилтана рухнула на мостовую — к счастью, позади дождевой бочки. Дерево, из которой она была сделана, пахло застойной водой.

Её одежда дымилась, и она перестала чувствовать правую сторону тела. Меч по-прежнему оставался у неё в ладони, но лишь потому, что она не могла заставить себя разжать пальцы. Рука больше не слушалась её.

Рилтана пожалела о своих дерзких словах. Очевидно, Инакин являлся куда более опытным игроком, чем она решила вначале. Карменере всегда говорила, что её нрав её погубит.

— Где же ты прячешься, маленькая пташка? — пропел Инакин. Выдохнув, она здоровой рукой стиснула рукоять кинжала и затаилась.

Инакин подошёл к ней — как она и надеялась, слишком близко. Подобные самоуверенные типы всегда ведут себя одинаково. Она и сама только что совершила подобную ошибку.

Он открыл рот, готовясь выдать очередную речь — скорее всего, о том, как легко ему удалось с ней справиться. Рилтана рывком перевернулась на спину и, поджав колени к груди, резко выпрямила ноги, ударив торговца информацией под подбородок. Захрипев, он шатающейся походкой отступил на несколько шагов. Воспользовавшись этим, она поспешно вскочила на ноги и метнула кинжал.

К сожалению, из-за боли ей не удалось хорошенько прицелиться, и вместо того, чтобы вонзиться в горло, клинок лишь оцарапал его ребра. Инакин вскинул руку, готовясь выпустить второй разряд.

За его спиной во тьме возникло какое-то движение.

В проулке находился кто-то ещё. Тень? Нет. Человек, окутанный тенью. В руках у него был клинок, по которому бегали бледные огоньки. Его глаза и нос представляли собой чёрные бездонные провалы, а лицо искажала гримаса, способная испугать даже демона.

Состоящий из теней незнакомец сделал шаг и, растворившись во тьме, переместился на десяток шагов вперёд, возникнув за спиной ничего не подозревающего Инакина.

Этот человек... это был *Демаскус*! В тот миг, когда она осознала это, укрывающая его тень развеялась, и он захлестнул Вуалью шею Инакина. Глаза торговца информацией изумлённо расширились. Самодовольное выражение исчезло с его лица.

— Я сказал, что у нас нет на тебя времени, — прошипел Демаскус ему на ухо.

— Не убивай его! — воскликнул Чант.

Дэв не услышал его — или же предпочёл не услышать. Его руки, словно стальные пружины, продолжали неумолимо стягивать концы шарфа.

— Демаскус! — отчаянно закричал Чант. — Остановись!

Эти слова наконец смогли достучаться до разума Демаскуса. На лице его возникло озадаченное выражение — он словно очнулся ото сна. Он отпустил один конец шарфа, и Инакин, задыхаясь, рухнул на землю. Его глаза бешено вращались.

Внезапно Рилтану пронзила обжигающая боль. По её правому боку змеился уродливый обугленный, сочащийся кровью ожог. Вот дерьмо. Этот ублюдок умудрился серьёзно ранить её!

Она захромала к Инакину, намереваясь хорошенько отпинать его по рёбрам.

Поспешно преградив ей дорогу, Чант вскинул руки.

— Нет, прошу!

— Если ты, ублюдский чирей, ещё раз попадёшься мне на глаза, — прорычала она, обращаясь к Инакину, — то я уже не стану никого слушать. Я с тебя кожу живьём сдеру — или просто позволю своему другу завершить начатое.

Заставив себя подняться на ноги, Инакин захромал прочь. По крайней мере, ему хватило ума не ляпнуть перед уходом что-нибудь провокационное.

Сузив глаза, Рилтана уставилась на Демаскуса. Дэв принялся тереть лоб, словно пытаюсь справиться с головной болью.

— Итак... Что, во имя Адов, это было? — спросила она. — Ты утверждаешь, что не можешь ничего вспомнить, но я только что своими глазами видела, как ты справился с этим ублюдком с такой же лёгкостью, как элитный миротворец с простым грабителем!

— Я... это казалось столь естественным. Я просто позволил своему телу делать то, что следует. Потрясающе! Мои навыки, мои умения были просто великолепны! Но теперь... теперь они снова исчезли.

— И к лучшему, — пробормотал Чант. — Мне не очень-то понравилось то, что я увидел. Демаскус побледнел.

Рилтана фыркнула. Что за секреты скрывает прошлое дэва? Очевидно, тайну куда более загадочную, чем Калкан — самого Демаскуса. Одна хорошая новость за другой, — подумала она.

Трясущимся пальцем Рилтана указала на ростовщика.

— Итак, почему этот информатор охотился за тобой?

— Это не имеет к вам никакого отношения.

— Да неужели? — произнесла она дрожащим от злости голосом. — Я чуть в жаркое не превратилась!

Ростовщик устремил взгляд вниз по улице.

— Я должен типу по имени Ранегер огромную сумму денег, — произнёс он. — У меня есть план, как рассчитаться с долгами, но в его интересах, чтобы я всю жизнь оставался у него на крючке.

— Ранегер? — Рилтана покачала головой. Ей было знакомо это имя. Этого ублюдка ты точно не захочешь числить у себя во врагах. — И чем же он тебя шантажирует?

— У него мой сын.

Рилтана вздохнула. Примерно так она и думала. Конечно, то, что они знали и о ней, слегка беспокоило, но она полагала, что в некоторых кругах — в которые, очевидно, входили и говноеды вроде Инакина — имя воровки Рилтаны не могло не обладать определённой репутацией.

— Я правда не хотел вовлекать вас в это, — произнёс Чант.

Судя по всему, Демаскус окончательно пришёл в себя. Хлопнув ростовщика по плечу, он

произнёс:

— Ты рисковал жизнью, чтобы помочь мне. Я рад ответить тем же.

— Спасибо.

Рилтана задумалась над тем, не сказать ли нечто подобное, но решила, что Чант и так всё прекрасно поймёт.

— Давайте-ка убираться отсюда, — произнёс ростовщик. — Такие, как Инакин, редко ходят без прикрытия. Из-за своей самоуверенности он решил, что сможет справиться с нами в одиночку, но, скорее всего, сейчас он уже собирает своих головорезов.

— Верно, — Рилтана поморщилась — рана снова дала о себе знать. — Карменере живёт недалеко.

Они продолжили путь. Через несколько шагов боль стала настолько сильна, что Демаскусу пришлось подхватить её под руку, чтобы она не упала.

— Может, выпьешь исцеляющее зелье? — встревоженным голосом спросил Чант.

Рилтана отрицательно покачала головой.

— Для того, чтобы вылечить этот ожог, одного зелья будет маловато.

Демаскус бросил на неё озабоченный взгляд.

— Тогда что?

— Идём дальше, — произнесла Рилтана. — Карменере поможет.

Когда они наконец прибыли на место, её кожа пылала огнём, а дыхание стало тяжёлым. Через узкий проулок вошли во внутренний дворик, где находилась дверь, которой она раньше нередко пользовалась.

Возле неё стояли два цветочных горшка. В одном из них рос жасмин, а во втором — шалфей, и запах этих цветов на миг заставил её забыть о терзающей её боли. Сколько раз они с Карменере выходили сюда, чтобы насладиться прохладным ночным воздухом и полюбоваться на звёзды? На звёзды и луну, которую так любила Карменере...

Чант постучал в дверь.

— Дайте ей время, — прошептала Рилтана. Демаскус помог ей сесть на стоящий неподалёку деревянный стул.

Наконец дверь со скрипом приоткрылась, и внутренний дворик осветил луч падающего из неё света. На пороге стояла женщина. Она носила одеяния серебряной звезды — жрицы Селуне.

— Кто здесь? — спросила она, не сходя с места.

— Твоя подруга Рилтана, — произнёс Чант. — И она ранена.

Дверь распахнулась, и Карменере выбежала наружу.

— Рилта! — воскликнула она, встревоженно нахмутив брови. От одного её вида боль стала слабей — пусть и ненамного.

— Приветик. Мне... мне жаль, что пришлось тебя побеспокоить. Но это важно. Видишь ли...

Бросившись вперёд, Карменере заключила её в объятия. Удивлённая, Рилтана попыталась ответить ей тем же, но внезапно её пронзила очередная вспышка боли, и она вскрикнула.

— В чём дело? — спросила Карменере.

— Это моя вина, — произнёс ростовщик. — Один из преследующих меня кредиторов устроил на нас засаду и, боюсь, твоя подруга при этом пострадала.

— Ублюдок штормовой ударил по мне молнией, — слабым голосом подтвердила

Рилтана.

Карменере положила руку ей на лоб. Ладонь серебряной звезды была прохладной, и её прикосновение остудило её разгорячённую кожу.

— Селуне, даруй ей мир, — прошептала жрица. От её руки хлынул поток лунного света, омыв Рилтану серебристым сиянием. Это было похоже на глоток воды после целого дня работы под палящим солнцем. Через несколько мгновений боль стала слабеть, пока не исчезла практически полностью.

Рилтана стиснула руку Карменере, молча благодаря её.

— Я так рада, что вы отыскиали её, — произнесла Карменере, обращаясь к Демаскусу и Чанту.

Дэв медленно кивнул, словно замороженный столь явным проявлением божественной силы.

— У нас не оставалось иного выбора, — произнёс он. — У неё было то, что мне нужно.

Рилтана задумалась над словами Карменере. Что значит — отыскиали её? Откуда ей вообще стало известно, что она пропала?

— Эм, — произнесла она. — Вы о чём?

— Я нашла твою записку на чердаке, Рилтана, — сказала Карменере.

— Ты нашла её? Но Демаскус и Чант говорили...

Жрица встряхнула головой.

— До меня дошли слухи, что некто разыскивает воздушную воровку в чёрном облегающем костюме и маске. Я сразу же поняла, что речь о тебе. Я подумала, что это может иметь какое-то отношение к... к картине. Я боялась, что ты влипла в серьёзные неприятности, и поэтому решила заглянуть к тебе домой. Ты не открывала. Войдя, я увидела записку и поняла, что ты ещё не вернулась...

— Этими «некто» были мы, — вставил Чант. — Карменере отыскала нас и отдала нам записку.

— Я рассказала им о том, что ты пропала, — продолжила жрица. — И... попросила не упоминать моего имени.

— Ох. Но почему?

Карменере устремила на неё долгий взгляд тёмных глаз.

Это само по себе было достаточным ответом. То, что Карменере беспокоится за меня, — подумала Рилтана, — вовсе не значит, что она меня простила.

Возможно, стоит сказать что-нибудь, но что именно? Всё, что приходило ей в голову, могло лишь усугубить ситуацию. Извинения, оправдания и заверения в том, что она непременно найдёт пропажу, только напомнят Карменере о том, что стало причиной их размолвки.

— Ох, Рилта, как же я рада тебя видеть, — наконец произнесла Карменере. — Хорошо, что ты не пострадала.

Было так приятно услышать своё имя из её уст! Никто, кроме Карменере, не звал её Рилтой. Её глаза зачесались от нахлынувших чувств. Как же ей хотелось сказать своей подруге о том, насколько ей жаль, какой шок она испытала, осознав, что произошло, что она этого не хотела ... Но подобные речи и в первый раз не произвели на неё ни малейшего впечатления.

Чант прочистил горло.

— Извини за то, что беспокоим тебя в столь поздний час, — произнёс он. — Но нам

нужно поговорить с тобой.

— О чём же? — серебряная звезда с подозрением уставилась на ростовщика.

— Я понимаю, что ты нас не знаешь, и, скорее всего, наша просьба покажется тебе слишком наглой, но это чрезвычайно важно...

Рилтана положила руку на предплечье Чанта.

— Позволь мне, — она взглянула Карменере в лицо. — В кабале Огненного Шторма творится что-то неладное, и мой друг об этом кое-что знает. Нам нужно встретиться с твоей тётей — королевой Аратейн.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Ропот обвёл взглядом небольшое помещение. Руки его сосуда были прикованы к стене одной из тюремных камер, которые он, пользуясь высоким положением владельца тела, во время его сна приказал построить под Материнским Домом.

Демон задумался. Очевидно, прислужник слишком буквально воспринял его распоряжение проследить за тем, чтобы своенравный хозяин его тела не удалился от нужного места слишком далеко. И куда же он запропастился, этот слуга? Ропот уже пробудился — почему он не спешит освободить его?

Неважно; цепи и решётки ему не помеха.

К стенам камеры были прикованы ещё трое смертных. Ропот изогнул губы своей оболочки, обнажив клыки. Ближайший из них, покрытый синяками мужчина с клочковатой бородой, побледнел; очевидно, попытка изобразить улыбку демону не удалась.

Воспользовавшись своей силой, он проник в его голову.

Сознание смертных представляло собой бесформенный водоворот эмоций, кружащийся над их подсознанием. Так называемые «разумные» исключения не являлись; в глубинах их мозга таилось намного больше, чем они могли себе представить. Придав своей воле форму серебряного крюка, Ропот погрузился в этот рудиментарный поток и извлёк оттуда корчащийся кошмар. Из глаз, носа и распахнутого в вопле рта мужчины хлынуло прозрачное протовещество.

Наполовину сформированная тварь начала стремительно обретать материальность. Под психическим руководством Ропота её конечности, каждая из которых представляла собой совершенный инструмент убийства, становились всё ярче, объёмней и плотней. Последней проявилась голова. Рта у твари не было — на его месте находилась россыпь мигающих кристаллических глаз, которыми наделил её вырванный из разума человека кошмар.

— Освободи меня из этих цепей, — велел Ропот.

Склонив голову в знак повиновения, тварь подняла деформированную клешню и перекусила железные цепи, удерживающие тело сосуда демона.

Ропот указал на дверь. Опустив плечо, кошмар бросился вперёд. Железную створку сорвало с петель.

На негнущихся ногах демон вышел из темницы. Кошмар лежал на земле, тяжело дыша. Судя по всему, при попытке вырваться наружу он не рассчитал свои силы. Не лучшее его творение.

Порождённые ужасами подсознания монстры всегда откликались на его зов. У них не было выбора — только волей Ропота, который извлекал их из глубин ночных кошмаров, они могли облечься в полуматериальную плоть. В этом и состояло его искусство.

— Нарекаю тебя Разрушителем Порталов, — произнёс демон, обращаясь к своему

творению. Одно его присутствие держало в узде природную ярость монстра. — Посвящаю тебя силе, что превыше нас обоих. Если не захочешь принести клятву, я тебя уничтожу. Если поклянёшься названным мною именем, то обязуешься беспрекословно подчиняться мне, иначе тебя ждёт куда более худшая участь, нежели обращение в ничто.

Монстр моргнул многочисленными глазами. Приняв это за знак согласия, Ропот произнёс:

— Здесь и сейчас ты навеки посвящаешь себя тому, кто сильнее меня настолько же, насколько гора выше булыжника. Отныне ты служишь Старейшему Стихийному Оку, которое неустанно наблюдает за теми, кто поклялся Ему в верности. Решишь нарушить эту клятву — и наш господин сразу же об этом узнает.

Кошмар снова заморгал. Коснувшись его своей силой, Ропот увидел, что его слова произвели нужный эффект. Новорождённый демон был от природы не склонен подчиняться кому-либо и больше всего на свете хотел разорвать любые сковывавшие его узы. Но он едва успел облечься в плоть и в присутствии того, кто помог ему появиться на свет, оказался чрезвычайно уязвим для манипуляций. В определённых обстоятельствах ожидания и вера могли оказаться сильнее любых магических оков.

Ропоту всегда претило взывать к силе Старейшего Стихийного Ока. Но в этом новом мире, где он воплотился, его возможности были ограничены. Тогда он представлял собой лишь тень того, чем он и его собратья изначально являлись.

Первым его сосудом в этом континууме стало тело истинного последователя Старейшего Стихийного Ока. Этот глупец и его соратники-культисты долго готовились к тому, чтобы призвать силу своего господина. Однако участь их оказалась иной — они стали сосудами для Нуалина, Ропота, Бича и остальных, кто смог вырваться из их родного древнего измерения...

Но, прежде чем они успели приступить к своей истинной цели — обрушить на вселенную пылающий ад разрушения, наплевав на волю скованного и лишённого силы божества — разразилась катастрофа.

Они проиграли.

Ропот лишился почти всех своих собратьев. Он видел, как пал Бич, и следующим должен был пасть он сам, окончательно растворившись в небытии...

Долгое время он в нём и пребывал — пока разведчики кабала Огненного Шторма не отыскали почерневшую и обгоревшую часть его тела и не доставили её в Материнский Дом.

Ропот сморгнул. Засохшая корочка треснула, царапая веки, словно гравий. Он осознал, что, затерявшись в мыслях, слишком долго не смыкал глаза своего сосуда, и те успели пересохнуть. Зрение плыло.

Вот досада! Он осторожно протёр глаза, стараясь не выдавить хрупкие шары из орбит. Пусть его контроль над телом и становился всё лучше и лучше, но сила сосуда также возрастала. Теперь ему приходилось постоянно следить за тем, чтобы не навредить самому себе. Но, в общем и целом, это был хороший знак.

Слияние неизбежно. Всего несколько периодов бессознательности, в течение которых разум его носителя будет бодрствовать, и... Ропот наконец станет цельным, а хозяин тела навеки сгинет в кошмарах.

И тогда его могущество возрастёт ещё больше. Как нельзя вовремя. В этом новом мире, разделённый со своими братьями, Ропот утратил часть своих способностей. Вначале ему с трудом удавалось призывать к себе даже тени тревоги.

Но инстинкты хищника позволили ему мало-помалу наращивать силу.

С помощью чутья он отыскивал места, где до сих пор чувствовались отголоски древней магии. И, что ещё лучше, те, где духовная энергия ещё продолжала бурлить, а ткань реальности истончилась, меняя правила бытия. Ропот обнаружил, что именно там его мощь многократно возрастает, позволяя ему призывать в материальный мир тварей, которые были практически так же сильны, как и те, которых он воплощал, находясь на пике своего могущества. Было, конечно, несколько несчастных случаев, после которых в живых не оставалось никого, кроме него...

Всё для того, чтобы в итоге на него обрушилось осознание — это бесполезно. Невыносимое чувство даже для такого, как он. Несмотря на его медленный прогресс, факт оставался фактом — пока он будет один, то никогда не сможет достичь тех вершин, к которым стремится. В одиночку у него практически не было шансов воплотить в реальность мечты, которые он некогда разделял со своими братьями.

И тогда Ропот вновь обратился к Старейшему Стихийному Оку. Тот культист, который призвал его в этот мир, верил в него столь истово, что вместе со своими соратниками без колебаний отдал себя Ропоту и прочим чумным демонам.

В такой самоотдаче и поклонении имелись свои преимущества.

Тогда Ропот и возродил культ Старейшего Стихийного Ока на Ториле. В обмен на силу и поклонение он обещал ему помочь освободиться и обрушить свою мощь на Фаэрун. Поэтому он и посвящал каждого из своих смертных слуг и воплощённых кошмаров Старейшему Стихийному Оку. Невероятно могущественный лидер культа, тот, чьими устами вещает само божество.

От этого его сила заметно возросла...

Ропот брёл по коридорам, находящимся под разрушенным Материнским Домом. Наконец он оказался в огромной пещере, имеющей форму неровного круга. Внутри её стен находилось множество клеток.

Из-за ржавых железных решёток доносились тихие всхлипывания, истовые молитвы, отчаянные проклятья и взрывы безумного смеха. Все эти звуки практически перекрывало непрекращающееся гудение и пощёлкивание.

Клетки были расположены так, чтобы из каждой открывался вид на находящуюся в центре пещеры яму. Оттуда и доносился этот мерный голодный гул.

Эта яма являлась вторым шансом Ропота.

Прохромав к краю бурлящего кратера, демон вспомнил, как примерно в то же время, когда он начал свой проект с культом, он ощутил слабое шевеление далеко к югу от Эйрспура. Знакомое чувство — словно дар от самого Старейшего Стихийного Ока за поклонение этому запретному божеству!

Оно могло означать лишь одно. Кто-то из его братьев находится здесь. Ропот послал своих кошмаров собрать части его тела.

В этой яме находилось то, что за несколько месяцев удалось отыскать его стае. В ней кишели муравьи, пауки, тараканы всех расцветок, блохи, моли — кого там только не было! Многие насекомые отличались неестественно большим размером — некоторые моли имели крылья шириной в две ладони, а их хоботки могли развернуться на несколько футов. Раздутые брюшки порхающих светлячков источали холодное сияние, столь яркое, что Ропоту пришлось прищуриться.

— Приветствую, Бич, — произнёс демон, обращаясь к яме. — Ты меня слышишь?

Насекомые продолжали переползать с места на место, не обращая на него ни малейшего внимания. В конце-концов, они являлись всего лишь безмозглыми жуками. Но все вместе они составляли ядро собрата Ропота.

На то, чтобы собрать их здесь, ушли месяцы тщательных поисков. Эта задача была далека от завершения — многие из кошмаров Ропота и поклявшихся ему в верности членов кабала по-прежнему находились далеко на юге от Эйрспура, обшаривая земли Аканула в поисках колоний, содержащих в себе частицы нематериальной сущности Бича.

— Терпение, брат мой, — произнёс Ропот. — Когда ты поглотить достаточно, то вновь пробудишься, как это произошло со мной. Ты голоден? — повернувшись, Ропот указал на одну из клеток.

— Нет! — раздался из-за решётки хриплый вопль.

Припавший к ногам Ропота кошмар всё понял правильно. Танцующей походкой Разрушитель Порталов направился к клетке, обходя неровности пола.

— *Открой её, а не ломай!* — приказал Ропот. Слишком поздно — дверь уже слетела с петель, а обитатели клетки принялись отчаянно вопить. Казалось, что их лёгкие вот-вот разорвутся. Демон задумался, не стоит ли ему развоплотить своего слугу и попробовать создать нового...

Войдя внутрь, Разрушитель Порталов навис над женщиной с коротко остриженными светлыми волосами и разбил удерживающие её цепи.

Она рванулась наружу, но его прислужник перехватил её с такой лёгкостью, словно она была двухлетним ребёнком.

Ропот указал на яму. Женщина сопротивлялась столь яростно, что ей почти удалось вырваться из объятий кошмара. Почти.

Подойдя к краю ямы, Разрушитель Порталов поднял её в воздух. Её вопли стали ещё отчаянней, и в ушах позаимствованного Ропотом тела зазвенело.

— Бросай её туда!

Разрушитель Порталов отпустил женщину, и она упала в гущу панцирей, хитиновых конечностей и мандибул. Насекомые тут же покрыли её сплошным ковром, словно вторая кожа. Её крики, эхом отражающиеся от стен ямы и разносящиеся по пещере, становились всё глуше и глуше.

Остальные пленники также завопили, охваченные ужасом. Они знали, что со временем их ожидает та же участь, пусть и понятия не имели об его истинных целях. Впрочем, их понимание и не требовалось. Главное, что с каждой скормленной яме жизнью Бич становился всё сильнее и сильнее. Придёт время, когда он наконец насытится и вновь обретёт целостность рассудка.

И тогда один из братьев Ропота вернётся, и они смогут начать всё заново в этом континууме.

Демон рассмеялся, представив великолепное будущее, которое они создадут вместе. Будущее, полное разрушений, пламени и воплей!

Будущее, в котором Старейшее Стихийное Око будет лишь бессильно наблюдать за тем, как они поглотят Торил изнутри.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Демаскуса разбудили бледные лучи утреннего солнца, пробивающиеся сквозь закрытые ставни. Он лежал в комнате для гостей, которую предоставила ему Карменере прошлой ночью. От мягких одеял исходил слабый аромат гардений. Это напомнило ему о некоем чувстве... о чём-то далёком, связанным с высоким кристалльным шпилем, пахнущем цветами рассветом и флотом...

Он понятия не имел, что это может значить. Всё, что он ощущал, вдыхая этот запах и предаваясь раздумьям — это пустоту в груди.

Наверное, ему уже следует привыкнуть к подобному. Однако на миг он почувствовал себя калекой, который отчаянно стремился к излечению. Что, если ему никогда не удастся вернуть свои воспоминания? Неужели его прошлое так и останется лишь отдельными вспышками и наполовину забытыми снами, полными сосущего ощущения потери?

Но после того, что произошло с Инакином...

Когда тот прикрылся его телом, словно щитом, Демаскус на какое-то время потерял сознание. Следующее, что он помнил — как он стоит позади Инакина, стягивая шарф вокруг шеи дженази. Его нервы трепетали, а кожу покалывало. Его переполняло ощущение силы и... ликование. Он упивался происходящим...

А затем он снова стал самим собой. В ушах его звучали мольбы Чанта. Все радостные эмоции схлынули, и его охватил мучительный стыд.

Демаскус уже задумывался над тем, что ему может не понравится то, кем он был раньше. Теперь же он начал опасаться, что дела обстоят ещё хуже. Он знал, что являлся убийцей, но полагал, что прибегал к своим умениям лишь ради высшей цели, повинаясь воле божественных созданий.

Но что, если он искренне наслаждался своей работой?

Его охватила дурнота.

Тяжело поднявшись на ноги, Демаскус направился к глиняному умывальнику, над которым висело зеркало в бронзовой оправе. Он плеснул в лицо водой. В отражении перед ним снова возник Инакин и он сам, затягивающий Вуаль вокруг его беззащитной шеи.

Нет. Думай о чём-то другом, — приказал он себе. — О чём угодно!

Верно... после того, как они постучались в заднюю дверь принадлежащего Карменере дома, она оказала двоим незнакомцам радушный приём. И Рилтане тоже, несмотря на то, что она, очевидно, чем-то сильно обидела серебряную звезду. Демаскусу хватило такта не спрашивать о подробностях. Но, учитывая его первую встречу с воровкой, кое-какие догадки у него имелись.

Он отыскал полотенце и мыло. Судя по всему, Рилтане повезло, что Карменере не вышвырнула её отсюда за ухо.

Последовательница Селуне и слышать не захотела о том, чтобы они отправились обратно через весь город, учитывая, что «Рилта» едва успела восстановиться после ранения. Кто знает, какие ещё типы могут встретиться им на улицах?

Его это вполне устраивало. К тому моменту, когда они закончили объяснять ей, почему, по их мнению, в кабале Огненного Шторма скрывается некий культ, ночь уже полностью вступила в свои права. Чем больше подробностей они рассказывали, тем сильнее становилось беспокойство, отражающееся на лице Карменере.

Но, каковы бы ни были её мотивы, их доводы, судя по всему, оказались достаточно убедительны, чтобы она согласилась оказать им помощь. Когда Карменере сказала, что утром отошлёт весточку тёте, удивлённой выглядела даже Рилтана, хотя она сама и предложила отправиться к ней.

Демаскус вытер руки и лицо полотенцем, узоры на котором напомнили ему о слоистых подземных отложениях. Он надел броню и плащ и, взяв в руки бледную полосу ткани, спросил:

— Тебе есть что добавить?

Шарф не шелохнулся.

Он завязал его узлом на эфесе, оставив концы свободно болтаться в воздухе, и, покинув спальню, зашагал по извилистому коридору.

В конце него обнаружилась комната, залитая лучами солнца. Чант, Карменере и Рилтана сидели за небольшим столом. Демаскус рефлекторно отметил расположение всех окон и дверей, а также положение собравшихся относительно друг друга...

Сморгнув, он сосредоточился на ростовщике. В этой со вкусом обставленной комнате тучный Чант казался чужим, но, судя по всему, его это ни капли не смущало. Взгляд его был неотрывно прикован к стоящим на столе блюдам.

После стычки с торговцем информацией он ещё долго выглядел расстроенным, но, похоже, запах пирогов смыл все его тревоги. Разбросанные вокруг его тарелки крошки свидетельствовали о том, что отсутствием аппетита он точно не страдал.

— Съешь что-нибудь, — предложила Карменере, указывая на блюдо с фруктами и сыром и груды дымящихся плоских пирогов.

Схватив бледный продолговатый фрукт, Демаскус вгрызся в него. Тот оказался на удивление сладким и твёрдым. Он расправился с ним за пару мгновений, оставив только черенок.

Улыбнувшись, Чант передал ему кусок сыра.

— Попробуй. У серебряной звезды отменный вкус!

Карменере кивнула, принимая комплимент Чанта.

Демаскус попробовал сыр. Тот оказался мягким и слегка пикантным — лучший из всех сыров, которые ему доводилось есть на своей памяти. Не то, чтобы это многое значило.

— Благодарю за то, что приютила и накормила нас, — произнёс он.

— Не за что, — ответила жрица. — Если любите копчёное мясо, у меня оно тоже есть. Я не стала выставлять его на стол, так как Рилтана не ест мясо.

— Ты не ешь... мясо? — спросил Чант голосом, в котором звучало такое недоверие, будто Карменере только что поведала им, что солнце завтра рухнет на Фаэрун.

— Не ем, — подтвердила Рилтана.

— Это что-то нездоровое. Ты что, больна? Оно же такое *вкусное*!

Рилтана вздохнула.

— Не люблю обсуждать свои привычки, но, раз уж ты спросил... Я не ем плоть зверей, потому что они являются живыми существами, как ты или я. Им, как и нам, знакома скорбь, радость и чувство потери. Мне это кажется чем-то вроде каннибализма, и я предпочитаю избегать такую пищу.

Чант взмахнул головой.

— Но мир так устроен! Волк ест кролика, мы едим волка.

— Ох, во имя любви Каршимиса, у нас есть выбор, а у волка нет. И то не всегда. Мне довелось слышать слишком много историй о говорящих магических животных, чтобы я чувствовала себя комфортно, вгрызаясь в сэндвич с говядиной. Откуда мне знать, что эта плоть не принадлежит минотавру?

Ростовщик открыл было рот, но закрыл снова.

— Копчёная рыба может оказаться русалкой или морским эльфом, — продолжила Рилтана. — Не хочу сожрать ребёнка морских эльфов, который случайно попался в рыбацкие сети, понимаешь?

Некоторое время Чант молча разглядывал воровку, а затем покачал головой.

Демаскус взял ещё один кусок сыра. Не прекращая жевать, он наблюдал за Карменере и Рилтаной. Воровка по-прежнему оставалась напряжена, но, судя по всему, опасения, терзавшие её прошлой ночью, развеялись. Ему показалось, что все противоречия между ней и жрицей были улажены.

— Итак, — произнёс Чант, наконец отставив тарелку, — мы готовы выступить в путь?

Набрав полную грудь воздуха, Карменере выдохнула.

— Да. Я организовала встречу, и за нами вышлют экипаж с дипломатическим флагом. Прибыв во дворец со всей помпой, мы избежим множества бюрократических проволочек.

Сунув в рот кусок хлеба, ростовщик кивнул и неразборчиво пробормотал:

— Ещё раз спасибо за помощь.

— Я — серебряная звезда Селуне. Неужели я могла не откликнуться? — ответила Карменере, перекатывая в ладони лиловую сливу.

— Она делает всё, что в её силах, чтобы помогать людям, — с улыбкой произнесла Рилтана. — Всегда.

— Даже если эти люди отвечают на мою дружбу... — Карменере устремила взгляд на стол. Её лицо помрачнело.

Улыбка Рилтаны застыла, и она обмякла, словно восковая свеча, которую забыли на окне.

Демаскус кашлянул. Грош цена его выводам. В комнате воцарилось неловкое напряжённое молчание.

Нет, так не пойдёт. Нарушив тишину, он заговорил:

— Карменере, расскажи о своей связи с Селуне. Насколько вы близки? Она говорит с тобой?

Медленно подняв голову, Карменере кивнула. Напряжённая гримаса исчезла с её лица.

— Это было бы просто чудесно, но такой милости я ещё не удостоилась. Как и все серебряные звёзды, я иду туда, куда меня ведёт лунный свет. Множество историй повествуют о том, что боги и смертные способны общаться напрямую, но я сомневаюсь, что это происходит часто. У богов и так хватает забот — как в этом мире, так и в прочих.

Демаскус ограничился кивком, хотя не мог не вспомнить свою встречу с аватаром Огмы и небольшой амулет, который он принял у него из рук.

Но ни этого украшения в виде свитка, ни всех прочих, которые являлись ему в видениях, при нём больше не было. Всё, что у него оставалось — лишь обрывочные осколки воспоминаний да заявления загадочного куска ткани, который, судя по всему, лучше всего подходил для того, чтобы душисть кого-то.

— Если твоя богиня никогда не говорит с тобой, как ты можешь быть уверена в том, что исполняешь её волю? — спросил он.

— Разве может быть иначе? — откликнулась Карменере. — Когда я прошу Селуне о помощи, её сила наполняет меня. На свои молитвы я получаю ответ. Если я чем-то вызову её неудовольствие, то наверняка лишусь способности исцелять и благословлять.

Ты сильно удивишься, — подумал он, снова обратившись к воспоминаниям о том, как аватар просил его разобраться с Андрилом Яннатаром. Тот сказал ему: «Мне не под силу добраться до Андрила напрямую, ведь он уверен в том, что поступает праведно». Кем бы ни являлся этот Андрил, он, очевидно, был искренне убеждён, что исполняет волю Огмы, и поэтому не утратил свои способности, используя их во славу Переплётчика.

Перед главным входом послышался перезвон колокольчиков.

— Карета прибыла, — произнесла Карменере. — Пора отправляться на встречу с королевой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Снаружи экипаж был отделан золотом, а внутри его освещали магические огни. На плюшевых сиденьях лежали жёлто-зелёные подушки, а потолок и стены оказались обиты красным фетром. Сзади находилось оконце, но Демаскус отметил, что оно было слишком узким, чтобы в него можно было попасть стрелой так, чтобы наверняка убить одного из сидящих в карете. В дверях окна были шире, но, по крайней мере, из них он имел возможность увидеть того, кто решится на них напасть.

— К такому легко привыкнуть, — произнёс Чант, поудобней устраиваясь на подушках.

— Наслаждайся, пока можешь, — сказала Рилтана, которая уселась рядом со жрицей. Демаскус расположился напротив неё, сбоку от ростовщика. — Придворные экипажи редко выезжают на улицы. Их не всегда посылают даже за теми, кто связан с королевой. Я, например, еду в таком впервые.

Карменере поджала губы.

— Из-за твоих выходов дворцовым стражникам прекрасно известно, как ты выглядишь. Единственный способ провезти тебя через охраняемый периметр — это полностью избежать каких-либо проверок. Эти экипажи перевозят лишь тех, кто пользуется абсолютным доверием короны. До сегодняшнего утра я понятия не имела, явится ли один из них в ответ на мой запрос. Никогда раньше не пробовала. В любом случае, так мы сможем беспрепятственно проникнуть внутрь.

— Интересненько, — Чант выпрямился. Судя по всему, сказанное ей дало ему пищу для размышлений. Несмотря на то, что Демаскус считал его своим союзником, он подумал, что Карменере стоило бы попридержать язык в присутствии того, кто специализируется на торговле нелегальной информацией.

Рилтана уставилась на Чанта. Судя по всему, ей в голову пришла та же самая мысль.

— Занятная вещь — безопасность, — произнёс Чант. — Её можно усилить до такой степени, что попытка проникнуть внутрь напрямую будет априори обречена на провал. Но, стоит только отыскать обходной путь...

Подавшись вперёд, Рилтана положила руку ему на плечо.

— Добрый совет хочешь? — спросила она. — Даже тем, кого привезут в такой карете, всё равно придётся иметь дело с элитными телохранителями королевы.

От её прикосновения Чант слегка вздрогнул.

— Да, конечно, — пробормотал он.

В карете воцарилась тишина, которая с каждой минутой становилась всё более и более гнетущей. Нет, так не пойдёт. Демаскус решил нарушить молчание.

— Мне не очень много известно об, эм, королеве Аратейн. Она... любима в народе? — ляпнул он первое, что пришло в голову. Как только эти слова слетели с его губ, он осознал,

насколько идиотским был его вопрос. Разумеется, Карменере станет уверять его в том, что королева пользуется всеобщей любовью; кто при дворе решится перечить её племяннице?

Чант хихикнул.

— Она обладает репутацией честной, но сильной правительницы. Неплохое сочетание, хотя, полагаю, её мать, королева Циндра, была более популярна среди простых людей. Без обид, — добавил он, обращаясь к серебряной звезде.

— Никаких обид, — с лёгкой улыбкой откликнулась Карменере. — Моя тётя неплохо справляется со своими обязанностями, что бы порой не болтала знать. Даже бедняки никогда не останутся без крыши над головой и миски похлёбки.

— И всё это вопреки препонам, которые постоянно чинит ей Двор Королевы, — произнёс Чант более вопросительным тоном, нежели утвердительным.

— Двор Королевы? — переспросил Демаскус. — Я думал, что двор и королева — это одно и то же.

— Двор — это место, где обсуждаются вопросы политики, — произнесла Карменере. — Там заседает совет пяти — одной из них является сама Аратейн, а другими — Четыре Сенешаля. Они являются советниками королевы, а также занимают ключевые позиции в правительстве. Если они единогласно проголосуют против её указа, он не будет принят, — в её голосе зазвучали горькие нотки.

— Именно поэтому, — произнесла Рилтана, — порой, если того требуют обстоятельства, королева действует в обход Двора. И в таких случаях она частенько обращается за помощью к кабалу Огненного Шторма. По крайней мере, насколько я слышала.

Карменере бросила на неё раздражённый взгляд.

— Слухи — это всего лишь слухи. Они необязательно оказываются правдивыми.

— Мой источник был довольно близок к королеве, — произнесла Рилтана. В её голосе звучали обвиняющие нотки.

— Если ты думаешь... — начала Карменере.

— Мне плевать на то, почему... — одновременно с ней заговорила Рилтана.

— Эй! — воскликнул Демаскус так громко, что сам чуть не подпрыгнул. Все присутствующие повернулись в его сторону. Затем Чант, откинувшись, принялся изучать потолок, словно на свете не было зрелища интересней, чем узоры на алом фетре.

— Рилтана, прошу, не нагнетай, — попросил Демаскус, чувствуя, что щёки его окрасил жаркий румянец. — Нам нужна помощь Карменере. Вдобавок я думал, что ты сожалеешь о том, что сделала. Однако по твоему поведению этого не скажешь.

— Я... — начала Рилтана раздражённым тоном. Оборвав себя, она сделала глубокий вдох. — Ты прав, ты прав. Мне очень жаль, — в голосе её звучало раскаянье. Обращаясь к Карменере, она продолжила. — Если бы ты только позволила мне попытаться загладить свою вину! Просто... меня невероятно злит то, что ты не даешь мне ни единого шанса. Клянусь, я не хотела, чтоб всё обернулось именно так!

Карменере вздохнула.

— Я знаю. Но это уже не имеет никакого значения. Ты сделала то, что сделала, и случилось то, что случилось. Все Сенешали неустанно изыскивают способы... способы получить над королевой хоть малейшее преимущество. Даже сомнительные связи её племянницы могут представить мою тётю в дурном свете. Особенно в том случае, когда пропадает сокровище короны.

Рилтана вскинула голову.

— Кто-то из них подозревает тебя?

— Традрем Кеттрод, — ответила Карменере.

— Сенешаль Земли! — воскликнул Чант. Обе женщины смерили его раздражёнными взглядами. — Простите, — пробормотал ростовщик. Демаскус с трудом удержался от улыбки.

— Традрем не решился связываться со мной напрямую, — продолжила Карменере. — Но кражу той картины расследуют именно его подчинённые. Им почти удалось узнать, как вору удалось проникнуть во дворец и то, что он связан с одним из членов королевской семьи. Повезло, что у них так и не получилось довести дело до конца. Хотя опасность ещё не миновала.

— Традрем Кеттрод является главой шпионской сети, — прошептал Чант Демаскусу. — Но я всегда считал, что в большинстве своём его агенты действуют за пределами границ государства.

Демаскус кивнул.

— Даже если бы я хотела простить тебя, — продолжила Карменере, — я не могу. Ты слишком непредсказуема. Я знаю, ты не желаешь зла, но я не имею права приближать к себе того, чьи необдуманные действия способны поставить под удар авторитет королевской семьи!

— Я... я понимаю, — отведя взгляд, Рилтана уставилась в окно.

Демаскус скривился. Атмосфера в карете стала ещё более напряжённой. Он задался вопросом, не доводилось ли ему самому терять дорогих людей из-за своих необдуманных поступков. Сердце его продолжало биться ровно и спокойно — возможно, и нет. Зря он вообще попытался разрядить ситуацию — вышло только хуже.

Кашлянув, ростовщик указал на ближайшее окно.

— Мы почти на месте.

Экипаж пересёк широкий мост, возвышающийся над покрытой рябью бухтой, и въехал на парящий остров, на котором находился королевский дворец. Над ним в воздухе висел небольшой обломок скалы. От самой высокой башни к нему вела спиралевидная лестница без опор, которую украшали флаги и сияющие кристаллы.

Указав на него, Чант произнёс:

— Двор Королевы.

Демаскус посмотрел на лестницу. При мысли о восхождении по ней его голова пошла кругом.

— Мы не станем подниматься туда, — сказала Карменере. — Двор Королевы собирается лишь раз в десять дней, если не считать экстренных ситуаций. Кроме того, мы собираемся встретиться с тётёй один на один.

Миновав мост, экипаж проехал под белой аркой во внешней стене дворца. Во дворе оказалось полно вооружённых до зубов дженази в тяжёлой броне, а также карет самых разнообразных форм и расцветок. Также здесь находилось множество парящих шаров магического пламени.

— А это что такое? — спросил Чант, указывая на них.

— Волшебные стражи, — ответила Карменере. — Они практически не обладают сознанием, зато крайне надёжны. Если бы нас посчитали за врагов, они бы стремительно слетелись к нам, а затем взорвались.

— Ох.

Экипаж проехал ещё через несколько ворот и наконец остановился возле окруженного оградой внутреннего садика. Вокруг него возвышались стены дворца. Спрыгнув с облучка, кучер распахнул двери кареты.

Они вышли наружу. Возле садовых стен росли пышные клумбы лилий и жасминов. Вдоль выложенной камнями дорожки струилась река голубых цветов, протекая под мостом и оканчиваясь настоящим водопадом незабудок, колокольчиков и ирисов.

В конце этой дорожки находилась серебряная беседка, окружённая белыми лилиями. Их лепестки сливались с подолом развевающегося белого платья, расшитым голубыми и алыми драгоценными камнями.

Устремив взгляд на его владелицу, Демаскус задохнулся от удивления.

Кто ещё, кроме Аратейн, мог носить столь великолепный наряд с таким достоинством? Безупречный покрой одеяния только подчёркивал красоту и силу королевы. Её руки и плечи были обнажены, и по сравнению с её бледно-лиловой кожей все цветы казались тусклыми и безжизненными. По её рукам, шее и щекам змеились серебристые линии.

Причёска Аратейн представляла собой множество косичек, сплетённых из нитей кристаллического серебра и забранных в хвост. Её голову украшал прекрасный белый венец, который окружало слабое сияние, похожее на отсветы далёкого грозового облака на горизонте. Она взглянула прямо на него, и он заметил, что в её глазах мелькают отблески того же света.

Хладнокровие покинуло Демаскуса, словно стая вспугнутых соек. Ему нечасто — возможно, никогда — доводилось видеть женщин столь же прекрасных, как королева Аратейн. Он ощутил, что земля уходит у него из-под ног.

— Милостивые боги, — пробормотал он.

Карменере направилась к беседке. Когда она загородила королеву, мир вернулся. Демаскус полной грудью втянул воздух. Он ощущал себя так, словно только что вынырнул из глубин водоёма на поверхность.

Серебряная звезда и королева пожали друг другу руки. Направившись вперёд, Чант остановился возле входа в беседку. Рилтана осталась на месте, как и сам Демаскус.

— Ты в порядке? — тихо спросила она, устремив на него взгляд.

— Да, — ответил Демаскус. — Я... уф. Вижу, что королева является штормовой дженази.

Стараясь сдержать улыбку, Рилтана произнесла:

— Да, на некоторых её вид производит такой эффект. Пошли, поприветствуем её, пока она не решила, что имеет дело с полным болваном.

Демаскус кивнул. Он позволил Рилтане и Чанту первыми войти в беседку. Оказавшись внутри, они почти в унисон поклонились.

— Мы не при дворе, — произнесла королева Аратейн. — Прошу, формальности ни к чему — знали бы вы, как они мне надоели. Итак... Карменере сказала, что вам нужно поговорить со мной о чём-то срочном, верно? Но для начала я бы хотела услышать ваши имена, — её голос звучал любезно, но твёрдо.

— Аратейн, ты помнишь Рилтану? — спросила Карменере.

Королева кивнула воровке.

— Разумеется. Приятно вновь тебя увидеть.

Рилтана совершенно непринуждённо кивнула в ответ, но Демаскус заметил, что её

плечи напряглись.

— А это, — Карменере указала на ростовщика, — Чант Морвен. Он владеет магазином в Эйрспуре.

— В числе всего прочего, — пробормотала Рилтана, обращаясь к Демаскусу.

— Ваше Величество, — произнёс Чант. Очевидно, он хотел снова поклониться, но, вовремя вспомнив о просьбе королевы, лишь неловко дёрнул головой.

Ей хватило такта этого не заметить. Её взгляд устремился на Демаскуса.

Его ноги вновь охватила слабость.

— Это Демаскус, — представила его Карменере.

— Благодарю за то, что согласились незамедлительно встретиться с нами, — слава богам, его голос звучал нормально.

— Необычное имя — Демаскус, — отметила Аратейн. — Должно быть, ты прибыл из-за моря Упавших Звёзд.

Это вопрос? Ему крайне не хотелось рассказывать о своих проблемах с памятью и всё прочем. Это могло всё усложнить.

— Верно, Ваше Величество, — он решил остановиться на таком варианте. В конце-концов, это тоже являлось правдой. Он действительно прибыл из-за моря — *издалека*, из-за пределов самого Фаэруна.

Изогнув бровь, она одарила его улыбкой.

— Как загадочно. Надеюсь, когда-нибудь нам выдастся шанс пообщаться наедине. Я бы хотела расспросить тебя о твоей родине.

Его голова закружилась. Когда она наконец отвела от него взгляд, Демаскус облегчённо выдохнул. Да что с ним такое?

Королева указала на стоящие в беседке скамейки, устланные подушками.

— Прошу, присаживайтесь. Поговорим.

Серебряная звезда расположилась рядом с Аратейн. Демаскус опустил на широкое сиденье напротив них. Чант сел по другую сторону от королевы, но на достаточном расстоянии, чтобы это не выглядело фамильярно. Проигнорировав скамейки, Рилтана уселась прямо на пол и вытянула ноги. Демаскус задался вопросом, не сочтёт ли Аратейн это проявлением неуважения. Наверное, нет; эта встреча изначально носила неформальный характер. Большинство правителей не стали бы общаться с нижестоящими так запросто, как она. Неужели Карменере является настолько важной персоной в Акануле, что хорошее отношение к ней распространялось и на её друзей, или же королева всегда ведёт себя подобным образом?

Присутствие Аратейн опьяняло. Вдобавок она была так любезна... Демаскус сморгнул. Не забывайся, — оборвал он себя. Да, в одной из прошлых жизней он встречался с аватаром бога Знаний и потому не привык ощущать трепета в присутствии влиятельных персон, но ведь аватар Огмы не являлся смертной женщиной, в особенности столь прекрасной, как эта штормовая дженази с кожей цвета лаванды...

Демаскус осознал, что все взгляды были устремлены на него.

Он кашлянул. Хватит глупых раздумий! Пора сосредоточиться на деле.

— Королева Аратейн, я ещё раз благодарю вас за то, что соизволили встретиться с нами, — произнёс он. — Надеюсь, что вы согласитесь, что проблема, о которой мы хотим с вами переговорить, требует немедленного рассмотрения. Недавно мы наткнулись на некий культ, действующий в городе — культ, члены которого поклоняются демонической

сущности, называющей себя Старейшее Стихийное Око, — ему показалось, что он слишком забегает вперёд.

Глаза Аратейн сузились.

Он продолжил, стараясь чётче формулировать свои мысли.

— Так получилось, что в результате наших поисков мы привлекли к себе их внимание.

Один раз они уже пытались от нас избавиться.

Встревоженно нахмурившись, королева бросила быстрый взгляд на Карменере.

— Это было до того, как они пришли ко мне, — произнесла серебряная звезда. — Не волнуйся, тётя.

— В любом случае, — продолжил Демаскус, — всё указывает на то, что этот культ обосновался в штаб-квартире кабала Огненного Шторма. Проблема в том, что...

— Объяснись, — потребовала королева. Улыбка исчезла с её лица. Серебристые линии *зулдар* вспыхнули, пробудившись к жизни.

— Ваше Высочество, — вмешался Чант, — лейтенант Лехерен дала мне и Демаскусу задание поискать следы активности культа в башне Чевеша, огненного мага. Мы узнали, что, хотя Чевеш и является полным безумцем, к деятельности которого не мешало бы повнимательней присмотреться миротворцам, к культу он не имеет никакого отношения. Более того, зацепка, которую мы там обнаружили, привела нас обратно в Материнский Дом. Но, когда мы вернулись, то увидели, что здание было полностью разрушено.

Демаскус заметил, что королева слегка напряглась.

— Об этом все знают, — произнесла она. — Огромная потеря. Разумеется, я очень ценю то, что вы решили поведать мне о ваших подозрениях. Я согласилась встретиться с вами, так как не видела свою любимую племянницу уже несколько месяцев. Но благодаря Сенешалю Земли у меня имеются и свои источники информации. Могу вас заверить, что мы прилагаем все силы, чтобы выяснить правду о том, что произошло в Материнском доме.

— Значит, вам уже известно о культе Старейшего Стихийного Ока? — спросил Чант.

— Уверяю вас, это название я слышу впервые. Конечно же, я сразу уведомяю Традрема.

Чант подался вперёд, чтобы заговорить снова, но королева не дала ему возможности это сделать.

— Наш разговор доставил мне искреннее удовольствие. В особенности я была рада снова повидаться с тобой, Карменере — тебе стоит навещать меня почаще. Но, боюсь, на этом наша встреча подошла к концу; меня ждут иные дела. Мне очень жаль.

Аратейн встала, и все остальные последовали её примеру. Королева направилась к выходу из беседки. Подол её платья развеялся в воздухе, словно грозовое облако.

— Мы видели ваш экипаж возле Материнского Дома, — произнёс Демаскус, — в ночь, предшествующую той, когда он был разрушен. И мы знаем, что вы дали им задание выяснить причину нападений монстров на Эйрспур!

У входа в беседку королева замерла.

— Откуда же вам это известно? — спросила она.

— Лейтенант Лехерен рассказала нам после того, как поручила заняться тем огненным магом.

— Как неразумно с её стороны, — отметила Аратейн. — Впрочем, это ничего не меняет.

Вскинув руки, Демаскус воскликнул:

— Да послушайте же!

Карменере бросила на него предупреждающий взгляд. Аратейн обернулась, обрушив на него всю мощь своего авторитета.

— Ваше Величество, я крайне извиняюсь за то, что посмел повысить голос, — сглотнув, произнёс он. — Но вам следует знать, что после того, как мы ушли от развалин Материнского Дома, чтобы, эм, встретиться с Рилтаной, на нас напал ещё один демон. Судя по всему, он следовал за нами из штаб-квартиры кабала Огненного Шторма. Он сказал...

— Ты правда считаешь, что за вторжениями демонов стоит кабал? — прервала его королева. Слегка склонив голову, она устремила на него взгляд сияющих глаз.

— Ваше Величество, — произнёс Чант, подойдя на шаг ближе. — Мы полагаем, что это действительно так. Информация, которую мы узнали в башне Чевеша, не единственное, что указывает на кабал. Когда мы встретились с Лехерен и двумя другими лейтенантами, у одного из них на шее была татуировка в виде изломанной спирали. Это один из символов Старейшего Стихийного Ока. И... обе твари, с которыми довелось столкнуться Демаскусу, а затем и мне, упоминали, что служат той же сущности — Старейшему Стихийному Оку!

Королева устремила взгляд на Чанта, затем на Демаскуса. Наконец она посмотрела на Карменере, словно в поисках подтверждения.

— У меня нет оснований сомневаться в их словах, — произнесла жрица Селуне. — Вдобавок это объясняет уничтожение Материнского Дома. Возможно, там произошла какая-то внутренняя стычка.

Аратейн не двигалась с места. Её лицо ничего не выражало. Демаскус заметил, что в пределах слышимости находятся ещё четверо вооружённых дженази. Их взгляды были устремлены на королеву, словно в ожидании её приказов. Хоть они и держались поодаль, скорее всего, неподалёку скрывались и другие охранники — просто на всякий случай...

Устремив взгляд на Чанта, королева спросила:

— Скажи мне следующее — вы пришли сюда в ожидании награды?

— Нет, — ответил Демаскус. Ростовщик открыл было рот, чтобы возразить, но дэв продолжил. — Каким бы ни оказалось ваше решение, я уже завяз в этом деле по уши. Все мы, в определённой степени, даже ваша племянница, раз уж она согласилась нас выслушать. Культ охотится за нами; ради всего святого, они посылают за нами демонов-убийц! И не остановятся, пока мы не будем мертвы. Пусть вы не нуждаетесь в нашей помощи или не желаете её, но, если у вас есть информация, которая может пригодиться *нам*, мы окажемся у вас в неоплатном долгу.

Несколько долгих мгновений Аратейн не двигалась с места.

Демаскус задался вопросом, не стоит ли рассказать ей о своём пробуждении в святилище, откровениях Вуали относительно его прежних воплощений и том, что его может преследовать некая «немезида». Желание выложить всё начистоту было крайне сильно. Но это лишь всё усложнит — возможно, даже даст королеве повод усомниться в здравости его рассудка. Поэтому он заставил себя молча смотреть за тем, как она принимает решение.

Аратейн вздохнула.

— Вы всё же собираетесь нам помочь! — воскликнула Рилтана. Она кинула быстрый взгляд на Карменере.

— Да, — произнесла королева. — Мы можем помочь друг другу. С одним условием — *если* вы поклянетесь своим именем, что всё, рассказанное мною, останется исключительно между нами.

— Клянусь своим именем, — произнёс Демаскус. Эти слова вылетели у него изо рта

прежде, чем он успел над ними задуматься.

— Как и я, — откликнулась Карменере.

Рилтана обвела взглядом беседку, словно пытаюсь отыскать спрятавшегося писца.

— Меня зовут Рилтана; я клянусь, — наконец произнесла она.

Чант покачал головой с видом человека, которому только что сообщили, что его ребёнок неизлечимо болен.

— Я — Чант Морвен, — сказал он. В голосе его звучало смирение. — Клянусь, что никто, кроме нас, не узнает того, о чём вы расскажете.

Аратейн вернулась в беседку.

— Заместитель командующего каба́ла — мой друг, — понизив голос, произнесла она. — Иногда его организация действительно оказывает короне неофициальные услуги, в особенности тогда, когда это касается тех дел, в которые я не хочу вовлекать Сенешалей.

— До меня доходили подобные слухи, — произнёс Чант.

— И, если ты дорожишь своим благополучием, они так и останутся слухами, — сказала Карменере.

— Пусть королева продолжит, — оборвал их перепалку Демаскус.

Губы Аратейн дрогнули в слабом намёке на улыбку.

— Я действительно навещала каба́л, чтобы заручиться их помощью в расследовании демонических вторжений, — произнесла она. — Заместитель командующего сказал мне, что в его организации существует некая тайная клика.

Карменере невольно ахнула.

— Это действительно так. Каба́л Огненного Шторма расколот. Однако он не упоминал ни о каком культе и не называл имени Старейшего Стихийного Ока. Тем не менее, он допускал возможность, что эта немногочисленная группа может стоять за нападениями монстров в окрестностях Эйрспура.

— Погодите, так вы *знали* о том, что каба́л Огненного Шторма к ним причастен? — воскликнул Чант.

Королева устремила на него пронзительный взгляд.

— Я только что так и сказала, разве нет?

— Простите, Ваше Величество, — покраснев, пробормотал ростовщик.

— Заместитель командующего подозревал нескольких своих подчинённых, — продолжила королева. — Он сказал, что велел своему наиболее доверенному лейтенанту заняться этим делом и выяснить, есть ли связь между появлениями монстров, отколовшейся частью каба́ла и теми дженази, на кого пало его подозрение.

— Лехерен? Это ей он отдал приказ? — спросил Демаскус. — Сообщил ли он вам имена тех, кого подозревает?

— Это был Джетт? — вмешался ростовщик.

— Имён он не называл; казалось, что у него всё под контролем. Но это произошло до того, как Материнский Дом был уничтожен. С тех пор я не могла с ним связаться. Боюсь, что, как и многие другие, он погиб во время пожара.

Королева опустила взгляд, и мерцающие над её венцом огни потускнели. Неужели в её глазах промелькнула печаль? Она сказала, что заместитель командующего был её другом...

— Вы посылали туда разведчиков? — спросила Рилтана. Судя по всему, она не заметила перемену в настроении правительницы.

Аратейн провела рукой по лицу. Этот жест являлся единственным свидетельством

небольшой трещины в броне её самообладания. Демаскус неосознанно потёр своё собственное лицо.

— Официально, — произнесла королева, полностью овладев собой, — это дело находится в юрисдикции гражданских сил Магнола. Сенешаль Огня уже отправлял туда отряд.

— Что же им удалось выяснить?

— Ничего. По крайней мере, ничего, что бы касалось монстров, тайных фракций или... культов. Официальное расследование завершено; решили, что это просто несчастный случай. Все выжившие были найдены, и другие оплоты кабала Огненного Шторма, которые находятся в Акануле, уже начали присылать своих представителей.

— Но? — спросил Демаскус, чувствуя, что Аратеин что-то недоговаривает.

Она кивнула.

— Полагаю, что разведчикам Магнола удалось отыскать далеко не всё. Я не могу просить его снова послать туда своих людей — в таком случае всем сенешалям станет известно, что я знаю о кабале намного больше, чем мне хотелось бы признать. Они тоже в курсе тех слухов, о которых упоминал Чант. И я не хочу давать им лишних оснований полагать, что для того, чтобы обеспечить безопасность государства, я порой действую в обход Соглашения Сенешалей.

— Мы можем пробраться в руины, — произнёс Демаскус, — если вы скажете, что нам следует там искать.

— Ты предугадал моё намерение. Неплохо, — отметила королева. — Судя по словам твоего друга, тебе уже доводилось сталкиваться с этими демоническими тварями. Значит, в бою ты способен постоять за себя.

Если бы вы только знали, — подумал Демаскус.

— Это так, — произнёс он вслух. — Все мы способны.

— И, Карменере, не окажешь ли мне любезность присоединиться к Демаскусу, Рилтане и Чанту Морвену в качестве моего личного агента?

— Погодите! — воскликнула Рилтана. — Это может оказаться опасно! Карменере не...

— Что — не? — спросила жрица, изогнув бровь.

— Карменере — серебряная звезда, — произнесла Аратеин, — и не из последних. Она пойдёт с вами.

— Благодарю, моя королева, — Карменере улыбнулась.

Хлопнув в ладоши, Чант воскликнул:

— Чудесно! Не стоит терять времени. Что же нам следует искать, Ваше Величество?

— На стенах подвала есть символы кабала, под которыми находится изображение куба. Эти рисунки похожи на часть декоративного орнамента, но на самом деле они отмечают местоположение входов на нижние уровни. Я хочу, чтобы вы спустились туда и выяснили, были ли эти уровни уничтожены вместе с остальной частью Материнского Дома. Если нет, то узнайте всю возможную информацию.

Демаскус смотрел, как королева шествует по садовой дорожке, с обеих сторон сопровождаемая элитными телохранителями. Без сомнений, Аратеин представляла собой великолепное зрелище. Но, когда она исчезла из виду, вопрос, о котором он до этого старался не задумываться, полностью захватил его мысли.

Отыщу ли я в тех подземельях связь со своими прошлыми воплощениями? Возможно, у меня появится шанс снова стать тем, кем я являлся прежде... и пути назад уже не будет.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Струи дыма, которые ранее поднимались от развалин Материнского Дома, уже угасли. Останки огромного здания окружали баррикады, на которых были развешаны охранные огни, удерживающие любопытных горожан на почтительном расстоянии от руин. Рядом с баррикадами группами по двое-трое человек стояли миротворцы и члены кабала. Работы по восстановлению должны были начаться дней через десять-двадцать; на данный момент никому, кроме высокопоставленных членов кабала, не разрешалось заходить внутрь.

Именно по этой причине Чант, не поднимая головы, полз на животе по соседней с разрушенным зданием улочке. Грязь покрывала его лицо и одежду, а неприятный запах свидетельствовал о том, что где-то по пути ему не повезло вляпаться в собачьи фекалии.

Впереди него ползла Рилтана, движения которой были лёгкими и уверенными. За ним следовала Карменере. Судя по всему, жрица, хоть и являлась земляной дженази, получала от такого способа передвижения не больше удовольствия, чем он. Это удивило его — он думал, что близость к её стихии будет ей приятна. Замыкал их небольшой отряд Демаскус. Судя по всему, мысли его витали где-то далеко, но, тем не менее, он не отставал.

С того момента, как они вышли из дворца, дэв оставался необычно молчалив. Поначалу Чант подумал, что он прокручивал в голове встречу с королевой, но затем решил, что дело явно не в этом. Точно не в страхе; после того, что произошло в проулке, ростовщик понял, что это чувство было Демаскусу практически незнакомо. Что само по себе вызывало опасения, учитывая, что, кроме него, никто из их отряда не мог похвастаться умением возвращаться к жизни, будучи убитым.

И, если Чант погибнет в подземельях Материнского Дома, пытаюсь отыскать потерянные воспоминания Демаскуса и истину о культе Старейшего Стихийного Ока, что станет с Джаулом? Ранегеру за многое предстоит ответить...

Замерев на месте, Рилтана прижала палец к губам и указала на развалины каменной кладки. На обрушившихся сваях покоился огромный каменный блок, а под ним находился длинный узкий проход. Неужели она предлагает воспользоваться этим путём? Он туда ни за что не пролезет!..

Воровка заползла внутрь.

Издав долгий, полный страдания вздох, Чант последовал за ней. Обычно его лишний вес ничуть не мешал ему. Но не сейчас, — подумал он, с трудом протискиваясь в щель. В подобные моменты он всерьёз начинал задумываться над тем, чтобы ограничиться всего пятью приёмами пищи в день.

Запах дыма и пепла заглушал все остальные ароматы. В воздухе чувствовалась слабая вонь мертвечины. Узкий лаз вывел их на засыпанное щебнем открытое пространство. Огромная груда камней практически полностью загораживала его от находящейся по

соседству улицы. Из-за кучи обломков доносились голоса членов кабала, и поэтому Чант постарался двигаться как можно тише. Разумеется, их отряд получил разрешение Аратейн исследовать развалины, но, учитывая, что они поклялись не упоминать имя королевы, формально они и впрямь являлись нарушителями.

На кусках брезента были разложены кувалды, кирки и другие рабочие инструменты. Вокруг высились небольшие кучи бульжников, дерева и тканей, отсортированных по типу материалов. Возле ведущего под землю прохода стояла тележка, гружёная обломками каменной кладки.

— А где работники? — прошептала Карменере.

— На обеде? — предположил ростовщик и указал на вход в подвал. — Судя по всему, это именно то, что мы ищем.

Они двинулись вперёд, пробираясь сквозь завалы, которые рабочие ещё не успели расчистить. Если бы они пришли сюда раньше, этот проход, скорее всего, всё ещё оставался бы погребён под грудями камней.

Они спустились под землю. Там оказалась наполовину слетевшая с петель дверь. Аккуратно взявшись за неё, Демаскус с силой потянул на себя. Та с неохотным скрежетом распахнулась.

За ней оказалось помещение, потолок которого частично обрушился. Судя по всему, раньше оно служило хранилищем для дорогих вин и бочонков с пивом, но при пожаре сильно пострадало. В воздухе стоял густой запах дрожжей, смешивающийся с вонью пепла и дыма. Подумав обо всём том эле, который сейчас впитывался в почву, Чант ощутил лёгкую печаль.

Демаскус шагнул вперёд, внимательно обводя взглядом подвал. Чант был уверен, что он делает это бессознательно — на случай вероятной угрозы, с которой нужно будет разобраться. В конце-концов, в этом и состояла работа убийц, верно?

Рилтана последовала за ним. Из-за маски, скрывающей её лицо, её глаза казались особенно большими.

Чант также вошёл внутрь, держа в правой руке арбалет. Он не любил решать проблемы насильственным способом, но, тем не менее, некогда потратил немало времени, чтобы в совершенстве овладеть этим стреляющим тремя болтами оружием, и мог заслуженно гордиться своими навыками.

К сожалению, падающий сверху дневной свет освещал подвал всего на несколько шагов вперёд. Далее царила непроглядная тьма.

— Тот солнечный жезл, который ты купила у Чанта, при тебе? — негромко спросил Демаскус у Рилтаны.

— Погоди, — произнесла Карменере. — Селуне поможет.

Она простёрла руку, и её ладонь окутало серебристое сияние. Отделившись от неё, светящийся шар взмыл в воздух, разогнав темноту, словно маленькая луна.

Это помещение оказалось куда больше, чем Чант решил вначале. Потолок в центре его обвалился, но позади груды камней и земли находилось пустое пространство. В дальней стене виднелись тёмные зёвы нескольких дверных проёмов.

— То, что надо, — произнёс Демаскус. Дэв направился вперёд, и Чант последовал за ним, не прекращая обшаривать окрестности взглядом в поисках возможных опасностей. На полпути он заметил висящий на стене фонарь. Под ним лежала упавшая набок тележка. Возле неё на земле валялись две кирки и монтировка — создавалось впечатление, что их тут

просто бросили.

— Местные рабочие тоже ушли на перерыв? — спросил Демаскус.

— Возможно, — ответил Чант. Но зачем им оставлять тут свои инструменты?

— Наверное, королева заранее позаботилась о том, чтобы все работники покинули эту территорию и мы смогли беспрепятственно проникнуть внутрь, — произнесла Карменере.

— Она бы наверняка упомянула об этом, — Демаскус обнажил клинок.

Держась рядом, они обошли находящийся посередине комнаты завал. Демаскус шёл первым, а Чант замыкал их отряд. Бледный свет шара жрицы выхватил из тьмы небольшой предмет. Это оказался полный бочонок с целой печатью.

— Эй, а этот-то не пострадал! — воскликнул ростовщик, нагнувшись, чтобы получше рассмотреть свою находку. Он слегка толкнул его, и внутри заплескалась жидкость. Да!

— И какая разница? — спросила Карменере.

— Ну... жалко будет, если он пропадёт.

Судя по выражению её лица, жрица не разделяла его мнения.

Внезапно поблизости раздался низкий рык, и все мысли о возможной добыче вылетели у Чанта из головы. Звук был утробным, резким и голодным. На самой границе очерченного шаром Карменере круга света возникло движение. То, что он поначалу принял за очередную грудку обломков, поднялось на четыре ноги, расправив гигантские чешуйчатые крылья. В серебристом свете блеснули глаза, огромные, словно чайные блюдца. Морда зверя имела гротескные, почти человекоподобные черты. Почти. Из позвоночника его росли изогнутые шипы, а кончик его хлещущего хвоста был усеян острыми колючками.

Чанту доводилось читать о таких тварях в одной из своих книг — это была мантикора. Эти существа являлись жестокими хищниками. Порой их использовали в качестве охранников — если, конечно, их владельцы были не против, что в процессе дрессировки погибнет парочка-другая людей.

Мантикора снова зарычала. Её хвост задрожал, словно у змеи.

— Никаких резких движений, — тихо произнёс Чант. — Скорее всего, она просто охраняет подвал. Если мы отступим, то, возможно, она нас не тронет.

Рык мантикоры эхом отразился от ближайших стен. Её хвост неистово заметался из стороны в сторону.

— Вниз! — заорал Демаскус, падая на землю.

Чант укрылся за упавшей балкой. В треснувшую древесину над его головой вонзилось несколько игл. Чудом пронесло!

Он выглянул наружу, стараясь успокоить своё учащённое дыхание. Вскочив на ноги, Демаскус выхватил клинок и направил его на мантикору. Длинная лента Вуали шевелилась.

— Вы в порядке? — крикнул Демаскус.

— Она промахнулась, — раздался слева от Чанта голос Карменере. Серебряная звезда пряталась за перевёрнутым столом.

Чант вскинул арбалет, однако оказалось, что между ним и мантикорой находится Демаскус.

Мантикора подошла ближе, и дэв сделал выпад, целясь ей в глаза. Отшатнувшись, она взмахнула огромной лапой, вынудив Демаскуса отступить. Это дало Чанту шанс выстрелить, и он незамедлительно им воспользовался.

Когда сработала магическая руна на рукояти арбалета, вылетевший из него снаряд в воздухе разделился на три. Два из них попали в цель. Мантикора с визгом попятилась,

рефлекторно пытаясь дотянуться пастью до застрявших в её груди болтов. Демаскус рванутся вперед, чтобы вонзить клинок в оставшийся без защиты живот зверя.

Но его противница оказалась быстрее. Мантикора хлестнула крыльями, и они обрушились на дэва с силой двух столкнувшихся баранов. От удара его отбросило в сторону, и он с трудом сумел удержаться на ногах. Чант испугался, что меч вот-вот выпадет у него из рук. Потянувшись к закреплённому на бедре колчану, ростовщик попытался наощупь вытащить оттуда ещё один болт.

Внезапно рядом с дэвом появилась Рилтана, держащая свой короткий меч, как пику. Сделав стремительный выпад, она проделала в шкуре мантикоры ещё одну дыру. В ответ зверюга попыталась откусить ей голову, но воровка моментально отступила, оказавшись за пределами её досягаемости.

Демаскус пошатнулся и затряс головой, пытаясь прийти в себя. Наконец Чанту всё же удалось достать ещё один болт, и он выругался. Мантикора уже прижалась к земле, готовясь наброситься на оглушённого дэва.

Её хвост снова задрожал — она собиралась выпустить ещё один залп игл. Проклятье! В его состоянии Демаскус ни за что не успеет отреагировать вовремя! Чант открыл было рот, чтобы выкрикнуть предупреждение, но его опередили.

— Голиаф, фу! Стоять! — прозвучала властная команда.

Хвост мантикоры перестал трястись, и она сложила крылья. С низким рыком она оскалилась и начала медленно приближаться к Демаскусу, словно ведомая на невидимом поводке.

— Я сказала, стоять! Прекрати, Голиаф, это не враги!

Погодите-ка, — подумал Чант. — Этот голос мне знаком... это же лейтенант Лехерен!

Она вышла из тёмного коридора. В одной руке у неё была лампа, в которой едва теплился слабый огонёк, во второй она сжимала длинный меч.

— Сидеть, Голиаф! — приказала Лехерен. — Действуй только по моей команде!

Человекоподобное лицо зверя скривилось в гримасе.

— Как прикажешь, — прорычала мантикора.

Чант сморгнул. Этот зверь умеет говорить! В книгах о таком не упоминалось. Усевшись на задние лапы, мантикора принялась зализывать раны.

— Лейтенант, — произнёс Демаскус удивлённым голосом. — Что ты здесь делаешь? Я думал, ты погибла.

Алый кожаный плащ Лехерен обуглился и был испачкан пеплом. Её лицо покрывала грязь, а руки выглядели так, словно она нарочно вымазала их в угольной пыли. Глаза её запали от усталости. С тех пор, как она приказала им заняться огненным магом, явно произошло многое.

— Я пытаюсь выяснить, где прячутся предатели, которые проникли в мою организацию, — произнесла она. — А вы что здесь делаете?

— Мы... полагаю, мы здесь с той же целью, — произнёс Демаскус.

Лехерен слегка опустила меч.

— И откуда мне знать, что вы не связаны с теми ублюдками, которые попытались уничтожить кабал изнутри?

— Лишь по нашим делам, полагаю, — ответил Демаскус. — Мы здесь, чтобы помочь.

Неплохой ответ, — подумал Чант. Согласно кивнув, он попытался придать своему лицу самое честное выражение.

Лейтенант опустила клинок.

— Как вижу, с вами серебряная звезда, — произнесла она.

— Так и есть, — подтвердила Карменере.

Чант подошёл к Демаскусу.

— Лейтенант, ты выглядишь крайне паршиво. Всё в порядке? — спросил он.

— А сам-то как думаешь? — прорычала Лехерен, обводя рукой разрушенный подвал.

— Прошу прощения, — произнёс ростовщик. — Ты упомянула о предателях в рядах твоей организации. Получается, ты знаешь...

Её плечи опустились. Прислонившись к стене, она протёрла лоб грязным рукавом плаща.

— Да, знаю, — произнесла она. — Заместитель командующего приказал мне выяснить, кто из руководства кабала в это замешан.

— И что, как успехи?

— Мне удалось узнать, что за вторжениями демонов в Эйрспуре стоит немногочисленная группа членов кабала. Прикрываясь своими обычными обязанностями, они тайно основали в наших рядах некий культ!

— Связан ли с ними некто по имени Калкан? — спросил Демаскус. Если этот Калкан имеет отношение к культу, картина начинает складываться...

Лехерен отрицательно покачала головой.

— Нет, мне никогда не доводилось слышать этого имени. А что?

Демаскус вздохнул.

— Ничего. Наверное. Он имеет какое-то отношение к происходящему...

— А что насчёт Джетта? — прервал его ростовщик. — Та татуировка у него на шее ведь не просто для красоты, верно? Он — один из тех, кто служит Старейшему Стихийному Оку.

Лехерен скривилась.

— Да, полагаю, это так. Несколько месяцев назад характер Джетта очень изменился. Тогда же он и обзавёлся этой татуировкой. Вначале я подумала, что она ничего не значит, просто дурацкое украшение. Джетт Вар, Гарел Комар и другие. Но в это замешаны и те, кто не носит подобные символы открыто. Мне очень не хочется в это верить, но есть основания полагать, что заместитель командующего также является одним из культистов. И кто знает, сколько ещё обычных членов кабала...

— Заместитель командующего? — переспросила Карменере. — Не может быть! Он ведь и поручил тебе вести то расследование.

— Если бы кто-то из вышестоящих членов кабала не являлся частью этой секты, их деятельность не могла бы так долго оставаться тайной. Мне бы стало о ней известно.

Королеве это вряд ли понравится, — подумал Чант.

— Понятия не имею, сколько я пробыла тут, внизу, — продолжила Лехерен. — На протяжении всего этого времени я исследовала полуразрушенные тоннели в поисках их укрытий.

— В одиночку? — спросил Демаскус.

— А кому я могу доверять? Когда я узнала о том, что происходит в кабале, то поняла, что *любой* может оказаться треклятым изменником.

— Получается, когда им стало известно, что ты сидишь у них на хвосте, они разрушили Материнский Дом? — спросила Рилтана.

— Нет. Я сама разрушила его — решила, что таким образом смогу уничтожить культ и

всех, кто с ним связан. Я ошиблась, — нетвёрдой рукой Лехерен убрала клинок в ножны и привалилась к стене.

— Боюсь, что так, — произнёс Чант. — Уже после этих событий на нас напала тварь, явно связанная со Старейшим Стихийным Оком.

Лехерен устало кивнула.

— И давно ты здесь? — спросила Карменере.

— Такое чувство, что уже много дней. Полагаю, что я... ненароком забрела в небезопасную часть тоннелей и попала под обвал. Я сильно ударилась головой; такое чувство, что она словно ватой набита.

— Нужно доставить тебя на поверхность, — произнесла серебряная звезда. — Тебе необходима помощь. И отдых.

— Жрица права, — согласился Демаскус. — Но для начала расскажи нам, какую часть тоннелей ты ещё не успела исследовать?

Лехерен выпрямилась.

- Нет. Нет, я не уйду отсюда, пока не отыщу их. Это мой долг!

Она устремила взгляд в тёмное помещение, где скрылась мантикора, и, подняв фонарь, осветила его дальнюю стену. Чант внимательно уставился на неё в поисках тех символов, о которых говорила Аратейн.

Но там не оказалось ничего, кроме многочисленных отметин от когтей и шипов, а также брызг засохшей крови. Пол был усыпан изгрызенными костями и фекалиями. Ростовщик наморщил нос. Некоторые из костей выглядели омерзительно свежими. Наверное, мантикора и прогнала владельцев той тележки. Или... сожрала их?

— Я уже близко, — пробормотала Лехерен. Её взгляд устремился к тоннелю, находящемуся справа от входа в логово. Неверной походкой она направилась к нему.

— Не стоит ли нам попытаться силой доставить её на поверхность? — шёпотом спросил Демаскус.

Пожав плечами, Чант ответил столь же тихим голосом:

— Она едва держится на ногах. И, судя по всему, из-за усталости её рассудок слегка помутился.

— Я почти уверена, что у неё сотрясение мозга, — добавила Карменере. — Она сказала, что ударилась головой.

— Тем не менее, — продолжил Чант, чувствуя себя слегка виноватым, — даже несмотря на её травмы, у нас куда больше шансов отыскать вход в подземелья, если мы последуем за ней.

Лехерен не стала дожидаться конца их разговора. Войдя в тоннель, она скрылась из виду.

Они двинулись за ней. словно верный пёс, светящийся шар Карменере последовал за ними, освещая дорогу. Лехерен уже успела удалиться на довольно большое расстояние. Они ускорили шаг, но она всё равно добралась до конца тоннеля раньше их.

Там оказалось небольшое помещение с невысоким потолком, вдоль стен которого стояло несколько ржавых сундуков. Из него вело три выхода. Лехерен исчезла.

— Куда она направилась? — спросил Демаскус. Чант склонил голову и приложил ладонь к уху. Услышав слабый шорох сапог по камню, он указал на средний проход.

— Туда. Вроде бы.

Демаскус устремился вперёд. Мне это не нравится, — подумал Чант, но всё равно

вместе с Карменере и Рилтаной последовал за ним.

Открывшееся им помещение размерами практически не отличалось от того, которое они только что покинули. Лехерен по-прежнему нигде не было видно.

— Она что, пытается избавиться от нас? — спросил Чант. Наверное, им всё же стоило доставить её на поверхность...

— Сомневаюсь, что она сейчас способна мыслить здраво, — произнесла Карменере. — Она сбежала прежде, чем я успела оказать ей помощь.

Стены подвала состояли из валунов неправильной формы, скреплённых строительным раствором, который во множестве мест осыпался от старости. На полу лежало несколько черепов. Чант заметил, что все они принадлежали гуманоидам.

— Пылающие владения, а это здесь откуда? — воскликнул Демаскус. Он явно упал духом. Ростовщик задался вопросом, какое же неприятное воспоминание пробудил в нём вид этих черепов.

— Возможно, это свидетельство деятельности культистов, — предположил Чант. — В таком случае, мы уже близко.

— Полагаю, Лехерен направилась туда, — произнесла Рилтана, указывая на крутую, ведущую вниз лестницу, которая была составлена из каменных плит разного размера.

— Значит, мы последуем за ней, — сказал Демаскус. — Продолжайте искать символы, о которых говорила королева. Даже если мы потеряем лейтенанта, нам по-прежнему нужно отыскать способ проникнуть на нижние уровни.

Они принялись спускаться по извилистой лестнице. Она вывела их в освещённое факелами помещение.

Лехерен была там. Острие её длинного меча касалось шеи дженази в алом кожаном плаще кабала. Этот плащ был разрисован чёрным узором в виде изломанной спирали. На задней стене виднелся тот же символ — прямо над знаком пламени и квадратом.

В яблочко, — подумал Чант.

Дженази метнул на них полный ужаса взгляд, а затем вновь уставился на Лехерен.

— Повторяю — мне нужны объяснения, рекрут. Что, во имя Каршимиса, ты тут делаешь?

— Я... просто стою на страже, лейтенант!

Всё помещение, за исключением задней стены, было обвешано алой тканью, неаккуратно закреплённой на держателях для факелов. Ещё тут находился старый диван, накрытый ещё одним отрезом полотна. Лежавший на нём рулон той же ткани, очевидно, служил охраннику подушкой. Неподалёку стоял грубо сколоченный стол, стул и пара бочонков.

— Что за символ ты на себе намалевал?

Дженази снова посмотрел на новоприбывших.

— Отвечай! — рявкнула Лехерен.

— Символ Старейшего Стихийного Ока, лейтенант! — поспешно переведя на неё взгляд, пропищал он.

— И, — произнесла Лехерен тихим, ничего не выражающим голосом, — сколько же времени ты работаешь на это Стихийное Око здесь, в подвалах Материнского Дома?

— Недолго! Меня завербовали всего несколько десятков дней назад!

— Почему ты решил предать своих товарищей по кабалу?

— Предать? Лейтенант Джетт сказал, что, лишь узнав о Старейшем Стихийном Оке,

можно вступить в ряды внутреннего круга кабала! Я думал, что это повышение...

Лехерен отвесила ему сильную оплеуху, и он рухнул на пол.

— Свяжите его, — приказала она, устремив на охранника разгневанный взгляд. — Ты идиот! Нет никакого внутреннего круга! У тебя мозги вообще есть?

С помощью одного из отрезков алой ткани Чант принялся тщательно связывать дженази. Демаскус следил за пленником. Тот выглядел оглушённым — то ли из-за удара Лехерен, то ли из-за её слов. Возможно, и того, и другого.

Лехерен и Рилтана принялись рассматривать стену и три нарисованных на ней символа. Воровка протянула руку, чтобы коснуться одного из них, но лейтенант стремительным движением отбросила её ладонь в сторону.

— Эй! — воскликнула Рилтана.

— Извини. Здесь что-то не так, — Лехерен повернулась к пленнику. — В чём подвох? Если он есть, то самое время рассказать нам об этом, пока мы не успели активировать какую-нибудь ловушку.

— Да, — добавил Чант. — Ибо в таком случае мы вряд ли будем по-прежнему склонны проявлять к тебе снисходительность.

Многозначительно вскинув бровь, Демаскус провёл рукой по шарфу. Чант подумал, что этот жест произвёл на пленника куда более сильное впечатление, чем слова его и Лехерен вместе взятые.

Охранник закашлялся.

— Тут три шага, — произнёс он. — Нажмите каждый из символов дважды — сначала пламя, затем квадрат, затем спираль, именно в таком порядке. Иначе сработает некое проклятье. Какое — понятия не имею.

— И что же ждёт нас там, внизу? — спросила Рилтана. — Ещё больше стражей?

— Этот путь не слишком популярен. На моей памяти им пользовались всего однажды, и сам я внизу никогда не бывал. Я видел только лестницу. Она не охранялась.

Несколько мгновений Лехерен продолжала сверлить его взглядом, а затем поднялась на ноги и начала дотрагиваться до символов в том порядке, о котором говорил пленник. Чант задержал дыхание.

Небольшое помещение наполнил скрежет камня о камень. Одна из секций стены опустилась. За ней была ведущая вниз лестница с широкими ступенями.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

— Пылающие владения! — выругался Демаскус, ударившись на полпути о низкий потолок.

Остановившись, Лехерен смерила его обвиняющим взглядом. Смущённый тем, что затерялся в мыслях и чуть не упал, он жестом велел ей продолжать спуск. Несмотря на все усилия, ему так и не удалось извлечь из своей памяти хоть что-то относительно Калкана или Старейшего Стихийного Ока. И всё же по крайней мере один из них, а, скорее всего, оба, желают его смерти! Он не мог думать ни о чём другом.

Осознав, что он никак не желает прокомментировать свою неожиданную вспышку гнева, Лехерен сердито встряхнула головой. При этом она пошатнулась, словно ощутив приступ головокружения. Демаскус опустил ей руку на плечо, чтобы поддержать, но она отстранилась.

— Я в порядке.

Он так не считал. Когда они встретились в первый раз, её глаза имели небесно-голубой цвет, но сейчас они были так налиты кровью, что казалось, будто её зрачки плавают в алых кристаллах. Лишь сила воли помогала ей оставаться на ногах, но долго так продолжаться не может.

Она продолжила спускаться по узкой лестнице.

Следует ли ему настоять на том, чтобы она вернулась наверх и отдохнула? Ещё немного, и она упадёт от усталости.

Но нет. Лехерен, разумеется, откажется, и это приведёт лишь к очередному бессмысленному спору и задержке.

Он обернулся, чтобы проверить, следуют ли за ним остальные. В ответ Чант слегка махнул рукой. Кивнув, Демаскус продолжил идти за ней.

Он терпеть не мог тесные пространства. Из-за того, что стены находились так близко, его глаза заливал пот, а желудок скрутило. Не говоря уже о боли в том месте, где он ударился головой. Если кто-то решит напасть на них здесь, их шансы окажутся не очень-то велики...

Наконец Лехерен добралась до конца лестницы. Слава всем богам света и тьмы! Подавшись вперёд, Демаскус заглянул ей через плечо. Там оказалась широкая пещера, стены которой состояли из базальтовых пород. Свет закреплённых на стенах бездымных факелов лишь отчасти разгонял царящий в ней полумрак. В центре её находились трое дженази в плащах кабала Огненного Шторма, рукава которых украшали повязки с изображениями изломанной чёрной спирали.

Женщина стояла, опираясь о груды коробок. Двое мужчин явно спорили о чём-то. Один из них указывал на широкий, ведущий вглубь проход, а второй — в противоположном направлении. Похоже, что их спор касался того, куда следует отправить эти коробки.

Больше здесь не было ничего примечательного, за исключением широкой квадратной колонны, вдоль каждой стены которой поместилось бы пятеро стоящих плечом к плечу мужчин. На двух видимых гранях Демаскус разглядел резные рисунки, окрашенные в чёрный и зелёный цвета, но ему так и не удалось разобраться, что именно было там изображено.

— Да плевать мне! — заорал высокий водный дженази. — У Ропота уже достаточно пчёл! Ему не нужно больше, и я не собираюсь оказаться тем, кто сообщит ему неприятные известия!

— Мы получили приказ собрать столько пчёл, сколько удастся, — произнёс лысый мужчина с алыми линиями *зулдар* на лице. Тон его голоса был упрямым и вызывающим.

— Это было десять дней *назад*, тупоголовый! Теперь мы ищем скорпионов и муравьёв. А ну-ка быстро убрал отсюда этот хлам, пока Ропот не прознал, сколько времени вы потратили зазря! — высокий водный пнул одну из коробок.

Оттуда раздался гул множества рассерженных пчёл. Женщина поспешно отшатнулась назад.

— Жаль, что столько трудов пропадёт зря, — протянул споривший дженази.

— Знаешь, что будет по-настоящему жаль? Если Ропот решит наказать вас, а затем и меня — за то, что мне хватило глупости пригласить вас во внутренний круг! Хотите обзавестись жильём у края ямы?

Алые линии *зулдар* огненного дженази тут же погасли, глаза его расширились от страха.

— Но мы же клялись в верности Оку...

— Не будь идиотом. Оку вы прекрасно послужите и в качестве корма для ямы. Даже лучше, чем сейчас.

Корма для ямы? — задумался Демаскус. Ему представилась зубастая дыра, зияющая в земле.

Но, чем бы эта яма ни являлась на самом деле, она, очевидно, и правда представляла собой нечто ужасное. Двое дженази, отвечающих за груду коробок, тут же забрали их и поспешно удалились туда, куда их отослал водный.

Лейтенант Лехерен стремительно вошла в пещеру.

— Отродье маринованной в моче пивяки! — выругалась Рилтана. Демаскус не мог с ней не согласиться. Он и сам предпочитал действовать напрямик, но для этого требовалось подходящее время и место. Обитель демонопоклонников этим критериям явно не соответствовала. Хотя... может, у неё есть план?

— Эй, ты, — произнесла Лехерен властным голосом. — А ну-ка объясни, что здесь только что произошло.

Увидев её, дженази задрожал. Затем он, очевидно, сделал попытку проглотить собственный язык, но лишь разразился хриплым кашлем.

Положив руки на бёдра, Лехерен устремила на него выжидающий взгляд.

— Стоит ли нам присоединиться к ней? — шёпотом спросил Чант. Он подошёл так близко, что Демаскус мог ощущать его дыхание у себя на шее.

— Нет. Полагаю, она пытается притвориться одной из членов культа. Если мы сейчас покажемся, это может всё усложнить.

Справившись с приступом кашля, мужчина опустился на одно колено и склонил голову.

— Прощу, примите мои извинения, — произнёс он. — Я не заметил вас. Откуда вы...

— Это не имеет значения, — оборвала его Лехерен. — Юриэль, не так ли? Я тебя помню.

— Эм... вам известно моё имя? — произнёс водный. Его голос слегка дрогнул.

— Юриэль! Сосредоточься! Что за проблема с этими пчёлами?

Юриэль устремил взгляд туда, куда удалились два других кульгиста. Судя по выражению его лица, он отчаянно хотел поменяться с ними местами.

— Небольшое недопонимание, ничего серьёзного, — сглотнув, сказал он. — Один из посланных на сборы отрядов не получил сообщение, что пчёлы нам больше не нужны.

— Для ямы, — произнесла Лехерен слегка вопросительным тоном.

Руки Юриэля затряслись, и он кивнул. Проклятье, да *что* это за яма такая? Не стоит ей продолжать расспросы — это может показаться ему подозрительным.

— Вставай, — велела лейтенант.

Водный съёжился.

Просто поразительно! Этот мужчина до смерти боялся её. Должно быть, он решил, что в их тайном культе она занимает не менее высокое положение, чем в кабале Огненного Шторма. Судя по всему, порядки здесь царили весьма суровые.

— Ты слышал мой приказ, Юриэль! Мне требуется, чтобы ты мне кое-что сообщил.

Водный поднялся на ноги.

— Так-то лучше, — отметила Лехерен. — А теперь отвечай — лейтенант Джетт Вар здесь, внизу?

— Полагаю, что да, — Юриэль указал на тоннель, куда хотели отнести свой груз дженази с пчёлами. — Там, возле ямы. Разбирается с повторным обвалом.

— Повторным обвалом?

Юриэль смерил Лехерен странным взглядом.

Упс, — подумал Демаскус. — Очевидно, предполагалось, что ей должно быть об этом известно.

Он крепче стиснул рукоять меча.

В молчании Лехерен продолжала сверлить своего подчинённого взглядом.

— Ах, да, — наконец произнёс Юриэль. — На часть тюремных камер обрушился потолок. Развалины Материнского Дома всё ещё нестабильны. Мы продолжаем раскопки, ищем выживших пленников. Но вы уже знаете об этом, ведь...

— Конечно, знаю, — оборвала его Лехерен. — Теперь убирайся отсюда. Я хочу побыть в одиночестве, а твоё присутствие меня раздражает.

— Да... лейтенант, — произнёс Юриэль. Пару мгновений он продолжал наблюдать за ней, словно ожидая какой-то реакции. Затем он слегка поклонился. Демаскус заметил, что это сильно отличалось от той почтительности, которую он проявлял вначале. Не стоит ли ему броситься вперёд и напасть на водного? Он явно стал подозревать, что Лехерен не из их числа!

Слишком поздно. Юриэль почти бегом устремился к выходу из пещеры. Через пару секунд Демаскус услышал стук захлопывающейся двери.

Лехерен посмотрела на лестницу, где скрывались её спутники.

— Выходите.

Подойдя к ней, они принялись осматривать пещеру. Пусто, — подумал Демаскус. Но, если им придётся драться, то здесь, по крайней мере, достаточно места, чтобы он мог воспользоваться и мечом, и шарфом. При мысли о сражении он ощутил не тревогу, как во время спуска по узкой лестнице, а предвкушение.

— Теперь что? — спросил Чант.

Лехерен и Демаскус обошли колонну, изучая вырезанные на ней фигуры. Две из них изображали огромных тварей со множеством щупалец, а другие две — состоящих из пылающей магмы существ, от которых исходил дым.

— Это что-то новенькое, — пробормотала Лехерен. — Я не бывала здесь уже много лет. Интересно, давно ли культ тут обосновался?

— погоди, — произнёс Демаскус. — Полагаю, Юриэль уже понял, что ты не являешься членом их секты. Нужно двигаться дальше, пока он не привёл подкрепления. Скорее всего, сейчас он уже собирает своих людей.

— Согласен, — сказал Чант. — Он назвал тебя лейтенантом — но это твоё звание в кабале Огненного Шторма. Наверное, это был тест. Судя по всему, высокопоставленных членов культа именуют иначе, как-то вроде «Великого Стихийного Воплотителя», а то и похлеще.

— Хорошо, — отвернувшись от резных фигур, Лехерен направилась ко входу в широкий тоннель. — Юриэль сказал, что Джетт где-то там.

— Как и яма, — добавил Демаскус. — Чем бы она ни являлась.

Этот коридор был также освещён множеством бездымных факелов. По обеим сторонам его виднелись входы в боковые тоннели, а в конце находились огромные двустворчатые врата.

Лехерен оказалась у них первой. Она потянула за железное кольцо, вмурованное в одну из створок.

— Заперто, — констатировала она, разжав руку.

Подойдя к двери, Демаскус изо всех сил дёрнул кольцо. Послышался скрежет, но дверь не поддавалась.

— Предоставьте это мне, — Чант вытащил набор отмычек и склонился над замочной скважиной. Да уж, — подумал Демаскус, — слава владыкам света, что хоть одному из нас хватило мозгов проявить смекалку. Хотя, раз уж я обладаю полузабытыми умениями высококлассного убийцы, не должен ли я обладать более тонким подходом к подобным вещам?..

Подойдя ближе, Рилтана принялась наблюдать за работой ростовщика. Пальцы Демаскуса подрагивали при каждом повороте инструментов Чанта — мышечная память подсказывала ему верные движения.

В недрах механизма раздался щелчок. Подняв голову, ростовщик ухмыльнулся Рилтане, затем перевёл взгляд на Демаскуса и принялся убирать свои инструменты.

Двери легко распахнулись. За ними оказался ещё один коридор. Вдоль его стен стояло множество клеток, в которых находились измученные пленники. Многие из них сидели или лежали, часть была прикована к железным решёткам кандалами. На их лицах было написано отчаяние. Некоторые из заключённых выглядели столь истощёнными, что казалось удивительным, как в них ещё теплится жизнь.

Демаскуса охватил гнев, холодный и чистый. Кто бы ни стоял за этим, он ответит за свои злодеяния. Такому не может быть прощения — никогда. Его руки крепче стиснули ткань Вуали.

Дальше по коридору потолок частично обрушился, похоронив под собой несколько тюремных камер. Завал расчищала группа культистов. Лопатами они с характерным чавканьем зачерпывали грязь и швыряли её в повозки, а слишком большие камни поддевали железными монтировками.

Джетта среди них не оказалось. Впрочем, это не имеет никакого значения — на находящихся здесь ублюдках также лежит часть вины за происходящее. Демаскус посмотрел на ближайшего из них. Поверх рукава плаща кабала культист носил повязку с символом своей новой веры. Ты мой, — подумал он, и его пальцы слегка закололо от предвкушения.

— Стоять! — послышался вопль. Это заставило его прийти в себя. Неужели возбуждение, охватившее его при мысли о возможной резне, оказалось столь сильно? Он почувствовал смущение и стыд.

Но кто же кричал? Это явно не игра его воображения... Развернувшись, он увидел, что у входа в коридор стоит Юриэль в сопровождении отряда культистов.

— Нас раскрыли, — с этими словами Рилтана обнажила короткий меч.

— Внутрь! Закройте дверь! — заорал Демаскус.

Он поспешно затащил Лехерен и Чанта за порог. Карменере и Рилтана последовали за ними. Вместе с воровкой они захлопнули ворота. С той стороны раздался стук впивающихся в древесину арбалетных болтов. Чант поспешно запер замок, а Карменере на всякий случай опустила засов. Снаружи послышались приглушенные, полные ярости крики. Среди них отчётливо выделялся голос Юриэля.

— У кого есть ключ? Ключ! Так раздобудьте его!

— Сколько у нас времени? — спросил Демаскус Лехерен. Она пожала плечами.

— Нужно отыскать Джетта и заместителя командующего. Пора положить этому конец.

Занятые расчисткой завала культисты прекратили работу. В страхе и смущении они уставились на Лехерен.

— Где Джетт? — рявкнула она.

В дверь ударило что-то тяжёлое. Очевидно, Юриэлю так и не удалось отыскать ключ. Один из рабочих нерешительно поднял руку, указывая в дальний конец коридора.

Как будто по его сигналу там появился Джетт в сопровождении ещё одного дженази. Татуировка на шее предателя бросалась в глаза ещё больше, чем в тот раз, когда Демаскус впервые встретился с ним. Его лицо было искажено от гнева, однако, когда он увидел Демаскуса, то явно удивился.

Потом его взгляд упал на Лехерен, и его глаза расширились.

Она направилась к нему, стуча каблуками сапог по каменному полу. Демаскус последовал за ней, держась на шаг позади. Пройдя мимо ошарашенных рабочих, держащих в ослабевших руках лопаты, Лехерен встала лицом к лицу с объектом своего гнева. Джетт не двинулся с места, но сопровождавший его культист — внезапно Демаскус узнал его, дженази по имени Гарел — отшатнулся назад.

Лехерен уставилась на своего коллегу по должности. Его рот открылся, но оттуда не вылетело ни звука.

Затем она отвесила ему оплеуху, такую же сильную, как и первому встреченному ими изменнику. Голова Джетта дёрнулась. Остальные культисты изумлённо задохнулись; один из них издал слабый, полный ужаса всхлип.

Но реакция Джетта оказалась совершенно иной. Он потёр щёку, на которой алел след от удара. Затем его губы медленно изогнулись в улыбке, и он расправил плечи.

Демаскус осознал, что страх полностью покинул его. Почему же?

— Лейтенант Лехерен, — произнёс Джетт. — Учитывая произошедшее, я боялся за твою безопасность. Но ты здесь, и, как всегда, полна энергии. Ты даже сумела найти друзей.

— Сдавайся, Джетт, не то я убью тебя и всех, кто находится внизу. Как ты вообще мог

подумать, что тебе удастся безнаказанно основать в кабале Огненного Шторма культ демонопоклонников?

— О, понятия не имею, — легкомысленно произнёс он. — Возможно, потому, что за этим стоит кое-кто ещё?

— И кто же? — спросила Лехерен. — Заместитель командующего?

Джетт фыркнул.

— Нет. Демон. Он зовёт себя Ропотом.

Из ближайшей к нему клетки появилось чудовище, словно призванное этим именем. В когтистой лапе оно держало обмякшее тело дженази. Фигура монстра напоминала человеческую, но лишь отдалённо. Его руки представляли собой идеальные инструменты убийства. Рта у него не было — на его месте находилась лишь россыпь мигающих алых кристаллов.

Вуаль взвилась в воздух. Облизнув губы, Демаскус наставил клинок на чудовище.

— Ропот? — спросил он. Эта тварь являла собой воплощённый ночной кошмар, нарушение законов мироздания и...

— Едва ли, — ответил Джетт. — Всего лишь одно из его творений. Его имя — Разрушитель Порталов.

— Демон? — спросил Демаскус.

— Вроде того, — с губ Джетта сорвался смешок.

Сузив глаза, Демаскус уставился на него. Ненавижу этого типа, — подумал он. — Наверное, мне стоит прикончить его прямо здесь и сейчас.

Выронив безвольное тело пленника, Разрушитель Порталов направился к ним.

— Останови его! — приказала Лехерен.

Внезапно оттуда, откуда они пришли, раздался оглушительный грохот. Запертые врата рухнули на пол. В дверном проёме стоял Юриэль и несколько других культистов.

— Ублюдские свинолюбы! — воскликнула Рилтана, устремляясь к ним. Карменере поспешно последовала за ней. Значит, придётся сражаться на два фронта. Плохо. Демаскус автоматически отметил расположение Юриэля и его людей, прикинув, как они могут действовать в ближайшем будущем и многих ли удастся задержать его товарищам. Немного времени у него есть.

Разрушитель Порталов бросился в атаку, и Демаскус сосредоточил всё своё внимание на нём. Несмотря на свои многочисленные глаза, монстр абсолютно не обращал внимания на стоящую у него на пути Лехерен, словно она была для него невидима.

Не стоило ему этого делать; когда он пробежал мимо неё, лейтенант стремительным взмахом меча отсекал ему руку. Из обрубка брызнул яркий ихор.

Не издав ни единого звука, чудовище развернулось. По всему его телу распахнулись новые глаза, из которых исходило алое сияние. Очевидно, то, что заставило тварь вначале проигнорировать её, больше не действовало.

Воспользовавшись тем, что всё внимание демона было приковано к Лехерен, Демаскус бросился к нему, дыша коротко и неглубоко.

Во время сражения с Инакином по пути к дому Карменере он обнаружил, что сумрак, как и создаваемый его клинком свет, тоже может быть полезен. Тени могли превращаться в нечто почти материальное, в покров тьмы, готовый подчиниться его воле. Сумеет ли он повторить этот фокус?

Пламя освещающих коридор факелов трепетало, и тени смещались слишком быстро,

чтобы он успел их схватить — все, кроме той, которую отбрасывала завязанная на рукояти его меча Вуаль. Тень его шарфа удлинилась, словно чёрная лента, развевающаяся под порывами холодного ветра, который дул по тёмному отражению находящегося в реальном мире коридора. Во имя всех владений, что же я вижу?

Уцелевшей рукой отбив удар меча Лехерен, монстр схватил её за шею и вздёрнул в воздух. Её рот распахнулся в беззвучном крике, а глаза расширились. Выронив клинок, со звоном упавший на пол, она обеими руками отчаянно вцепилась в сомкнувшиеся на её горле пальцы.

— Отпусти её! — с этим воплем Демаскус схватил тень Вуали. На монстра словно опустился покров прозрачной тьмы, поглотив его. При виде того, что открылось его глазам, Демаскус не сдержал удивлённого вскрика. Ничего не заметив, Разрушитель Порталов продолжал сжимать шею Лехерен. Она отчаянно дёргала в воздухе ногами, но безуспешно — демон был слишком силён!

Однако... у него имелись и изъяны. Сквозь теневую завесу Демаскус узрел физическое и психическое строение своего противника. В его плоти сверкали семь разноцветных сгустков энергии, пульсировавших в разном ритме. Когда он взглянул на каждый из них, ему открылись знания о сильных и слабых сторонах Разрушителя Порталов.

Он сразу же понял, что задушить его не удастся. В шее демона мерцала голубоватая точка. В отличие от большинства живых существ, он не нуждается в циркуляции крови и доступе к воздуху. Потому что... живым-то он и не был! Он представлял собой нечто вроде магического конструкта, состоящего из духовной энергии, демонического ихора и чудовищной воли. Как и любое существо, обладающее физическим телом, он мог быть повержен при помощи оружия, но у него также имелась уязвимость иного рода.

Там, где у смертных находилось солнечное сплетение, пульсировал сгусток жёлтого света. Сквозь завесу теней Демаскус увидел, что он состоял из множества энергетических линий, сплетающихся между собой, словно нити в клубке белошвейки. Скользя вперёд, Демаскус на всю длину вогнал клинок в спину чудовища, пронзив это сияние насквозь.

Все глаза Разрушителя Порталов одновременно вспыхнули, рассылая по окрестностям лучи алого света. Его ноги подогнулись. Монстр упал, и его глаза угасли.

Лехерен рухнула на землю одновременно с ним. Она не двигалась — это плохо!

Завеса тьмы, которой он накрыл демона, исчезла — или исчезла его способность её видеть. Но она уже сыграла свою роль. Тело твари начало испаряться.

Демаскус поспешил к Лехерен. Она не дышала.

— Владыки света, помогите мне! — прошептал он, роясь в поясных карманах в поисках исцеляющего зелья Чанта.

Он увидел, как Рилтана пронзила огненного дженази насквозь, а затем, чтобы уйти от ответного удара, взмыла в воздух, словно лист на ветру. Карменере прикрывала её, орудуя сияющей лунным светом булавой. Укрывшись за перевёрнутой стойкой с пыточными инструментами, Чант отстреливал тех культистов, которым хватало неосмотрительности задержаться на одном месте слишком надолго. Коридор был не слишком широк, и они неплохо справлялись...

— Демаскус.

Обернувшись, он увидел, что Джетт стоит, расслаблено опустив руки. Почему он не вступает в бой?

— Твой демон мёртв, — произнёс Демаскус, продолжая шарить по карманам в поисках

небольшого целебного эликсира с голубой жидкостью. Он был уверен, что прихватил один из них с собой...

— Ропот может сотворить и других, каждый из которых будет вдвое сильнее и ужасней этого. Он создаёт их из кошмаров. Уже целая стая набралась, — ухмыльнулся Джетт. Стоящий рядом с ним дженази, Гарел, согласно кивнул, хотя выглядел он вовсе не так невозмутимо.

— Ясно. Но где же этот Ропот? И его демонические кошмары? И хватит уже кличек. Мне известно, что Ропот — это заместитель командующего, — разумеется, Демаскус вовсе не был в этом уверен, но, возможно, таким образом ему удастся заставить Джетта раскрыть истинную личину демона.

Джетт покачал головой.

— Он терпеть не может, когда к нему обращаются, как к личности. Это самый быстрый способ окончить свои дни в яме.

Чего же ждёт этот Джетт? Почему на его лице написано столь самодовольное выражение?

— Хорошо, будь по-твоему, — произнёс Демаскус. — Так где это существо? Где Ропот?

Ему так и не удалось отыскать исцеляющее зелье. Он дотронулся пальцем до шеи Лехерен. Пульса не было, и тело уже начало остывать. О боги, она мертва...

Сделав шаг вперёд, Гарел попытался пнуть Демаскуса, но он увернулся и, вскочив на ноги, попятился от тела Лехерен, выставив перед собой клинок. По обеим сторонам лезвия плясали мигающие огоньки.

Гарел фыркнул.

— Спасибо за то, что вернул её.

Лейтенант Лехерен села. Её голова начала поворачиваться, как у марионетки, пока её взгляд не упал на Гарела. Она жива! — мысленно воскликнул Демаскус, невольно улыбнувшись. С ней у них есть шанс выбраться из этой передряги...

Внезапно Лехерен протянула руку вперёд. Её пальцы с силой сомкнулись на лодыжке Гарела, и он завопил от боли. Подтащив его к себе, она глубоко впиалась зубами в ногу дженази, словно в кусок жареной курицы.

— Что она делает? — спросил Чант неверящим тоном.

— Я голоден, — произнёс нечеловеческий голос, в котором не было ни тепла, ни радости, ни надежды. Демаскус вздрогнул. Этот голос раздавался изо рта Лехерен, но принадлежал не ей.

Её усталые и налитые кровью глаза превратились в алые блестящие шары цвета крови. Линии *зулдар* вспыхнули тем же металлическим красным светом. Создавалось впечатление, что её кожа вот-вот лопнет.

Демаскус пребывал в полном замешательстве. Неужели Разрушитель Порталов заразил её некой демонической болезнью?

— Объяснись, слуга, — произнесла Лехерен скрежещущим бездушным голосом, который лишь отдалённо напоминал её прежний.

Гарел издал ещё один вопль. Небрежным движением она встряхнула его. Изменник упал, раздавался хруст ломающихся костей. Он захрипел, скрежеща сломанными зубами.

— Мой владыка Ропот, — произнёс Джетт. Его страх снова вернулся, но, тем не менее, он продолжил говорить. — Мы потеряли ваш сосуд, когда клетка, в которой его держали, оказалась разрушена из-за обвала. Мы волновались за вашу безопасность.

— Что... кто... — Демаскус запнулся. — Так это *ты* — предводитель культа! — воскликнул он, обращаясь к Лехерен. — Получается, ты всё время лгала мне?

Лехерен аккуратно повернула голову. Взгляд её ужасающих глаз устремился на него. Нет, эти глаза принадлежали уже не ей. *Ему*. Та тварь, что завладела её телом, больше не являлась Лехерен. Это был Ропот.

Увидев Демаскуса, демон побледнел. Его рот неестественно широко распахнулся, и оттуда раздался вопль, похожий на крик демонического младенца. Этот звук пронзил череп Демаскуса, словно молотом ударив по его разуму. Выронив меч, он обеими руками схватился за пульсирующую голову в попытке хоть как-то облегчить мучительную боль.

Воспользовавшись этим, Ропот отскочил назад, словно гигантское насекомое. Так и не выпустив тело Гарела из рук, он неловко приземлился позади Джетта.

— Это он, — прохрипел демон.

Да что здесь происходит? У Демаскуса возникло чувство, что его мозг погрузили в кипящее масло. Стиснув зубы, он закричал:

— Чант! Рилтана! Сюда!

Но они были заняты сражением с очередной волной культистов. Нагнувшись, Демаскус трясущейся рукой поднял меч. Вуаль светилась и трепетала, а её тень удлинялась и извивалась, словно живое существо.

— Слияние уже близко! — взревел Ропот, возложив руку на лоб Гарела.

— Что вы делаете? — спросил Джетт, отступая назад.

— Обет этого смертного, который принёс клятву верности Старейшему Стихийному Оку, исполнен! — провозгласил Ропот.

Оба они — и Гарел, и демон — издали вопль. Все линии *зулдар* на теле Лехерен распахнулись. Её кожа начала сползать, обнажая мышцы, внутренности и кости. Вместо крови по её венам хлынула кристаллическая жидкость, от которой исходило алое сияние Бездны.

Когда эта субстанция распространилась по всему её организму, тело Гарела начало иссыхать. Его вопли превратились в захлёбывающиеся хрипы. Его конечности покрылись морщинами и скрючились, а затем обратились в пыль. Последними его словами были:

— Нет, моя душа...

И его не стало. Как и Лехерен.

Остался только монстр, который занял её труп. Руки демона стали глянцево-чёрными с фиолетовым отливом. Их обвивали пульсирующие артерии, в которых текла алая жидкость. Нижняя часть его тела превратилась во множество красных кристаллических щупалец. Его челюсти распахнулись неестественно широко, и он издал триумфальный вопль. От этого пронзительного кошмарного звука Демаскуса пронзила боль; ему показалось, что ему в живот воткнули кинжал.

— Слияние завершено! — проревело чудовище. — На этот раз, Демаскус, всё будет совсем по-другому!

На этот раз? Да какая разница, что он там несёт! Будучи демоном, Ропот явно пытается играть с его разумом. В любом случае, я должен убить его, — подумал Демаскус. — Немедленно.

Ухватившись за тень Вуали, он взмахнул ей, и её свободный конец накрыл Ропота. Сквозь завесу тени, которую мог видеть только он сам, Демаскус посмотрел на демона.

— Боги, — прошептал он. Уверенность оставила его. — Как мне вообще сражаться с

этим?

В полуматериальном меняющемся теле чудовища мерцало семь стустков энергии. Источником его жизни являлась жидкая кристаллическая субстанция, которая текла по его венам. Она казалась во всех смыслах *неправильной*. Ей не место на Фаэруне. Или даже... в самой вселенной.

Ропот заметно увеличился в размерах. Он простёр обвитые алыми венами руки, проломив двери двух стоящих друг напротив друга клеток. Его пальцы, словно охотящиеся орлы, стремительно вонзились в головы находящихся там пленников. Когда демон вытащил их, в каждой его ладони извивалось по нематериальному кошмару.

Демаскус отступил назад. Это уже слишком! Он пребывал в полном замешательстве. Ему нужно...

Ропот отпустил только что вырванных им из разумов своих жертв кошмаров. Их новообретённые демонические тела начали расти и принимать чёткие очертания. Один из них выглядел, как помесь скорпиона с бараном. Другой же представлял собой повизгивающую и пузырящуюся массу слизи. Что за чудовищные твари!

Стусток слизи заскользил к нему. Взрыв в воздух, похожий на скорпиона демон побежал по потолку, двигаясь куда стремительней, чем его собрат. Он обрушился на Демаскуса сверху. Эту атаку ему удалось заблокировать мечом, но увернуться от второй твари он уже не успел. Его начала обволакивать влажная холодная субстанция. От содержащегося в ней яда его кожа онемела.

— Бегите! — заорал Демаскус своим друзьям. Он больше не чувствовал ни рук, ни ног. В ушах его эхом отдавался хохот Ропота.

Он снова закричал, пытаясь велеть Чанту, Рилтане и Карменере убираться отсюда, пока не станет...

Слишком поздно.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Должно быть, её хорошенько огрели по голове, а затем долго тащили по разбитым камням. Всё её тело было покрыто синяками и ссадинами, а во рту ощущался привкус крови.

Застонав, Рилтана открыла глаза. От мигающего зеленоватого света её зрение плыло. Она попробовала дотянуться до головы, но оказалось, что её руки были прикованы кандалами к решётке. Тупая боль в рёбрах, спине и голове напомнила ей о том, как культисты окружили её и избили до потери сознания.

В этой пещере находилось множество клеток, подобных той, в которой она оказалась. Некоторые из них были вмурованы в камень, некоторые же свисали с потолка, словно вольеры для птиц. Часть из них пустовала, а заточённые в других пленники выглядели измождёнными и отчаявшимися.

Рядом с ней был прикован незнакомый мужчина с выпученными глазами. Его одежда превратилась в ошмётки, и он непрерывно бубнил себе под нос.

— Тихо, ты, чокнутый личинколюб! — прошипела она, но безумец и не думал затыкаться. Срывающийся с его губ поток бреда перекрывало непрерывное щёлканье и жужжание.

Рилтана, которая была прикована к передней части клетки, до боли вывернула голову, чтобы взглянуть на то, что находится позади неё.

В центре пещеры оказалась огромная глубокая яма, из которой и доносился этот мерный гул. Там кишело множество насекомых — пчёл, муравьёв, молей, скорпионов, жуков. И тараканов! Она терпеть не могла тараканов, в особенности тех, которые размерами не уступали кошке Чанта. Похожие на светлячков со жвалами твари испускали пульсирующее холодное свечение, которое было достаточно ярким, чтобы озарить даже самые дальние уголки пещеры.

Возле краёв ямы валялось множество костей, на которых не было ни единого клочка плоти. Их покрывали выщербины, оставленные мандибулами насекомых.

Неужели это происходит взаправду? — подумала Рилтана. Её горло сдавило.

Она отвела взгляд от ямы. Где же её друзья? Ох, ведро с гноем, где Карменере?

Там! Через две клетки от неё. Жрица безвольно висела в кандалах, её голова была опущена. Ни оружия, ни брони при ней не оказалось. Глаза ей завязали повязкой, а по лбу струилась кровь.

Рилтану охватила ярость, полностью вытеснившая из её сердца скручивающий кишки страх. Как они посмели причинить Карменере вред?! Кто-то за это непременно заплатит.

Её броня со спрятанными в ней кинжалами, отмычками и прочими инструментами её ремесла также исчезла. Но её пленители так и не догадались снять с неё перчатки. Значит, вскоре она окажется на свободе! Но не может же она оставить Карменере в таком

положении? Следовательно, придётся проявить осторожность, чтобы её действия остались незамеченными. Интересно, куда эти ублюдки спрятали её вещи...

- Скажи, что тебе нужно! — разнёсся по пещере громкий голос. Это... это был Демаскус!

Посмотрев налево, она увидела его. Клетка, в которую поместили дэва, висела прямо над кишасей насекомыми ямой. Его запястья и лодыжки обхватывали кандалы, удерживая его распятым в воздухе. Культисты сняли с него всё, кроме нижнего белья. Оказалось, что похожие на татуировки узоры, покрывающие его кожу, находятся не только на его руках; переходя на плечи, они спускались вниз по спине, образуя рисунок, очень напоминающий меч.

Его глаза также закрывала повязка. Но те, кто притащил их сюда, очевидно, понятия не имели о том, что представляет собой Вуаль, потому что для этой цели они использовали именно её.

Чанта нигде не было видно, но она предположила, что ростовщик, должно быть, тоже находится в одной из клеток. Если, конечно, его кости не оказались в числе тех, что валяются у края ямы.

— Ропот! — взревел Демаскус. — Ответь мне!

Но вокруг по-прежнему раздавались лишь стенания пленников, которые бормотали молитвы, кричали или молили о спасении. Повысив голос, сосед Рилтаны выдал очередную порцию бессвязного бреда. Судя по всему, ни культистов, ни той чудовищной твари, в которую превратилась Лехерен, здесь не было.

Она подумала о том, не стоит ли ей окликнуть Демаскуса. В его голосе слышался надлом, свидетельствующий о том, что он находится на грани срыва. Возможно, если он узнает о том, что кому-то из его друзей повезло остаться в живых, то ему станет легче... Но нет. Глупо привлекать к себе излишнее внимание. Если ей удастся сбежать из клетки незамеченной, то после спасения Карменере она сможет попытаться освободить и его. Услышать дружеский голос во тьме, конечно, приятно, но не лучше ли будет оказаться на свободе?

Сведя вместе указательный и большой пальцы, Рилтана сосредоточилась на своих перчатках. В её руках появился небольшой кусок жёлтого мрамора — Камень Пленника, как она называла его, тот самый, который она некогда украла из глазницы статуи изначального по имени Каршимис. От облегчения её голова на миг пошла кругом.

— Ни решёткам, ни цепям, ни стенам темницы не удержать меня от спасительного света, — тихо произнесла она фразу, которая некогда явилась к ней во сне. С еле слышным звяканьем кандалы открылись. Прутья клетки под её ногами разошлись в стороны, словно вода, и она легко опустилась вниз, на землю. Свобода!

Доносящийся из ямы мерный гул сводил с ума: её край находился всего в шаге от её ног. Она принялась поспешно пятиться назад, пока её лопатки не коснулись стены пещеры. Пока всё шло хорошо. Пленники никак не отреагировали на её побег; охраны в поле зрения также не наблюдалось. Её губы раздвинула жестокая ухмылка.

Убрав Камень Пленника обратно в подпространство перчаток, Рилтана побежала к выходу из пещеры.

Возможно, культисты хранят имущество пленников в камере охраны, находящейся неподалёку от входа. Когда три года назад ей не повезло попасться в руки миротворцев Эйрспура, в городской темнице всё было устроено именно так. Она надеялась, что и здесь

тоже.

— Не оставляй меня, Госпожа! — внезапно завопил её сосед по клетке. — Вернись ко мне!

Вот же безумный придурок! Но на то, чтобы вернуться и заткнуть ему рот, не было времени.

Она оказалась в извилистом, созданном природой тоннеле, который был освещён факелами, закреплёнными во вмурованных в стены скобах из чёрного металла. Вход в боковое помещение виднелся всего в нескольких шагах впереди.

Ах-ха! Должно быть, это и есть камера охраны. Крадучись Рилтана направилась к ней и заглянула внутрь. Сквозь находящиеся в стене бойницы, ведущие в пещеру с ямой, пробивался мерцающий свет. И как она их раньше не заметила?

К счастью, никого из культистов здесь не оказалось. В ином случае её побег вряд ли бы остался незамеченным.

Войдя внутрь, Рилтана прильнула глазом к одной из бойниц. Демаскус, Карменере и Чант, который тоже оказался заточён в одной из клеток, по-прежнему находились на своих местах. Не волнуйтесь, — мысленно пообещала им она. — Я вытащу вас отсюда.

На высокой полке стояла груда деревянных тарелок с остатками засохшей пищи. Вдоль противоположной стены были расставлены несколько запечатанных бочонков с маслом для ламп и две большие бочки. В одной из них оказалась протухшая вода, в другой — прокисшее рагу. Под бойницами находились три широких сундука. Рилтана откинула крышку ближайшего из них.

Бинго! Из кучи вещей она достала свою чёрную кожаную броню. Надев её, она ощутила сильное облегчение. Как же приятно вновь чувствовать вес спрятанных в ней кинжалов и прочих инструментов её ремесла! Даже меч с гравировкой в виде снежинки, который она купила у Чанта, по-прежнему оставался в ножнах.

Также здесь находился массивный доспех Карменере, её булава и вычурный плащ Демаскуса. Наверное, остальные их пожитки также сложили сюда, но их было слишком много, чтобы унести за один заход.

Ухватившись за прикреплённую к передней части сундука ручку, Рилтана потянула его на себя. Он легко заскользил по полу, а скрежет металла о камень полностью заглушал доносящийся из ямы шум. Она выглянула наружу, чтобы проверить коридор — пусто — и вытащила сундук из камеры охраны.

Подтащив его к подвешенной под потолком клетке, в которой находилась Карменере, Рилтана взобралась на крышку и отодвинула задвижку двери. Не больно-то хорошо они охраняют своих пленников! — подумала она. Забравшись внутрь, она принялась трудиться над кандалами, приковывавшими жрицу к прутьям.

— Госпожа! Госпожа! Госпожа! — снова принялся вопить её бывший сосед. Стиснув зубы, она заставила себя закончить работу, дав себе обещание вернуться и хорошенько врезать безумцу, чтобы тот наконец заткнулся.

Карменере рухнула на пол. Сознание к ней так и не вернулось. Достав купленное у Чанта исцеляющее зелье, Рилтана влила его в её рот.

Глаза жрицы распахнулись. С души Рилтаны упал огромный камень. Улыбнувшись подруге, она прижала палец к её губам. Карменере потребовалась всего пара мгновений, чтобы разобраться в происходящем. Она потёрла запястья.

— Я пришла, чтобы спасти тебя, — прошептала Рилтана.

— Спасибо, — ответила серебряная звезда. — Ты вернулась за мной...

— Разве я могла тебя тут бросить?

Карменере улыбнулась, и Рилтана ощутила, что её сердце тает от захлестнувших её чувств.

— Приветствую, Бич, — разнёсся по пещере голос, доносящийся напрямиком из ночных кошмаров.

Ропот был здесь!

Демон стоял у края ямы. Его взгляд был устремлён вниз, словно там находилось озеро, в котором отражался его силуэт. В мерцающем свете, испускаемом отвратительными светлячками, его и без того гротескная фигура казалась ещё ужасней. Пленники разразились рыданиями и воплями ужаса.

— Ты меня слышишь? — спросил Ропот, обращаясь к кишачим насекомым.

Не смея заговорить, Карменере посмотрела на Рилтану. В её глазах читался безмолвный вопрос. Что же нам делать? Несмотря на охвативший её мучительный страх, Рилтана успокаивающе опустила ладонь ей на плечо.

Демон не заметил, что ей удалось выбраться на свободу и теперь она находится вовсе не там, куда её поместили его прислужники. Не заметил он и сундук, стоящий под клеткой Карменере. Если удача продолжит ей улыбаться, то, возможно, закончив играть с копошащимися в яме жуками, он просто уйдёт. Пожалуйста, — мысленно взмолилась Рилтана, — отвернись, покинь пещеру и не смей даже думать о том, чтобы смотреть в эту сторону!

— Ропот! — взревел Демаскус. Он что, нарочно хочет привлечь к ним внимание чудовища? — Я слышу тебя! Что тебе от меня нужно? Откуда ты меня знаешь?

Ублюдский любитель пиявок! Да что творит этот дэв? Не все из нас способны вновь вернуться к жизни, оказавшись убитыми из-за чьих-то идиотских поступков!

Увитый кристаллическими венами демон развернулся и посмотрел на Демаскуса. Глаза Ропота представляли собой водоворот алых кристаллов, которые то вспыхивали, то гасли. Рилтана содрогнулась. К счастью, его взгляд прошёл мимо неё и Карменере. Перебирая алыми щупальцами, демон, несмотря на свой вес, легко двинулся вперёд. Наконец он оказался прямо перед клеткой Демаскуса.

Дэв невидяще крутил головой. Его ноздри раздувались, жадно втягивая воздух.

— Я здесь, — произнёс Ропот. Его голос напоминал скрежет крысиных зубов. — Но ты, нечестивое создание, уже знаешь это, не так ли?

Дэв содрогнулся.

— Моё имя — Демаскус, — произнёс он.

— Мне плевать, как ты себя называешь. Я узнал тебя. Я видел тебя возле Материнского Дома. Ты следовал за мной сквозь множество измерений, и тебе почти удалось поймать меня, пока я был слаб и мог действовать лишь тогда, когда мой сосуд спит. Но я заметил тебя первым! Взгляни, куда привела тебя одержимость долгом — ты один и вскоре станешь пищей для ямы!

Демаскус опустил голову.

— Я не знаю, кто ты такой, — тихо произнёс он. — И понятия не имею, о чём ты вообще говоришь.

Отведя взгляд от разворачивающейся перед ямой сцены, Рилтана сжала плечо Карменере и указала на клетку, где находился Чант. Наклонившись к уху жрицы, она еле

слышно прошептала:

— Пока демон занят болтовнёй, я освобожу Чанта. Будь готова бежать к выходу.

— Когда? — тихо спросила Карменере.

— Ты поймёшь. Твоё оружие и броня находятся в сундуке, который стоит внизу.

Не отводя взгляда от спины Ропота, Рилтана направилась к выходу из клетки. Если демон начнёт разворачиваться в её сторону, она была готова моментально замереть на месте.

— Не лги мне! — заорал Ропот Демаскусу. — Ты и твоя шайка прервали ритуал и отправили нас в небытие! И теперь ты явился сюда, чтобы закончить начатое!

Добравшись до двери, Рилтана взвилась в воздух. Ветер подхватил её. Беззвучно вознесясь к потолку пещеры, она опустилась на крышу клетки, в которой держали ростовщика. Рилтана бросила быстрый взгляд на демона, но его внимание было по-прежнему приковано к Демаскусу. Продолжай занимать его разговором, — подумала она.

— Я тебя не знаю, — повторил дэв. — Первое, что я отчётливо помню — как я очнулся в святилище к западу от Эйрспура, где лежали тела убитых членов каба. У меня есть и иные воспоминания о Фаэруне... но тебя в них не было. Я вовсе не преследовал тебя. Тем не менее, ты меня знаешь и поэтому заманил меня сюда. Зачем?

— Святилище к западу от Эйрспура? — переспросил демон. Он простёр руку, и та начала удлиняться, пока не коснулась клетки, находящейся возле той, в которую заточили Демаскуса. — Которое окружает кольцо каменных колонн?

— Да, — ответил Демаскус.

Увеличившиеся в размерах пальцы Ропота отодвинули задвижку в сторону.

— Мне знакомо это место, — произнёс демон. — Я действительно посылал туда своих слуг и порождённых мною кошмаров.

Рилтана бесшумно спустилась на землю. В отличие от Карменере, Чант пребывал в сознании. Его взгляд непрерывно метался между ней и демоном, но ему хватило ума промолчать.

— Да, там находились и культисты, и монстры, — подтвердил Демаскус. — Все были мертвы, за исключением одного голодного мелкого паскудника, которого я самолично прикончил. Зачем ты отправил их в то святилище? Я думал, что они похитили меня, чтобы принести в жертву в некоем демоническом обряде...

Неспешно распахнув дверь клетки, Ропот схватил находящегося в ней мальчика. Глаза ребёнка широко распахнулись от ужаса, и он издал сдавленный вопль.

— Об этом месте мне рассказал один из моих прислужников, — произнёс Ропот. — Я отправил их туда, чтобы они собрали часть бурлящей там духовной энергии.

— Духовной энергии?

Вытащив мальчика наружу, демон вскинул его над головой. Бедняга принялся отчаянно вырываться, но силы оказались неравны — рука Ропота даже не дрогнула. Что же мне делать? — подумала Рилтана. — Если я попытаюсь вмешаться, меня ждёт та же судьба!

Слотнув, она заставила себя отвернуться от страшного зрелища. Отодвинув задвижку, она забралась внутрь клетки и достала свой набор воровских инструментов. Взгляд Чанта был прикован к демону и его жертве. Поспешно орудуя проволокой, Рилтана открыла первый замок. Внезапно ростовщик содрогнулся и беззвучно выдохнул «нет». По пещере разнёсся вопль.

Рука Ропота была пуста... Он швырнул мальчика в яму.

Гудение насекомых стало громче. Щелчки сталкивающихся жвал, стрекот осиных

крыльев, шорох трущихся друг о друга панцирей и шуршание паучьих ног почти сразу заглушили вопли пожираемого заживо бедняги. О боги!

Чант устремился к выходу, позабыв о том, что вторая рука его до сих пор была прикована к решётке. Из-за его рывка проволока чуть не выпала из рук Рилтаны.

— Не двигайся, не то мы окажемся следующими! — прошипела она.

— Питайся, Бич! — раздался голос Ропота.

— О чём ты говоришь? — воскликнул Демаскус срывающимся голосом. После гибели мальчика запал покинул его.

— Скоро узнаешь, — пророкотал демон. — И ты, и прочие, кто находится в этой пещере, а, возможно, и все остальные жители Эйрспура станут пищей для моего дремлющего собрата!

Пора отсюда сваливать. Руки Рилтаны дрогнули, и ей не удалось с первого раза вскрыть замок на втором браслете кандалов.

— Я... я понял. Почему же Бич дремлет?

— Из-за тебя! — взревел демон с внезапной яростью. Схватив клетку Демаскуса, он принялся трясти её, словно терьер — загнанную в угол крысу.

Рилтане удалось справиться с оставшимся замком.

— Все твои вещи находятся в сундуке, — прошептала она Чанту. — Он там, под клеткой Карменере. Видишь?

Растирая запястья, ростовщик кивнул. Он выглядел бледным и потрясённым, но в глазах его сверкала решимость.

— Мы заставим этого ублюдка заплатить за то, что он сделал, — пробормотал он.

— Нет! — выдохнула Рилтана. — Нам нужно всего лишь отвлечь его! Выпустим тех пленников, которые ещё не утратили волю к жизни, и пока Ропот будет гоняться за ними, освободим Демаскуса и сбежим, как перепуганные свинолюбы!

— Пленников я помогу освободить, — прошептал Чант. — А потом посмотрим.

Несмотря на свой немалый вес, он выбрался из клетки абсолютно бесшумно. Рилтана последовала за ним.

Наконец демон прекратил трясти клетку Демаскуса. Дэв замотал головой, пытаясь прийти в себя.

— Скажи мне только одно, — произнёс он твёрдым голосом. — Это ты вызвал тот всплеск силы в святилище? Ты призвал меня туда с помощью ритуала?

— Нет, — пророкотал демон. — Я не настолько безумен, чтобы самолично призывать одного из тех немногих, кому удавалось взять надо мной верх.

— Ты упомянул о том, что о святилище тебе поведал некий слуга, — произнёс Демаскус. — Кто он?

— Обычно я не утруждаю себя запоминанием имён своих подчинённых, — ответил Ропот. — В конце-концов, их ждёт одна участь — стать пищей. Этот... он предпочитал скрывать лицо капюшоном. Он рассказал мне о струящейся там духовной энергии и выгоде, которую я могу из этого извлечь. Погоди... я вспомнил. Теперь, когда слияние завершилось, ясность мышления вернулась ко мне. Его зовут Калкан.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Истерзанное тело Демаскуса сотрясала дрожь. Закованные в кандалы запястья и лодыжки пылали огнём. Из-за повязки на глазах он мог видеть лишь слабые полосы света по её краям; всё остальное скрывала тьма. Однако он всё равно ощущал Ропота — сгусток пропитанного злобой холода, который находился куда ближе, чем хотелось бы.

Но, когда прозвучали последние слова демона, всё это ушло на задний план.

— Ты... ты знаешь Калкана? — спросил Демаскус.

— Довольно болтовни! — пророкотал свинцовый голос. — Бич проголодался; я уже разжёт его аппетит. Настало время для главного блюда — тебя, Демаскус.

На него снова обрушилась боль, и липкие пальцы чистого ужаса сжались вокруг его сердца. Что угодно, только не оказаться заживо сожранным огромной толпой наполовину разумных жуков!

— Считай это чем-то вроде эксперимента, — продолжил демон. — Сколько времени у них уйдёт на то, чтобы прогрызть твою кожу и кости и добраться до сердца или мозга? Всем, кто оказывался в яме, удавалось продержаться как минимум несколько минут. Правда, вопить они прекращали раньше, но лишь потому, что насекомые сжирали их языки и мягкие ткани гортани.

Слух Демаскуса резанул скрежет отодвигаемой задвижки. Запах крови и гнили заметно усилился. Он отчаянно задёргался, изо всех сил напрягая затёкшие мышцы, чтобы вывернуться из кандалов. Безуспешно — полосы металла лишь глубже впивались в его плоть.

Тяжело дыша, он прекратил напрасные попытки.

— Я не хочу отправляться в яму, — произнёс он. Его удивило, насколько невозмутимо прозвучал его голос.

— Но ведь ты — идеальная жертва! — воскликнул Ропот, и Демаскус отвернулся, чтобы избежать его смрадного дыхания. — Твоя духовная сущность пылает ярче, чем у всех, кого я собрал здесь, чтобы накормить моего собрата. Её ореол окружает тебя, словно пламя. Когда Бич поглотит тебя, то наконец возродится — в этом я уверен.

Лица Демаскуса коснулись холодные эластичные пальцы.

— Не смей! — закричал он, снова начав вырываться из кандалов. Его охватила паника. Вот и цена твоей невозмутимости, — отметил он мимолётно. Боль с новой силой вспыхнула в его запястьях и лодыжках.

Ропот издал смешок.

Демаскус вспомнил о том, что произошло в переулке во время схватки с Инакином. Тогда ему удалось пройти сквозь тень. Он попытался отбросить эмоции в сторону и сосредоточиться, представив, как шагает по мраку, словно по обычной дороге. Ничего. Неудивительно — ведь он не мог видеть финальный пункт своего назначения!

Это конец, — подумал он. — Меня сожрут живо.

Его охватил жар; мысли двигались вяло, словно мухи в патоке. Ропот охватил его торс огромной ладонью. Что он мог поделать, ведь глаза по-прежнему закрывала повязка, сквозь которую пробивалось лишь слабое свечение...

Погодите-ка. Текстура ткани кажется знакомой... неужели это *его* Вуаль? Так и есть!

— Помоги мне, Гнев и Знание! — воскликнул он. — Или всё, что было тобой записано, окончится здесь!

Извиваясь, Вуаль сползла с его головы и обернулась вокруг шеи, словно обычный шарф.

Маслянистая рука демона была увита алыми кристаллическими венами. Его омерзительные гибкие пальцы крепко сжимали тело Демаскуса. Силуэт Ропота полностью заслонял дверной проём клетки, рот его был распахнут, а в алых водоворотах глаз отражалась сама Бездна.

Отведя от чудовища взгляд, Демаскус посмотрел на виднеющуюся позади него пещеру. Там находилось множество теней, и каждая из них являлась путём... возможностью... выходом!

Он представил, как делает первый шаг по тёмной тропе...

Порыв холодного ветра взъерошил его волосы. Выскользнув из оков, он возник в пятне тьмы у дальней стены пещеры, и рука демона сжала лишь пустоту. Свобода! Его разум лихорадочно работал, отмечая каждую тень от стоящих на земле и висящих в воздухе клеток, расстояние, отделяющее его от края ямы, и путь к...

— А ну вернись! — разнёсся по пещере полный ярости рёв.

..выходу из этой обители кошмаров; он находился в противоположной стене, и их разделяла яма.

Ропот вскинул руки, словно призывая потолок обрушиться на их головы. Демаскус ощутил, что в его разуме начинает ворочаться угорь первобытного ужаса. Мысленно схватив бестелесный кошмар, он принялся удерживать его, пока тот вновь не погрузился туда, где ему и ему подобным было самое место.

Но другим повезло куда меньше. Из их ртов, глаз, носов и ушей хлынул яркий туман, в котором клубились смутные разноцветные силуэты. Облака призрачной субстанции устремились к Ропоту, поглотив его бурлящим водоворотом. Вокруг демона сформировалась вторая кожа — скрюченные руки, распахнутые рты, корчащиеся черви и обнажённые внутренности. И без того вызывающий ужас облик Ропота стал ещё кошмарней.

Те пленники, которые ещё сохраняли здравость рассудка, завопили.

— Владыки тени, помогите мне, — прошептал Демаскус. У него не было ни единого шанса в схватке с таким чудовищем, и он это знал. Нужно немедленно убираться отсюда, пока...

Впереди послышалось шлёпанье босых ног по камню, и он отвёл взгляд от чудовищного зрелища. Черноволосый халфлинг и водный дженази, одетые в истрёпанные обноски, бежали к выходу. Наверное, кто-то выпустил их из клеток — как и других пленников, которые находились с противоположной стороны пещеры...

При виде них Демаскус сморгнул. Эти беглецы являлись воплощением надежды — надежды на то, что жизнь может продолжаться. По крайней мере, для некоторых из них. Паника, которую демон поселил в глубинах его сознания, исчезла, и он облегчённо выдохнул.

— Никому не сбежать, — хором произнесли рты чудовищной твари, в которую

превратился Ропот. Их сливающиеся голоса звучали, словно колокола погибели.

Состоящее из множества ладоней, рук и алых червей щупальце устремилась к черноволосому халфлингу и бросило его прямоком в яму. Водному дженази повезло — по нему демон промахнулся.

Ещё одна пленница, женщина в одном ботинке и с покрытой шрамами рукой, оказалась не столь удачлива — Ропоту удалось схватить её. Она устремила на Демаскуса взгляд, в котором читалась отчаянная мольба о помощи... А затем демон зашвырнул её туда же, куда и халфлинга.

— Нет! — воскликнул Демаскус.

Из дюжин ртов раздался рокочущий голос:

— Демаскус! Пора тебе встретить свою судьбу!

— Пусть я не помню, кто ты такой, — вскричал он, — но, если мне удалось сокрушить тебя в прошлой жизни, то удастся и в этой!

— Нет. На этот раз ты один, — ужасающая ухмылка Ропота стала шире.

Я действительно один, — подумал Демаскус. — Как та женщина, которую Ропот швырнул в яму. С того момента, когда я открыл глаза в святилище, я всё время был один. У меня нет воспоминаний о прошлом, нет ничего. Никто не станет проливать по мне слёзы.

Демон простёр руку, и сорвавшийся с неё вихрь разнообразных кошмаров устремился к Демаскусу. Ему показалось, что ноги его приросли к полу.

— Демаскус! — послышался шёпот. — Болван, хватит стоять тут, как столб! Беги!

Рилтана! Даже в таких обстоятельствах её язык не утратил остроты.

Затем его взгляд упал на Чанта. Согнувшись, ростовщик трудился над кандалами мужчины с безумными глазами, который беспрестанно вопил, брызгая слюной:

— Госпожа была здесь! Госпожа! *Госпожа!*

Но где же... Там! Укрывшись позади массивного сундука, Карменере поспешно надевала на себя доспехи. Возле неё лежало несколько предметов, включая тот меч, который он нашёл в святилище.

Он *не был* один. Эта мысль озарила его разум, словно лучи рассветного солнца.

Время замедлило свой ход.

Сорвав Вуаль с шеи, он хлестнул ей, словно кнутом. Полоса ткани ожила. Её свободный конец обвился вокруг рукояти лежащего у ног Карменере меча и швырнул его своему хозяину. Меч удобно лёг ему в руку, и на его клинке тут же вспыхнули бледные огни.

Демаскус сосредоточился на мече и рунах, которые всегда возникали на нём, как только он вступал в бой. Каждая из них являлась... чем? Воспоминанием. Очень ценным воспоминанием. Одна из рун вспыхнула — в ней находилась память о божественном свете.

Время вновь возобновило свой безжалостный бег. Демаскус рассёк воздух вертикальным ударом, и с наконечника меча сорвалась дуга сияющей энергии. К нему хлынула волна вздыбившихся миазмов, угрожая утопить в бесконечных кошмарах, но созданная им полоса ангельского огня прорезала её и та, разделившись на две неровных части, прошла мимо и рассеялась без следа.

— Сгинь, демон! — воскликнула Карменере.

Демаскус увидел, что серебряная звезда уже успела надеть доспехи и держала в руке булаву, которая сияла, словно полная луна. Луч испускаемого ею света коснулся постоянно меняющейся шкуры Ропота, проделав в ней отверстие.

Через миг в другой бок монстра вонзились три болта и кинжал.

Пошатнувшись, демон издал странный звук, похожий на хрип излишне самоуверенного бугая, который внезапно получил удар в пах. Похоже, — подумал Демаскус, — у нас всё-таки есть шанс!

Он бросился вперёд. Его, словно защитный кокон, окутало сияние, похожее на то, что источал его меч. Когда этот ореол коснулся тела Ропота, возникла ослепительная вспышка света. Украденные кошмары, в которые демон облёкся, словно во вторую кожу, растаяли без следа, словно роса в лучах солнца.

Без своей чудовищной брони Ропот выглядел так же, как и прежде — восьмифутовый иссиня-чёрный монстр, увитый кристаллическими венами, нижняя часть тела которого представляла собой массу алых щупалец. Он уставился на Демаскуса. В глазах его кружились водовороты. Губы его раздвинула нечестивая ухмылка, и Демаскус осознал, что, хоть им и удалось лишить демона его чудовищной брони, он по-прежнему оставался цел и невредим.

Кристаллические щупальца обвилились вокруг его талии и подняли в воздух. Ропот вознёс его над головой.

Демаскус не удержался от взгляда на яму, в которой кишели бесчисленные насекомые. Внутри неё валялись наполовину сожранные трупы тех бедолаг, которых демон недавно бросил туда. На них указывали лишь возвышающиеся то тут, то там груды жуков, муравьёв и тараканов. Над ямой, словно облако, сновали пчёлы и жалящие мотыльки.

— Милостивые боги, — выдохнул Демаскус. Если он погибнет в яме, то возродится только спустя многие годы и полностью лишённый своих воспоминаний... Его смертная оболочка отказывалась в это верить. Он почувствовал страх за свою жизнь.

Свободный конец Вуали вспыхнул. По нитям забегали огоньки, складываясь в слова. Не раздумывая, он произнёс их вслух.

— Клянусь, я тебя уничтожу. Пока я дышу, тебе нигде от меня не скрыться, — когда он закончил фразу, то осознал, что это было пророчество. Ропот *никогда* не сможет от него избавиться. Демаскус сделает всё возможное для того, чтобы исполнить только что данный им обет.

Отступив, демон швырнул Демаскуса в яму.

По крайней мере, попытался сделать это. Сила произнесённых дэвом слов была такова, что его щупальца не смогли разжаться и, увлекаемый инерцией броска, Ропот пошатнулся и сделал шаг вперёд

— За Госпожу! — внезапно раздался безумный вопль. Сумасшедший пленник бежал к ним, волоча за собой кандалы. С неистовой силой безумца он врезался в спину демона.

Ропот, который и без того почти потерял равновесие, рухнул в яму.

Все звуки растянулись и стали намного ниже. Свет потускнел, и всё вокруг снова замедлилось. Охваченный порывом вдохновения, Демаскус взмахнул Вуалью, и её свободный конец трижды обмотался вокруг одного из прутьев клетки, в которой его держали. Импровизированная верёвка резко натянулась, и он с трудом смог удержать её в руке.

Однако это было лишь начало — демон повис на нём всем своим огромным весом. Демаскусу показалось, что его предплечье вот-вот выйдет из сустава.

Изо всех сил вцепившись в Вуаль, он с воплем принялся пинать демона ногами и размахивать зажатым в свободной руке клинком, пытаясь отсечь обвивающие его тело щупальца. Боль стала невыносимой. Его мысли были сосредоточены лишь на одном — не отпустить ткань!

- Помогите! — вскричал Демаскус. Его голос звучал не громче хрипа. — Чант! Рилтана!

Возле края ямы появился ростовщик. Его глаза были широко распахнуты. Наставив на демона арбалет, он нажал на спусковой крючок.

Один из болтов пролетел мимо, но два других попали в цель. Они вонзились в руку Ропота прямо над локтем. Содрогнувшись, демон выпустил Демаскуса и полетел в яму.

Ропот взвыл. В его голосе звучала такая животная мольба и страдание, что Демаскус с трудом удержал Вуаль. Выронив меч, упавший вслед за монстром, он обеими руками вцепился в шарф и посмотрел вниз.

Ропот оказался в самом центре ямы. Демон отчаянно сражался — каждый раз, когда его руки опускались, гибли тысячи жуков. Порой он встряхивался, подобно собаке, сбрасывая с себя множество вцепившихся в его шкуру ног и мандибул. Однако число насекомых казалось бесконечным — в конце-концов все его попытки были обречены на провал. Внезапно он взревел:

— Слуга! Калкан! Почему ты просто стоишь там? Помоги мне, пока... — поток жуков хлынул ему в рот, заглушив вопли.

Через миг полчища насекомых полностью поглотили его. Борясь с тошнотой, Демаскус отвёл взгляд.

И увидел Джетта, который стоял возле выхода, держа в руке бездымный факел. Изменник широко ухмыльнулся ему.

Во имя всех владений, что это значит? Господин Джетта только что погиб, но на лице его прислужника было написано такое самодовольство, словно последнее слово в некоем глобальном споре только что оказалось за ним. Заметив взгляд Демаскуса, Джетт накинул капюшон на голову, скрывая лицо.

— Держись! — воскликнула Рилтана.

Демаскус посмотрел на воровку, которая уже успела забраться в клетку, к которой была привязана Вуаль, а затем перевёл взгляд обратно на Джетта. Предатель исчез.

— Эй! — громко окликнула его Рилтана. — Не спать! Я вытащу тебя отсюда, — схватившись за шарф, она принялась затягивать его наверх. А она сильнее, чем кажется!

Похоже, я всё-таки не умру здесь, — с удивлением подумал Демаскус, когда мимо него проплыл край ямы. Если, конечно, его сведённые болевой судорогой пальцы не разожмутся в течение ещё хотя бы пары мгновений...

Пещеру заполнил гул голосов, и внутрь вбежала группа дженази, носящих символы Старейшего Стихийного Ока. Все они держали оружие наготове. Один из убегающих пленников получил арбалетный болт в ногу и упал. Другой болт клацнул о прутья клетки, в которой находилась Рилтана.

— Отродье маринованной в моче пиявки! — выругалась воровка. — Прикройте меня! — с напряжённым лицом она продолжила тянуть Вуаль вверх.

Ростовщик, с нетерпением ожидавший окончания их подъёма, укрылся за сундуком с их имуществом. Карменере, которая находилась ближе всего к выходу, устремилась к культистам. От её брони от ricoшетили два болта. Демаскус попытался проложить путь сквозь тени, но боль, терзавшая его измученные руки, помешала ему это сделать.

Наконец Рилтана схватила его за ладонь и затащила в клетку. Охватившее его облегчение было столь сильно, что у него закружилась голова.

— Спасибо. Спасибо, Рилтана.

— Надо убираться отсюда, — произнесла она, устремив взгляд на кипящую возле

выхода из пещеры схватку.

— Я бросил меч в яму, — признался Демаскус.

— Карменере только что разделалась с очередным культистом, и он выронил свой клинок. Возьмёшь его.

Хлопнув его по плечу, она взвилась в воздух и, описав невообразимую дугу, опустилась на землю слева от серебряной звезды — намного дальше, чем после обычного прыжка. Ещё до того, как её ноги успели коснуться пола, она выхватила меч и тут же вонзила его в тело одного из изменников.

Заставив себя подняться на ноги, Демаскус бросил прощальный взгляд на яму и Ропота, который представлял собой содрогающийся, кишачий насекомыми холм. Он потянул за Вуаль, и та, послушно соскользнув с прута, обмоталась вокруг его левой руки, частично скрыв пепельные узоры, являющиеся частью его наследия дэва.

Он вновь попытался перенестись сквозь пространство, чтобы возникнуть в тени Карменере, отбрасываемой светом её сияющей булавы.

Ничего не произошло.

— Боги! — взревел Демаскус и прыгнул вниз, стараясь оказаться как можно дальше от края ненасытной ямы. Приземление вышло довольно неловким, но ему всё же удалось удержаться на ногах. Он бросился вперёд и, подобрав выроненный одним из культистов длинный меч, вступил в бой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Чант опустил на сундук, который Рилтана затащила в пещеру. Больше всего ему хотелось убраться из этих подземелий и похоронить воспоминания о них в самом дальнем уголке памяти.

С той группой культистов, которые ворвались в пещеру, им удалось справиться без особых проблем. Когда они осознали, что Ропот погиб, то их запал заметно угас. Разумеется, их немногочисленный отряд и выжившие пленники тут же воспользовались представившимся шансом.

Чант всегда тешил себя мыслью, что ему довольно неплохо удаётся управляться с арбалетом. Рилтана продемонстрировала ему новую грань значения слова «яростный». Что же касается Демаскуса... вложите ему в руки клинок и укажите на врага, и результат не заставит себя ждать. Однако Карменере предпочитала оглушать культистов ударами булавы, не убивая их. Но не другие. И не он сам...

— Вы даже не пытались сохранить им жизнь! — воскликнула серебряная звезда. — Их завлекли сюда обманом, они понятия не имели, что этот культ — ложь...

Рилтана успокаивающе положила руку ей на локоть.

— Какая разница, как именно они пришли к своей вере? Всё нормально. Они пытались нас убить, а мы... мы их остановили.

Страхнув с себя её ладонь, Карменере подошла к группе пленников, которым удалось выжить во время боя.

Ох, — подумал Чант. Рилтана умоляюще взглянула на Демаскуса.

— Она просто устала, как и все мы, — произнёс дэв, но ростовщику показалось, что в его голосе звучит неуверенность.

Сам он был склонен согласиться с Рилтаной. Впрочем, и Карменере он тоже мог понять. Но во время боя ты имеешь право идти на любые меры для спасения своей жизни. Даже если твоими противниками являются простые культисты с промытыми мозгами.

Он задался вопросом, как бы к этому отнеслась лейтенант Лехерен. Раскол в кабале произошёл прямо у неё под носом, и, что ещё хуже, само её тело оказалось пристанищем демона, использовавшего его, чтобы основать культ в их рядах. К слову об этом... Он надеялся, что дженази никогда не узнают об её истинной роли во всём произошедшем. В любом случае, её тело было полностью преобразовано силой Ропота — лишь для того, чтобы оказаться поглощённым множеством жуков, которые по-прежнему с жужжанием копошились в яме.

Чант покачал головой. Забавно, не так ли? — подумал он. — Я был так вдохновлён перспективами, открывшимися мне после встречи с Демаскусом. Я собирался воспользоваться знакомством с ним для своей личной выгоды. И это сработало — мы даже

имели честь увидиться с королевой Аратейн! Сомневаюсь, что даже Ранегер, несмотря на всё своё влияние, может этим похвастаться.

Разумеется, эта встреча изрядно воодушевила Чанта. Став одним из доверенных лиц королевы, в будущем он сможет обрести достаточно влияния и денег, чтобы расплатиться с долгом криминальному авторитету. И тогда Джаул уже не будет заложником ошибок своего отца.

Но разве сейчас это имеет хоть какое-нибудь значение? Оказавшись запертым в железной клетке, он узрел истинный лик зла — демона по имени Ропот, обладавшего способностью извлекать из разумов смертных их самые потаённые страхи и наделять их плотью. Непредставимая гнусность! А затем он видел, как этот демон швыряет вопящих людей в яму, где их пожирают заживо...

Он закрыл глаза.

— Ты ранен?

Рядом с ним стоял Демаскус. Он научился — или, скорее, вспомнил — как двигаться настолько тихо, что это сделало бы честь любому ассасину. Впрочем, неудивительно.

Дэв протянул ему руку, и ростовщик вздрогнул.

— Ой, извини! — Демаскус поспешно отдёрнул ладонь.

Чант тут же устыдился своей реакции.

— Ты тут не при чём, — произнёс он. — Просто я никак не могу выбросить из головы образ Ропота и того, что он делал с теми людьми, — и твою новообретённую способность манипулировать светом и тьмой. Свет, столь безжалостный в своём сиянии, и всепоглощающая тьма... Этого он вслух произносить не стал.

Нахмутив брови, Демаскус уставился на него. Сейчас он совершенно не походил на божественного убийцу. Наконец Дэв медленно кивнул.

— Да. Я тоже. Но помни, что Ропота больше нет — он пал жертвой своего же замысла.

Чант заглянул за край ямы. Ужасающее гудение, сопровождавшее предсмертную агонию Ропота, утихло, превратившись в негромкое жужжание, а призрачное свечение, испускаемое брюшками светлячков, уменьшилось до прежнего уровня. Запах, похожий на тараканью вонь, но в сотню раз интенсивней, ударил ему в нос, и он поморщился.

— Что Ропот имел в виду, сказав, что некогда тебе уже удалось взять над ним верх? — спросил он.

Демаскус нахмурился.

— Во имя богов, хотел бы я сам это знать. Я спросил Вуаль, но она предпочла вновь притвориться обычным куском ткани. Полагаю, что демон говорил об одном из моих, уф, прежних воплощений из далёких времён. Полагаю, он и являлся той немезидой, о которой упоминала Вуаль. Вот только...

— Что?

— Если бы Ропот не узнал о святилище от Калкана, он не послал бы туда своих прислужников, чтобы собрать излишки энергии. Я бы не обнаружил их тела и не выяснил, откуда они пришли. И не побыл бы в роли предполагаемой закуски для ямы, — Демаскус потёр лоб.

— И не будем забывать, что Калкан нанял Рилтану для того, чтобы украсть твой шарф, — добавил Чант. — И он по-прежнему остаётся на свободе.

— Не только он, — произнёс Демаскус. — Перед появлением последней волны культистов я увидел Джетта, который стоял возле выхода из пещеры. Полагаю, он и отдал

приказ своим подчинённым задержать нас. И, вполне возможно, сейчас он собирает оставшихся членов культа, чтобы не дать нам выбраться на поверхность.

Чант сглотнул.

— Проклятье. Значит, чем дольше мы медлим, тем меньше становятся наши шансы.

— Верно. В ином случае я предложил бы первым делом разобраться с ямой. Но, судя по всему, придётся вернуться сюда и заняться этим позже.

Демаскус помог Чанту подняться на ноги. Вместе с Рилтаной они подошли к Карменере, которая занималась ранами выживших пленников.

— Пора идти. Возможно, на обратном пути мы наткнёмся на сопротивление. Чем быстрее мы выступим, тем меньше у них будет времени на подготовку.

— Первое дельное предложение, которое я услышала за сегодняшний день, — произнесла Рилтана. Тон её голоса был легкомысленным, но Чант заметил, что она смотрит на жрицу полным тревоги взглядом. Та же старательно игнорировала свою бывшую подругу.

— Хорошо, — произнёс Демаскус. — Давайте выведем отсюда выживших. И смотрите в оба — Джетт может скрываться где-то неподалёку.

Но до того момента, как им удалось выступить в путь, прошло ещё немало времени. Некоторые из освобождённых пленников пребывали в полной протрации — они сидели, раскачиваясь туда и обратно, и смотрели в никуда невидящим взглядом. Одного за другим Карменере одаривала их своим благословением, и они вновь обретали волю к жизни.

Двое из пришедших в себя быстрее всех пленников принялись помогать ей с организацией. Один из них являлся водным дженази по имени Ушен, который служил миротворцем в Эйрспуре, другой же — дварфом-торговцем, которого звали Реданвил.

Также они взяли с собой тех троих культистов, которых Карменере милосердно оглушила ударами булавы. Их ноги связали верёвками, оставив достаточно свободы, чтобы они могли передвигаться самостоятельно. Чант смерил их хмурым взглядом, пытаясь придать своему лицу максимально угрожающее выражение. Но те, судя по всему, полностью утратили желание сопротивляться. Казалось, что они только что очнулись от дурного сна. Двое открыто плакали.

Хоть ростовщик и остановил Реданвила, когда дварф, пользуясь тем, что никто не смотрит, хотел хорошенько врезать изменникам, он не чувствовал к ним жалости. Возможно, их заставили подчиниться власти демона обманом или силой, но, возможно, они охотно последовали за ним. В конце-концов, все они являлись членами кабала Огненного Шторма.

Всё это заняло куда больше времени, чем хотелось бы. Наконец, сопровождаемые бывшими пленниками и культистами, они всё же покинули пещеру.

Пройдя по тоннелю, они оказались в коридоре с тюремными камерами, где их схватили возглавляемые Ропотом культисты. Этот узкий проход являлся идеальным местом для того, чтобы организовать засаду, но здесь не оказалось ни души. При мысли о том, что им всё же удастся вновь увидеть солнечный свет, Чанту стало дышаться легче.

— Сюда! — воскликнул он, указывая на разрушенные врата, валяющиеся в конце коридора.

— Не спеши. Стоит проверить, не скрывается ли Джетт там, — произнёс Демаскус, повернувшись в противоположном направлении.

— Необходимо немедленно вывести отсюда этих людей, — возразила Карменере. — Им требуется врачебная помощь, а культистов следует передать в руки правосудия.

— Тогда отправляйтесь вперед, — произнёс Демаскус. — Вы двое, следуйте за ней, — обратился он к водному дженази и дварфу.

Реданвил, который вооружился мечом одного из культистов, произнёс:

— Как мы можем её оставить? Мы жизнью ей обязаны — да и тебе тоже, — взмахом клинка он отдал короткий салют.

— Погодите, — произнесла Рилтана. Её взгляд метался между серебряной звездой и дэвом. — Нам не следует разделяться. Карменере, может, вы подождёте нас здесь, пока...

— Эти несчастные и без того провели в этой обители кошмаров слишком много времени, — оборвала её жрица.

— Но нам нужно убедиться в том, что культ окончательно уничтожен, — возразила Рилтана.

Карменере согласно кивнула.

— Поэтому ты, Рилта, отправишься с Демаскусом и Чантом. Я прослежу за тем, чтобы пленники без проблем выбрались на поверхность, а Реданвил и Ушен мне помогут. Хорошо? Поговорим позже; обещаю тебе.

— Конечно.

Рассеянно кивнув, Карменере принялась наставлять своих новообретённых помощников, каким образом лучше всего организовать передвижение такой толпы незащищенных людей по неширокому коридору. Чант наблюдал за ними, разрываясь между желанием последовать за жрицей и помочь Демаскусу. Меньше всего ему хотелось вступать в очередной бой с культистами. Устремив на него сердитый взгляд, Рилтана спросила:

— Ну что, идём?

— Разумеется, — произнёс он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно беззаботней.

Она направилась вслед за Демаскусом, который, пройдя мимо тоннеля, ведущего в пещеру с ямой, уже шагал по коридору в *противоположном* от выхода направлении. Чант заставил себя выбросить сомнения из головы.

Они прошли мимо ещё нескольких тюремных камер. Все они были пусты. Наконец Демаскус вошёл в напоминающее фойе помещение, откуда вело три двери. Пол его был покрыт резными изображениями изломанных спиралей, а в украшенных жаровнях пылало трепещущее зелёное пламя.

На полу лицом вниз лежал мертвец. На рукаве его плаща виднелась повязка с символом культа. Кровь заливала изображение Старейшего Стихийного Ока.

Демаскус перекатил тело на спину. Убитый оказался земляным дженази, но никто из них его не узнал.

— Что ж, на одного меньше, — хмыкнул Чант.

— Внутренняя стычка в культе? — предположил Демаскус, осматривая мертвеца. — Этот малый явно понятия не имел, что ему угрожает опасность. Его закололи в спину.

— Похоже на работу профессионального убийцы, — произнёс Чант.

Встретив взгляд ростовщика, Демаскус коротко кивнул.

— Да. Именно так я бы и стал действовать, если бы у меня не было при себе гарроты... — он нахмурился.

Из-за средней двери раздался какой-то звук.

— Слушайте! — прошептала Рилтана. — Там кто-то есть!

Чант взял арбалет наизготовку. От прикосновения к холодному металлу рукояти ему стало немного легче. Подкравшись к двери, Демаскус слегка приоткрыл её. Сквозь щель упал

луч жёлтого света. Дэв заглянул внутрь.

Нечто тяжелое обрушилось на пол комнаты.

Тень Демаскуса выросла, поглотив его с головой, и дэв превратился в состоящий из сумрака силуэт. Распахнув дверь, он проскользнул внутрь.

В центре разгромленного помещения стоял бронзовокожий дженази с татуировкой на шее в виде изломанной спирали. В одной руке он держал диск — нет, не держал; тот был к ней привязан.

— Джетт! — воскликнул Чант.

Изменник поднял голову. Его взгляд прошёл мимо крадущегося вдоль стены Демаскуса и устремился на ростовщика.

— Хорошая работа, — произнёс Джетт скучающим тоном. — Не ожидал, что вам удастся остаться в живых. А где же ваш приятель с дырой в мозгах там, где должна быть его память?

— Сдавайся, — произнесла Рилтана. — Ропот мёртв. Всё кончено!

Глаза Джетта сузились; вокруг них возникло призрачное свечение. Из них вылетели два заряда серебристой энергии, один — в сторону Чанта, второй — Рилтаны.

Уже падая на пол, ростовщик успел выстрелить. Два болта застряли в дверном косяке, один же отрикошетил от стены позади левого плеча культиста. Серебристый заряд задел Чанта лишь краем, но удар по его разуму оказался настолько силён, что на миг его зрение затмила серая пелена.

Он перекатился влево, чтобы, оказавшись за пределами дверного проёма, уйти с линии огня. Промчавшись мимо него, Рилтана вбежала внутрь. Из комнаты снова послышался грохот.

— Проклятье, — прошипел Чант, тряся головой, чтобы хоть немного прийти в себя. Он заставил себя подняться на ноги и бросился за воровкой, надеясь, что двигается достаточно быстро для того, чтобы увернуться от очередного заряда энергии.

Рилтана обменивалась с Джеттом ударами мечей. Предатель оказался вооружён клинком из тусклого чёрного железа. Где же Демаскус? Они сражались практически на равных, и, хотя его атаки были более уверенными и отточенными, ей удавалось шаг за шагом теснить его назад. Звон металла о металл отражался от каменных стен.

Чант зарядил арбалет, но стрелять не стал.

— Джетт, почему ты присоединился к Ропоту и поклялся в верности Старейшему Стихийному Оку? — спросил он.

Губы предателя изогнулись. Отбив меч Рилтаны в сторону, он тут же контратаковал. Она стремительно отпрыгнула назад, едва не лишившись головы.

— Ропот полагал, что он является моим господином, а я — его слугой, — произнёс он. — Но на самом деле всё обстояло в точности наоборот. Это я пробудил окаменевшие фрагменты его тела к жизни, я помог ему вселиться в тело Лехерен, и я же поведал ему о расположенном к западу от Эйрспура святилище.

На краю поля зрения Чанта возник Демаскус. У ростовщика возникло впечатление, что дэв всё это время находился там, но просто не желал быть замеченным.

— Ах, — на лице Джетта появилась улыбка. — Как я и предполагал, эти слова заставили тебя показаться.

— Ропот говорил, что святилище, в котором я очнулся, обнаружил Калкан, — произнёс Демаскус. В его голосе звучало замешательство.

Джетт ухмыльнулся. Его зубы начали удлиняться, пока не превратились в почерневшие, покрытые кровью клыки, уши увеличились в размерах, а на голове выросли рога. Руки его искривились, локти вывернулись назад, а ногти превратились в когти. Всего за несколько мгновений Джетт из дженази превратился в... кого? В хищника, монстра с тигриной головой.

— Потому что я и *есть* Калкан, ты, недоумок! — прорычал он.

Демаскус распахнул рот. Его губы шевелились, но оттуда не вылетало ни звука.

— Ты — то существо из моего видения! — наконец воскликнул он. — Ты вонзил мне клинок в живот!

— Подумать только, когда-то я тебя так боялся, — произнёс Калкан. — Но, должен признать, я рад, что нынче ты представляешь собой лишь тень того, кем некогда был. И без своего драгоценного кольца ты останешься именно таким, каким мне нужно.

— К... кольцо?

Рилтана, на которую внезапное преобразование предателя, судя по всему, не произвело никакого впечатления, плавным колющим ударом попыталась пронзить шею Калкана. Тот был вынужден поспешно отшатнуться назад.

— Ты пытался убить меня, поганый личинколюб! — воскликнула она. — Ты заплатишь за это прямо сейчас!

— Неужели? Думаю, тут ты ошибаешься.

— Ты окружён, — произнёс Чант. — Сдавайся.

Это действительно было так — зажатому в углу комнаты Калкану отступить было некуда. Тем не менее, он совершенно не казался обеспокоенным этим фактом. На лице монстра возникла зубастая ухмылка.

Мне это не нравится, — подумал Чант. — Он что-то задумал...

— Он... — начал было ростовщик. Слишком поздно. Угол комнаты вместе с участком пола, на котором стоял Калкан, начал поворачиваться, словно приведённый в действие невидимой пружины. Одновременно с этим раздался резкий хлопок алхимической детонации, и помещение заполнилось чёрным дымом.

Чант вслепую спустил тетиву. Демаскус проревел что-то насчёт повелителей и владений, и Рилтана выдала несколько столь забористых ругательств, что, услышь он их в иных обстоятельствах, у него покраснели бы уши. Из набедренного колчана Чант достал ещё один болт, но его лёгкие уже успели наполниться маслянистым дымом. Отступив назад, он закашлялся, пытаясь прочистить горло.

Когда приступ кашля наконец отпустил его, в помещении воцарилась тишина, нарушаемая лишь угасающим шипением алхимических вентилях. В рассеивающемся облаке появилась чья-то фигура. Поспешно вставив болт в арбалет, Чат прицелился.

Однако это оказался Демаскус. Глаза его от чёрного дыма покраснели, а по щекам струились слёзы.

— Во имя всего святого и высшего! — взревел дэв. — Он ушёл!

Чант сморгнул. Верно, угол комнаты, где только что находился монстр с тигриной головой, был пуст.

И Калкан, и Рилтана бесследно исчезли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Рилтану чуть не раздавило поворачивающейся дверью, но, тем не менее, ей удалось проскользнуть внутрь до того, как механизм захлопнулся. Заполнивший лёгкие дым разъедал глаза. Она зажала рот рукой, изо всех сил пытаясь сдержать приступ кашля. Калкан не должен узнать о том, что одному из них удалось проследовать за ним в расположенный за стеной потайной проход.

Шипение газа утихло. Вдалеке послышался шум шагов, становящийся всё глуше и глуше. Ну уж нет!

Вокруг царила непроглядная тьма, однако пол под её ногами был ровным. Кончиками пальцев Рилтана нащупала стену. Стараясь двигаться как можно тише, она поспешно направилась вперёд. Пока её рука касается стены, всё будет в порядке.

Внезапно проход резко повернул вверх, и Рилтана замедлила шаг — просто на всякий случай. Если она продолжит бежать в прежнем темпе, то собьётся с дыхания, и Калкан с его кошачьим слухом непременно это услышит.

Впереди на миг вспыхнул свет, выхватив из тьмы человекообразную фигуру. Она ускорила — и заметила выбивающееся из-за двери слабое свечение как раз вовремя, чтобы не врезаться в неё.

Воровка прислушалась. Снаружи доносился приглушенный шум города. Отыскав ручку, она отворила дверь. За ней оказался сырой переулочек. Но где... Там! Силуэт в чёрном капюшоне поспешно удалялся прочь, опустив голову.

Я вижу тебя, — подумала она, направившись за ним.

И это превратилось в игру.

Калкан оказался весьма искусен в умении передвигаться по городу. Он стремительно шагал по подвесным мостам, скалам и парящим островам, используя для своего преимущества каждую тень и с лёгкостью перемещаясь даже по самым многолюдным и заполненным транспортом улицам. Рилтана также могла похвастаться подобным мастерством, однако её дорогами являлись крыши, фонарные столбы и опоры мостов. Сложнее всего было держаться на достаточном расстоянии от Калкана, чтобы тот не заметил слежку, и в то же время умудриться не выпускать его из виду.

Когда Калкан впервые вернулся на площадь, которую уже посещал ранее, Рилтана решила, что он раскрыл её. Но после этого он заложил ещё несколько подобных петель и обманных маневров, и она поняла, что это, скорее всего, являлось его стандартными мерами предосторожности перед возвращением в своё укрытие. Каждый раз, когда она направлялась к себе на мансарду после очередной ночной работы, то поступала так же.

А он *хорош*, — подумала она, осознав, что потеряла его уже в третий раз. По северному склону неподалёку от загонов дрейков змеилась широкая лестница. Куда же он направился

— вверх или вниз?

Она решила, что вверх. Лестница шла до самой вершины горного хребта. Заметив мелькнувший впереди чёрный капюшон, Рилтана облегчённо выдохнула. Калкан исчез за воротами имения, окружённого оградой из белого камня.

Там, где другие видели стены, она видела лишь расположенные соблазнительно высоко дороги. Ветер подхватил её, вознеся ввысь. Когда её ботинки коснулись вершины стены, она поспешно упала на живот. Нельзя, чтобы её заметили стоящей на фоне небес.

Как раз вовремя — двойные двери искусной работы захлопнулись за Калканом, пропуская его внутрь.

Судя по роскошному виду, это имение принадлежало какому-нибудь аристократу. Рилтана предпочитала не соваться в подобные дома. Обычно у благородных хватает денег, чтобы охранять свои сокровища и близких не только силой наёмного оружия, но и магии. Она принялась осматривать фасад здания, ища способ проникнуть внутрь. Расположенные наверху каменные балкончики выглядели многообещающе, если, конечно, на них не была наложена магическая защита.

Рилтана поползла вперед, пока не очутилась возле огромного дерева магнолии, которое загораживало её от поместья. Хотя и был не сезон, на нём росли роскошные розовые цветы. Ветка, на которую она спрыгнула, была слишком тонкой, чтобы выдержать её вес, но она стремительно помчалась вперёд, поддерживаемая силой вихря. Подобно подхваченному ветерком семечку, она развернулась и отлетела в сторону, легко, словно лепесток, опустившись на ближайший балкон.

За ним оказалась гостиная, заставленная множеством удобных кресел. На столе возле бутылки вина и одного-единственного пустого бокала лежали груды бумаг. Здесь не было ни души. Низко пригнувшись, она застыла на месте.

Почему же я в одиночку собираюсь отправиться в обитель врага? — внезапно задалась она вопросом. Ведь местоположение убежища Калкана уже стало ей известно. В данной ситуации разумней всего было бы немедленно покинуть это место и сообщить о произошедшем Демаскусу, Чанту и Карменере.

Ну, наверное, не Карменере. Наверняка она сочтёт, что разборки между Рилтаной и Калканом не имеют никакого отношения к интересам города. Жрица ясно дала понять, что проблемы бывшей подруги волнуют её в самую последнюю очередь.

Рилтана стиснула зубы. Нет уж, ничьей помощи ей не нужно; она и сама справится. Она вошла внутрь.

Разбросанные по столу бумаги оказались письмами. Все они были от торговцев, предлагавших цены на недешёвые скульптуры, картины и книги. Адресатом на них значился Калкан. Очевидно, он являлся ценителем дорогих предметов искусства. Как мило. И совершенно бесполезно.

Подкравшись к двери, она выглянула в коридор. Там находилось ещё несколько дверей и ведущая вниз лестница.

И... голоса! По крайней мере, один голос.

Из-за открытой двери доносился грубый речитатив. Она напрягла слух, но расстояние было слишком велико, чтобы что-то расслышать.

На цыпочках Рилтана направилась вперёд, готовая в любой миг броситься в бегство, если кто-нибудь обнаружит её присутствие. Подобравшись к двери, она заглянула внутрь.

Судя по обстановке, здесь проводились серьёзные ритуалы. На полу несмываемой

краской был нарисован магический круг. Внутри его залили золотом, что подчёркивало его монументальность. Возле него находились четыре кучки благовоний, от которых исходил дым.

В центре его стоял Калкан. Его взгляд был устремлён на ещё один круг, очень похожий на первый, но меньшего размера и находящийся на стене. Держа в искривлённой когтистой руке дымящуюся кадильницу, он читал заклинание.

Это мой шанс, — подумала Рилтана. — Нападу на него со спины, пока он занят. Однако пробивающийся сквозь благовония запах скотобойни заставил её промедлить.

Калкан снял капюшон. Монстр, ранее носивший личину Джетта, снова принял свой истинный облик. Сложно поверить, что всё это время он просто притворялся.

Но у него был голос Джетта — голос, который также принадлежал и Калкану. Грубые, насмешливые нотки в его тоне одновременно выводили из себя и пугали.

Внезапно он закончил декламировать и издал вопль, больше похожий на рык. Рилтана отшатнулась от двери, испугавшись, что он каким-то образом смог узнать об её присутствии. Она на дюйм вытащила клинок из ножен, готовая в зависимости от ситуации либо вступить в бой, либо пуститься в бегство...

— Путь открыт, о Великий, — произнёс Калкан. — Ты меня слышишь?

Он говорил вовсе не с ней!

Ответил ему шёпот, больше похожий на шипение змеи. Рилтана не смогла разобрать ни слова. Она снова приблизилась к двери, чтобы увидеть, какую же именно чудовищную тварь призвал Калкан.

Он по-прежнему стоял лицом к находящемуся на стене кругу. Тот превратился в заполненный тьмой провал.

— Судьба Демаскуса ещё не определена, — произнёс монстр.

Моча пиявки! — мысленно воскликнула Рилтана. — Он докладывает своему начальству!

Из тьмы снова донёсся шёпот, и на этот раз воровке, хоть и с трудом, удалось различить произносимые им слова.

— Ты должен подготовиться к финальному этапу, мой последователь. Скоро он узнает или вспомнит о том, где хранится его меч, и попытается вернуть его.

— Это предопределено, — произнёс Калкан.

— Тогда отправляйся в усыпальницу дэва. Жди его там. Он придёт.

— Я помню, о Великий, — произнёс Калкан. — Ведь я и поведал тебе об этом.

И что же это значит? — задалась она вопросом. Калкан что, является кем-то вроде прорицателя?

Калкан поставил кадильницу на пол, а затем с совершенно обыденным видом подошёл к находящемуся на стене кругу тьмы, и, словно переходя из одной комнаты в другую, шагнул в него и исчез.

— Крысолуб поганый! — прошипела Рилтана. Её первым порывом было броситься за ним, чтобы выяснить, куда он ушёл. Нет, — одёрнула она себя. — Ты уже достаточно испытывала удачу на сегодня.

Некоторое время она стояла, не сводя взгляда с круглого прохода — минуту, две, три... Она и боялась, и надеялась на то, что он снова превратится в обычную стену, но этого так и не произошло.

Пора возвращаться к Демаскусу, — подумала Рилтана, но вместо этого зашла в комнату

и принялась осматриваться.

У противоположной стены находился низкий стол, заваленный горами исписанного пергамента, чернильницами, перьями и разноцветными мелками. Также на нём стояло несколько стеклянных сосудов. Стена позади него полностью скрывалась под множеством развешанных на ней рисунков. Подойдя ближе, она увидела, что на них — всех до единого — был изображён Демаскус.

Их оказалось около сотни. Демаскус, одетый в броню, поднимающийся по лестнице, сражающийся двуручным мечом, размахивающий двумя одинаковыми клинками, Демаскус, прыгающий в пропасть, стоящий навтыжку в рядах могучих воинов, опускающийся на одно колено перед сидящим на троне существом, от которого исходит божественное сияние, Демаскус, душащий Вуалью великана, перемещающийся сквозь тени и... namного, namного больше. Все эти картины были нарисованы уверенными чёткими линиями и отличались крайним вниманием к деталям. И все они оказались посвящены лишь одной персоне — Демаскусу.

Рилтана прижала руку ко рту. Один раз ей уже доводилось видеть нечто подобное — в доме адвоката, куда она вломилась, привлечённая слухами о хранившейся там великолепной коллекции рубинов. Однако никаких рубинов там не оказалось — только комната, увешанная портретами разных женщин. Женщин, которых недавно объявили пропавшими без вести и так и не нашли.

Она тут же сбежала оттуда и на следующий день анонимно известила миротворцев о том, что там увидела. Владелец этого дома оказался кем-то вроде вампира или гуля — она так и не удосужилась узнать подробности. Днём он занимался судебными делами, ведя образ жизни респектабельного гражданина, и все его друзья могли поклясться в том, что более доброго и заботливого человека они не знают. Но каждые десять дней он тщательно планировал похищения и убийства женщин — женщин, плотью которых он питался. Его действия были настолько продуманными, что никто в Эйрспуре даже не подозревал о том, что среди горожан бродит монстр-убийца.

Эти рисунки очень напомнили ей то, что она увидела в его доме. Судя по всему, они изображали Демаскуса на протяжении множества его... воплощений, если можно так выразиться. Неужели Калкан является серийным убийцей, который избрал себе одну-единственную жертву — Демаскуса, и преследует его на протяжении множества жизней? Запредельная жуть!

Внезапно она заметила, что в этом углу комнаты запах тухлятины стал заметно сильнее. Но ведь Калкан уже ушёл. Что же является его источником?

Рилтана подошла к стене. Под множеством приколотых к ней рисунков в углу обнаружилась дверь. Она распахнула её.

Омерзительная вонь усилилась десятикратно. За дверью оказалась залитая кровью кладовка, в которой находилось множество освежёванных кусков мяса, которые свисали с потолка на крючьях. Большая часть из них уже изрядно протухла, и в них копошились личинки. В деревянном бруске торчало несколько окровавленных ножей. Похоже, от кусков отрезали части и... ели?

О боги, — подумала она, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Один из висящих возле двери кусков мяса больше походил на человеческую руку, чем на свиную голень...

Самообладание покинуло её. Рилтану стошнило.

Эти части тел принадлежали вовсе не животным, а людям.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

— Сюда, — произнесла Рилтана, обращаясь к Демаскусу. Тон её голоса по-прежнему ничего не выражал.

Она начала подниматься по одной из двух лестниц, сходящихся на площадке верхнего этажа. Её озарили лучи послеполуденного солнца, проникающие сквозь витраж с изображением усыпанной алыми плодами яблони. Демаскус последовал за ней.

Они встретились с Рилтаной на улочке, в которую выводил тайный проход. При виде воровки Демаскус почувствовал столь сильное облегчение, что его мрачное настроение тут же развеялось. Он был так счастлив, что чуть не расцеловал её. Рилтана рассказала им о том, что проследила за Калканом до его убежища, а затем он вошёл в дыру в стене и исчез. Выглядела она нехарактерно подавленной.

Демаскус не стал тратить времени на дальнейшие расспросы. И вот мы на месте, — подумал он. — В доме того, кто преследовал меня в видениях с того момента, как я очнулся на том треклятом алтаре. Ключ к пониманию прошлого находится на расстоянии вытянутой руки... и это тревожило его больше всего.

— Получается, этим поместьем владеет Калкан? — спросил Чант. — Содержание такого имения должно обходиться в круглую сумму.

Добравшись до вершины лестницы, Рилтана остановилась.

— Скорее всего, именно поэтому его гастрономические привычки не привлекли к себе ненужного внимания. Учитывая размеры дома, соседи не могли слышать криков его жертв...

Она уже поведала им о комнате, в которой находилось множество свисающих с потолка гниющих трупов. Очевидно, Калкан не только выглядел, как хищник — он действительно являлся оным. Он питался плотью — плотью людей.

И, кроме того, он поставил перед собой цель убить Демаскуса, с помощью своих интриг втянув его в заварушку с Ропотом — демоном, который имел какое-то отношение к одному из его прошлых воплощений. Судя по всему, некогда ему и его товарищам, о которых он ничего не помнил, удалось уничтожить нескольких сородичей демона...

Но сейчас раздумывать об этом смысла нет. Скоро он узнает больше. Вуаль утверждала, что его меч или кольцо способны пробудить часть его забытых воспоминаний. И, по словам Рилтаны, эти вещи, являвшиеся ему в видениях, могут находиться в усыпальнице вместе с гниющими останками его прошлого «я». Там же его будет ждать Калкан — и явно не для дружеской беседы.

Вернув их себе, Демаскус обретёт часть своей прежней личности — той, чьей тенью он сейчас является. Однако он понятия не имел, хочется ли ему этого.

Есть ли смысл грабить труп, который я сбросил, словно змея — старую кожу? — подумал он. — Та жизнь осталась в прошлом; может, там же место и воспоминаниям о ней?

Что, если, обрета их, я потеряю себя? Разве тот, кем я стал за последние несколько дней, не исчезнет?

Он боялся, что ответ на этот вопрос окажется положительным.

— Ты идешь? — спросила Рилтана. Скрестив руки, она стояла в конце коридора. Её кожа выглядела тусклой и выцветшей, словно после болезни. Сделав глубокий вдох, Демаскус направился вперёд.

Комната оказалась именно такой, какой она её описывала. В одной из стен по-прежнему зиял тёмный провал работающего портала, а на другой были развешаны многочисленные зарисовки. Повсюду царил запах смерти.

Рилтана остановилась возле входа. Демаскус с Чантом подошли к рисункам и принялись их рассматривать. Калкан оказался довольно неплохим художником — по крайней мере, когда дело касалось изображений его любимого объекта.

Демаскус уставился на одну из наиболее бросающихся в глаза сцен. На ней он был нарисован стоящим спиной на вершине горы, высоко вскинув двуручный, покрытый рунами клинок. Вуаль и вплетённые в волосы многочисленные амулеты развевались на ветру. Над ним возвышалось огромное, напоминающее дракона чудовище, которое изрыгало изо рта облако зелёного газа.

Демаскус совсем не помнил этой схватки. И... прочих, что были запечатлены на сотнях других картин. Все эти деяния совершал незнакомец — тот, кем он, вероятно, может стать снова, если вернёт себе свои воспоминания.

— Этот Калкан неплохо изучил тебя, — негромко констатировал Чант.

Демаскус не нашёл слов для ответа.

— Тела... там, — выдавила Рилтана, указывая на находящуюся в углу дверь.

— Следует ли нам их осмотреть? — спросил ростовщик.

— Я бы предпочёл без этого обойтись, — признался Демаскус.

— И правильно, — произнесла воровка.

Глядеть на жертв психопата-убийцы было совершенно излишне; его кишки и так скрутило от вида множества изображённых на листах бумаги сцен. Отойдя от рисунков, Демаскус приблизился к portalу, который находился на расстоянии дюйма от стены. Пятно тьмы выглядело почти материальным. Его края дрожали и размывались, словно каждое мгновение оно боролось за право находиться в этой реальности. Возможно, именно в этот миг Калкан взирает на него из-за завесы...

Что будет, если я просто решу уйти отсюда? — подумал он. Он мог прервать изображённый на картинах цикл. Мог покинуть Эйрспур, поселиться в каком-нибудь отдалённом краю, обучиться мирному ремеслу вроде пивоварения или сочинения рассказов. Это его последний шанс остаться в неведении. Остаться собой.

Но разве тогда он не будет вечно терзаться вопросом — почему он хладнокровно убил того священника?

— Самое время отыскать нашего приятеля, — заявил он.

— Веди, — произнёс Чант. — Мы последуем за тобой.

Обнажив клинок, Демаскус второй рукой крепко стиснул Вуаль. На всякий случай он решил обратиться к ней.

— Вуаль, что находится позади этого портала? Моя усыпальница?

На светлой ткани возникло одно-единственное слово.

Да.

Демаскус сделал шаг вперёд и оказался на берегу тёмного моря. Прохладный, пахнувший землёй ветерок развеивал его волосы. Судя по всему, это место находилось глубоко под землёй. Несколько древних камней образовывали круг, в центре которого он и стоял.

Он отошел в сторону, чтобы его спутники также смогли воспользоваться порталом. Посередине огромной полузатопленной пещеры виднелся омываемый водой остров. Тёмные волны накатывали на его усыпанные костями берега. Бледный свет, исходящий от люминесцентных растений и поблекших полустёршихся рун, озарял десятки провалов в земле — входов в полузатопленные катакомбы. Над ними короной из множества сломанных шпилей возвышались развалины кладбищенских монументов.

Демаскус понятия не имел, что ожидал здесь увидеть, но точно не это.

— Мы вообще на Ториле? Что это? — послышался голос Рилтаны. Не сводя взгляда с погребального острова, она вышла из круга. Мгновением позже на её месте появился Чант. При виде открывшейся перед ним картины его глаза расширились.

— Это и есть твоя усыпальница? — спросила воровка. — То есть, усыпальница твоего прошлого... воплощения?

— Полагаю, что так, — произнёс Демаскус. — Судя по размерам, это разрушенный некрополь. Должно быть, здесь покоятся многие тысячи! — от вида тёмного острова его дыхание перехватило.

— Как скажешь, — произнёс Чант, не двигаясь с места. — Как же нам перебраться через воду? Есть информация, которую могу предоставить вам бесплатно — прыгать в воду я не собираюсь.

— Смотри, — Рилтана указала на несколько похожих на гондолы лодок, которые лежали на берегу неподалёку от того места, где они находились. Демонстративно вздохнув, Чант покинул круг. Шагая по покрытым выщерблинами чёрным камням, они подошли к лодкам и принялись их осматривать. Одна из них оказалась достаточно велика, чтобы вместить их всех. Демаскуса удивило, что все они, несмотря на возраст, выглядели достаточно крепкими, чтобы держаться на воде.

— На ней есть вёсла, — отметила Рилтана. — Судя по всему, Чант, тебе всё же удастся сохранить одежду сухой.

Они затолкали лодку в холодную воду и забрались внутрь.

— Будьте настороже, — произнёс ростовщик. — Если это место охраняется, есть немалый шанс, что на нас могут напасть из-под воды.

— Зачем тогда здесь лодки? — спросила Рилтана.

— Чтобы мы оказались в пределах досягаемости местных стражей, — знающим голосом произнёс Чант, вертя в руках арбалетный болт и не сводя взгляда с тёмных волн.

Демаскус надеялся, что ростовщик ошибается, но ничем не мог развеять его подозрения. Поэтому он взялся за вёсла, и их судно легко заскользило по поверхности воды.

Вокруг царила полная тишина, нарушаемая лишь плеском волн об вёсла. Никто не решался заговорить. Наконец раздался скрежет киля о камни — они прибыли на погребальный остров.

Возле каменной пристани было пришвартовано небольшое судёнышко.

— Смотрите! — воскликнул Демаскус. — Кто-то уже приплыл сюда до нас.

— Калкан, — произнесла Рилтана.

Привязав своё судно возле маленькой лодки, они обыскали её. Там ничего не обнаружилось; если Калкан действительно воспользовался ей, он не оставил никаких следов своего пребывания.

— Теперь куда? — спросила Рилтана.

Выбор был невелик — либо спуститься в один из ведущих в катакомбы тоннелей, либо подняться по узкой, высеченной в камне извилистой лестнице, которая вела на скалу, возвышающуюся в центре острова. Один конец Вуали ожил, и из него, словно указующий перст, вырвался луч света.

— Туда, — произнёс Демаскус, показывая наверх.

Подъём оказался несложным. С вершины скалы открывался вид на покрывающие остров ряды разрушенных надгробий, покосившихся мемориальных шпилей, покрытых ржавчиной табличек и наполовину обвалившихся мавзолеев.

— Проклятье, а тут прохладно, — пожаловался Чант. Дыхание вырывалось из его рта клубами белого пара. Демаскус прекрасно понимал, что столь большая разница температур никак не может объясняться естественными причинами. Это явно не к добру.

Снова ожив, Вуаль принялась шарить лучом по окрестностям, пока он не высветил проход, идущий вдоль полуразрушенной стены колумбария. На камнях валялись выпавшие из ниш урны. Часть из них была расколота, из трещин высыпался серый пепел.

— Целая куча осквернённых могил, — обеспокоенно пробормотал Чант.

— Калкан действительно направился именно сюда? — спросила Рилтана.

Чант опустил на колени и принялся рассматривать камни. Кивнув, он поднялся на ноги.

— Здесь недавно проходил некто, носящий ботинки. Царапины на мостовой свидетельствуют о том, что он либо отличался неестественно высоким ростом, либо очень спешил.

— В любом случае, будьте настороже, — произнёс Демаскус. Его дыхание также превращалось в белый пар. Он сделал шаг вперёд, и его нога опустилась прямо на одну из валяющихся на земле урн. Раздавшийся хруст прозвучал громко, словно выстрел из пушки. Ой...

Разумеется, это не осталось незамеченным. Демаскус обнажил клинок, и по обеим сторонам лезвия привычно вспыхнули призрачные руны. Над разбитыми урнами появилось зеленоватое свечение. Сгустившись, оно приняло очертания человеческой фигуры, вид которой навевал ужас.

— Призрак! — просипел Чант голосом, звучащим на октаву выше, чем обычно.

Вокруг духа развевался изодранный саван. Волоски в носу Демаскуса моментально замёрзли, а кончики пальцев онемели. Он взмахнул мечом, но лезвие прошло сквозь тело его противника, не встретив никакого сопротивления.

Внезапно мертвец завопил. На Демаскуса обрушился ужас, оглушающий, как выпитый натошак стакан виски, и острый, словно скальпель. Он ничком рухнул на землю. Меч выпал у него из рук.

— Владыки света! — прохрипел он и, встав на четвереньки, потянулся к своему оружию. Конечности отказывались его слушаться. Стиснув рукоять меча, он с огромным трудом поднялся на ноги. Но где же призрак? Он исчез. Но окончательно ли?.. Непохоже, что он появился здесь лишь затем, чтобы крикнуть «бу!» и убраться восвояси.

Ростовщик лежал на спине, а Рилтана стояла в десяти шагах поодаль, опираясь о могильный камень.

— Чант, ты в порядке? — окликнул его Демаскус. Ответом ему был лишь стон.

Стремительно, словно распахнувшийся глаз, призрак снова появился на прежнем месте. Разумеется, никуда он не ушёл — он просто стал невидимым. Его нематериальная ладонь прошла сквозь кожаную броню Демаскуса, нанеся удар по его душе. Силы покинули его, и он едва не упал.

Его первым порывом было отступить, воспользовавшись тропой теней. Но... скорее всего, это лишь сделает его более уязвимым к атакам духа. Нет, ему нужен свет — свет, подобный тому, что сиял в храме Огмы, когда он предстал пред аватаром бога знаний...

Полупрозрачная руна на его мече вспыхнула ярче, и часть сил вернулась к нему. Он призвал храмовый свет из своего видения, и клинок засиял. Не обращая на это внимания, призрак подплыл ближе, и Демаскус пронзил мечом его бестелесную плоть. Силуэт духа окутало золотое свечение.

На миг его тело стало чётким, и он увидел искажённое вечной ненавистью лицо со стиснутыми зубами. Демаскус рассмеялся, и его смех разнёсся по всей округе.

— Твоему царству ужаса пришёл конец, о потерянный, — произнёс он. Его охватила дикая эйфория — побочный эффект действия божественного света. Впрочем, какая разница? Это чувство было столь упоительно...

Призрак отшатнулся и замерцал, вновь пытаясь стать невидимым, но окружающая его аура помешала ему скрыться от взоров смертных.

— Уничтожьте его, пока божественный свет удерживает его на месте! — закричал Демаскус.

Вскочив на ноги, Чант выстрелил. Три болта с металлическими наконечниками пролетели сквозь тело нежити, вырвав из него изрядные куски эктоплазмы. Появившись за спиной духа, Рилтана вонзил свой короткий меч туда, где у живых находилось сердце. Пройдя сквозь ореол света, её клинок также вспыхнул божественным огнём, и его удар рассёк узы, привязывающие мертвеца к миру живых.

Тело призрака рассеялось, словно туман на ветру. Полный скорби вопль затих, а с ним исчез и неестественный холод.

Свет угас, и возбуждение, охватившее Демаскуса во время боя, ушло. Он почувствовал себя опустошённым.

— Неплохая работа, Демаскус, — произнесла Рилтана.

Он ограничился кивком.

— Вы в порядке?

— Да, но лишь благодаря тому, что ты только что сделал, — ответила она. — Итак, этот твой свет... он выглядел как одно из заклинаний, которые использует Карменере. К какому же богу ты воззвал о помощи?

Заинтересованно вскинув брови, Чант обернулся через плечо.

Демаскус огляделся, отметив местоположение каждой урны и могильного камня. Судя по всему, непосредственная опасность им больше не угрожала, поэтому он убрал меч в ножны.

— Ни к какому конкретно, — произнёс он. — Скорее... ко всем, полагаю. Или к тому, кто прислушается, — когда эти слова вылетели у него изо рта, он ощутил лёгкое смущение.

— Эм. Звучит пугающе, — сказала Рилтана. — Тем не менее... свет всяко лучше, чем

тьма. Когда ты облачаешься в тени, то и сам начинаешь напоминать призрака.

— Ох, — у него не было ответа на её слова. Он не хотел признаваться ей в том, что не вполне контролирует используемые им способности. Порой казалось, что они сами выбирают его.

Интересно, что произойдёт, если он будет отдавать предпочтение тьме или свету? Какие последствия это может повлечь за собой и есть ли способ их избежать? Вот и ещё одна причина вернуть свой меч — возможно, тогда он поймёт, как относиться к своему нынешнему положению, и ему больше не придётся терзаться подобными вопросами.

Они продолжили путь. Наконец перед ними оказалась площадь, отгороженная от остальной части кладбища чёрным железным забором, в котором зияло множество дыр. Неверный свет озарял окружающие её могильные камни. Покосившиеся монументы напоминали припавших к земле хищников, готовых взвиться в воздух, стоит только отвести от них взгляд.

В центре площади виднелся тоннель, отвесно уходящий под землю. Пробежавшись по его бортику пальцами, Чант осмотрел стены и кивнул.

— Видите эти царапины? Некто перелез через ограждение и спустился вниз. Судя по всему, у него были когти или что-то в таком роде.

Демаскус устремил взгляд вниз. Там оказалось не так темно, как он ожидал; откуда-то из глубины пробивались отблески рыжеватого света, похожие на отражение в какой-то жидкости. Он принялся. Судя по всему, в стоячей воде.

— Что-нибудь кажется знакомым? — спросила Рилтана.

— Если этот тоннель действительно ведёт в могилу Демаскуса, вряд ли он сможет его узнать, — произнёс Чант, доставая из сумки моток верёвки.

— Он прав, — произнёс Демаскус. — Я понятия не имею даже о том, где эта пещера находится и далеко ли от нас Эйрспур.

Чант бросил взгляд на далёкий берег, откуда они приплыли.

— Я надеюсь, что мы сможем вернуться тем же путём, каким прибыли сюда, — произнёс он напряжённым голосом. — Если мы здесь застрянем, то ты увидишь, как взрослый мужчина закатывает сцену. Уверяю, такого тебе ни в *одном* из своих воплощений наблюдать не доводилось.

— Наверняка есть способ выбраться отсюда, — произнёс Демаскус. — В любом случае... ты меня заинтриговал. При чём тут сцена и во что её может закатать взрослый мужчина?

Чант разразился смехом.

— Тише! — шикнула Рилтана. — Хотите, чтобы все, кто находится внизу, узнали о нашем присутствии?

— Да, нехорошо выйдет, — произнёс Чант. На его лице по-прежнему красовалась ухмылка.

Демаскус хихикнул. Он решил, что, если ему удастся выбраться из этого подземелья живым, то станет смеяться чаще. Чант привязал один конец верёвки к железному забору, а второй опустил в колодец.

— Знаешь, как спускаться по ней? — спросил он Демаскуса.

— Эм... Просто скользить вниз?

— Почти. Смотри, — ростовщик показал ему, как использовать верёвку, чтобы спускаться, упираясь ногами в стены колодца. Демаскус начал спуск.

Стук подошв его ботинок, ударяющихся о неровные стены, громко разносился по тоннелю. Его ладони и пальцы начало саднить, и он порадовался, что путь оказался не слишком долог.

Внизу находился мавзолей с отделанными чёрным камнем стенами, в каждом углу которого стояло по канделябру с горящими свечами. Демаскус отступил в тень, обшаривая помещение взглядом. Но Калкана здесь не оказалось. Возможно, он предпочёл где-то спрятаться. Интересно, он ли зажёл эти свечи или же они горели магическим пламенем в полнейшей тишине на протяжении многих и многих столетий?

В центре зала оказался неглубокий бассейн с прозрачной водой, на дне которого покоилось несколько рыбьих скелетов. Демаскус совершенно не удивился бы, если бы они внезапно принялись снова туда-сюда, гоняясь друг за другом.

В одной из боковых стен зиял зёв тоннеля, ведущий к выходу из усыпальницы. Напротив него, по другую сторону пруда, находился огромный саркофаг. В неярком дрожащем свете свечей вырезанные на нём узоры казались живыми.

Если не считать звуков его собственного дыхания и колотящегося сердца, вокруг царила полная тишина. Без сомнений, эта каменная гробница принадлежала именно ему. Когда он оказался здесь, его решимость вернуть меч и вновь обрести воспоминания дрогнула. Он застыл, словно муха в янтаре.

— Что там? — раздавшийся сверху голос Рилтаны разбил тишину отголосками эха. — Что ты видишь?

— Саркофаг! — задрал голову, воскликнул он и выпустил свой конец верёвки, который упал на пол возле неглубокого бассейна. — Спускайтесь!

Послышался шум ветра, и Рилтана стремительно слетела вниз. Если бы он решился спрыгнуть с такой высоты, то непременно разбился бы насмерть, но её ботинки со звоном ударились о каменный пол, полностью погасив инерцию прыжка.

— Показуха, — фыркнул он. Рилтана пожала плечами. Её взгляд был устремлён на каменный гроб.

Верёвка дёрнулась, и с порождённым долгой практикой изяществом Чант соскользнул вниз. Если бы Демаскус только что собственными глазами не видел, как воровка с лёгкостью спрыгнула с высоты в пятьдесят футов, то оказался бы весьма впечатлён мастерством ростовщика.

Он подошёл к саркофагу. Рисунков на нём было так много, что некоторые изображения накладывались друг на друга. Перчатки, щиты, листья, орлы, звёзды, глаза, наковальни, черепа, луны...

— Это же символы богов! — воскликнул Демаскус.

— Вероятно, — произнёс Чант. — Но, даже если и так, половина из них мне незнакома. Например, этот, — он указал на изображение вороньей головы. — Или этот, — его палец переместился к стилизованному глазу.

— Помимо Торила, есть и иные миры, — произнёс Демаскус. — И иные божества.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Рилтана.

— Я не могу подобрать верные слова... Я просто знаю, что все эти изображения являются символами богов из разных вселенных.

— Потрясающе! — воскликнул Чант.

— Взгляните сюда, — Рилтана указала на несколько строк, вырезанных на поверхности камня.

— Агент Рока. Эмиссар Божественного Правосудия. Разрезающий Нити Судьбы. Ты умер так, как жил, и будешь жить опять. Демаскус, Меч Богов, — прочёл Чант. — Проклятье! Неужели...

— Хватит впустую терять время, — оборвал его Демаскус. — Помогите мне открыть эту треклятую штуковину! — он упёрся плечом в край каменной плиты и принялся толкать.

— погоди, — окликнул его Чант. — Нужно проверить, нет ли здесь ловушек.

Переставив ноги в более удобную позицию, Демаскус удвоил усилия. Послышался скрежет камня о камень, и тяжёлая крышка отодвинулась на три дюйма. Внутри гроба царил тьма.

— Никаких ловушек, — с этими словами Демаскус продолжил толкать. Крышка заскользила дальше, и щель увеличилась в два раза. Чант и Рилтана пришли ему на помощь. Ещё один толчок — и крышка почти полностью отъехала в сторону.

Из обёрнутой вокруг левой руки Демаскуса Вуали вырвался луч света, который выхватил из тьмы тело, одетое в истлевший погребальный саван. Оно сильно пострадало от времени. В воздухе разлился аромат сушёных маргариток.

Несколько мгновений они смотрели на труп. При взгляде на него в памяти Демаскуса ничего не шевельнулось. Разве это и есть его прошлое воплощение? Не может быть!

— И так? — спросила Рилтана.

— Это... это всего лишь мёртвое тело, — произнёс Демаскус. — Даже меньше — лишённый плоти и праха. Оно может принадлежать кому угодно, — он не ожидал увидеть столь печальное зрелище. Его охватило разочарование, а в груди возникла сосущая пустота. На пальцах мертвеца не было никаких колец, и...

— Возьми меч, — предложила Рилтана, заглядывая ему через плечо.

Возле трупа и правда лежал огромный клинок, который покрывал толстый слой серебристо-серой пыли. И как он не заметил его раньше? Нагнувшись, Демаскус вытащил его из саркофага. Длиной он почти не уступал двум обычным мечам.

Оружие задрожало, и пыль посыпалась на пол. На миг в мавзолее появился ещё кто-то. Калкан?.. Нет. Женщина, чьи глаза напоминали далёкие штормовые облака. Её разгневанный взор был устремлён прямо на него, словно упрекая в чём-то, чему нет и никогда не будет прощения. Чувство вины, острое, словно кинжал, пронзило грудь Демаскуса. Он задохнулся, и...

Женщина исчезла, словно угасшее от лёгкого вздоха пламя свечи.

— В чём дело? — спросил Чант.

Демаскус встряхнул головой. Едва ли ему удастся объяснить им то, что только что произошло. Эта женщина, несомненно, являлась частью его прошлого — прошлого, которое вернулось к нему, когда он взял в руки этот меч... но больше ничего он не увидел. Бросив последний взгляд на то место, где она только что стояла, он принялся изучать клинок.

Его покрывали похожие на буквы руны — с одной стороны кроваво-алые, с другой — безупречно-белые. Они были ему знакомы — каждый раз, когда он обнажал клинок, их бледные несовершенные подобиya вспыхивали на его гранях. На режущей кромке не виднелось ни выщерблин, ни царапин — верный признак того, что на оружие были наложены чары. Несмотря на его размеры, баланс оказался безупречным. Хотя Демаскус и держал его в одной руке, он был лёгок, словно меч в четверть его размера. Крестовина его представляла собой сочетание выполненных в двух разных стилях деталей. Создавалось впечатление, будто кузнец хотел сковать два оружия воедино.

— Меч Богов, — выдохнул Демаскус. Вуаль дёрнулась, и на ней возникли слова:
Этот клинок — Экзорцессум. Он не является Мечом Богов — им являешься ты.

С крестовины упал небольшой предмет размером с монету. Это оказался металлический амулет в форме свитка. Демаскус сразу же узнал его — символ Огмы.

Амулет вспыхнул, и в его памяти всплыло ещё одно воспоминание. Демаскус осознал, что всё это время абсолютно заблуждался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Эйрспур

Год Последнего Противостояния (1475 ЛД)

— Я упускаю из виду нечто важное, — произнёс Демаскус, обращаясь к Тарсису.

— Что ты имеешь в виду? — спросил священник с волосами цвета песка. Они стояли возле корабельного бортика, разделённые тенью от парящего в небесах острова.

— Я прочёл все свитки, которые дали мне в твоём храме. Изучил множество книг. Я даже посоветовался с Вуалью Гнева и Знания. Но, боюсь, я так и не смог понять Аканул. Поэтому... расскажи об этом месте что-нибудь, что может мне помочь.

Обведя взглядом сотни судов, заполнивших бухту Эйрспура, Тарсис фыркнул.

— С чего ты взял, что мне что-то известно? До того, как мы приплыли сюда, я встречал только двоих дженази. Более того, я с трудом могу отличить торговое судно Аканула от того, что прибыло сюда из Высокого Имаскара или Тимантера. Хотя некоторые флаги мне знакомы, — священник указал на пару кораблей с квадратной оснасткой. — Эти из Имплитура. Вон тот из Сембии. А тот... — он ткнул пальцем в трёхмачтовое судно, носившее название Зелёная Сирена II. Капитаном его являлся мужчина в вычурной широкополой шляпе, — А тот — понятия не имею.

— Но ты же отсюда родом. Разве ты ничего не знаешь об этих краях?

— Демаскус, я родом с *Торила*. На южном побережье моря Упавших Звёзд я оказался впервые. Кроме того, Аканул практически так же чужд Торилу, как и ты сам.

Демаскус ухмыльнулся.

— Чудненько. Что ж, если ты, один из вышестоящих жрецов Переплётчика Знаний, понятия не имеешь, что могло привести Андрила Яннатара на эти отдалённые берега, то Ландрю, скорее всего, пребывает в не меньшем замешательстве.

— Я бы сказал, в большем; скорее всего, сейчас он находится в своей каюте, лихорадочно раскладывая камни в тщетных попытках связаться со своим господином и гадая, кто же в итоге кого предал, — Тарсис хихикнул.

— Он превосходно играет роль истинного жреца своей веры, — произнёс Демаскус. — Если бы Вуаль не раскрыла, что его верность на самом деле принадлежит Андрилу, я бы ни за что не смог догадаться об этом.

Весёлое выражение исчезло с лица Тарсиса.

— Я бы тоже ничего не заподозрил, — произнёс он. — Я знаю Ландрю уже пять лет. И мне сложно поверить в то, что Андрил ещё жив. Он оставил свою должность в Церкви служителей Огмы в Изгнании как минимум двадцать лет назад! Если бы аватар не назвал его имя...

— Он жив. Или, по крайней мере, способен действовать.

— Думаешь, его превратили в нежить? Всё и правда могло зайти настолько далеко? — спросил Тарсис. — Конечно, обе церкви считают, что именно они исполняют волю нашего

владыки наилучшим образом, а их оппоненты — те, кто отступил от истинной веры... Но, как бы мы ни называли себя — нарекающими или хранителями знаний — в первую очередь мы остаёмся служителями Огмы.

— У них было более сотни лет для того, чтобы прийти к согласию, — произнёс Демаскус. — Мне уже доводилось видеть, как чрезмерный фанатизм приводит к подобным результатам.

— А теперь всё дошло до этого, — Тарсис покачал головой. — Если бы мы нашли способ достичь компромисса...

— Сейчас речь идёт о чём-то более серьёзном, нежели теологические разногласия, — произнёс Демаскус. — Поверь мне — богам не требуются мои услуги, чтобы разобраться со склоками своих расхулиганившихся детей. Споры между фракциями, о которых ты говоришь, могут тянуться на протяжении десятилетий, нанося постепенный урон делу вашей веры, но, если потребовалось моё вмешательство, недавно произошло нечто воистину ужасное.

— Хотел бы я, чтобы аватар просто рассказал нам обо всём, — протянул Тарсис.

Должно быть, ему уже надоело открыто критиковать своего бога, — подумал Демаскус. Но, может, и нет. За время, прошедшее с момента встречи с аватаром, ему стало ясно, что для огманитов было в порядке вещей ставить под сомнение вообще всё. Они имели привычку обсуждать даже то, что служители других богов всегда принимали как должное. В отличие от многих религиозных деятелей, с которыми ему доводилось иметь дело, ни Тарсис, ни Бренвин, ни даже Ландрю не производили впечатление упёртых фанатиков «древней истины». По сравнению с другими, вера огманитов казалась глотком свежего воздуха, вне зависимости от того, как они себя называли — Ортодоксальной Церковью или Церковью в Изгнании.

Потому эта история и выглядела крайне подозрительно. Если разногласия в суждениях о мире и религии только приветствовались, то столь долгий разрыв из-за противоречий в доктринах не мог являться простой случайностью. Это был признак некоего фундаментального изъяна.

Скорее всего, за происходящим стоит чья-то недобрая воля.

Это объясняло, почему аватар Огмы решил прибегнуть к помощи Демаскуса для того, чтобы положить конец расколу. Он недвусмысленно избрал своего фаворита и отдал Мечу Богов приказ разделаться с бывшим лидером Церкви в Изгнании — нечто вроде окончательно вынесенного вотума недоверия.

— Как думаешь, сколько ещё мы сможем держать Ландрю в неведении? — спросил Тарсис.

Демаскус встряхнул головой.

— Я надеялся, что он совершит ошибку во время нашего путешествия из Прокампура, которой я смогу воспользоваться.

— Но этого не произошло?

Демаскус отрицательно покачал головой.

— Неудивительно, — произнёс Тарсис. — Ландрю превосходно притворяется верным хранителем знаний. Прошлую ночь мы с ним и Бренвин провели в несерьёзных беседах о вере, и я зашёл дальше, чем когда-либо. Я позволил себе в открытую критиковать старые декреты Андрилы Яннатара, назвав их богохульством. Но Ландрю даже глазом не повёл — вместе со мной и Бренвин он высмеял самопровозглашённого Великого Патриарха.

— Я слышал.

Демаскус протёр глаза. Владыки света, он понятия не имел, что делать дальше. Какой толк от карающего клинка и контракта на убийство, если цель невозможно обнаружить, а единственной имеющейся зацепкой у них не получилось воспользоваться?

— Возможно, всё это путешествие — лишь пустая трата времени, Тарсис, — произнёс он. — Может быть, Андрил Яннатар вообще не в Акануле.

— Но так сказал аватар!

— Нет, он сказал, что в Акануле находится его «наиболее опасный сторонник».

Тарсис открыл было рот, чтобы возразить, но промолчал.

— Спаси нас Переплётчик! — наконец воскликнул он. — Хватит гадать. Давай просто схватим Ландрю и... заставим его рассказать всё начистоту.

— Разумеется, я тоже задумывался об этом. По правде говоря, не менее полудюжины раз. Но всё равно я считаю это самой крайней мерой. У меня есть предчувствие, что, какие бы методы мы ни применили, он нам ничего не расскажет. Фанатики все такие. Они не сломаются, как их ни допрашивай.

Жрец побледнел.

— погоди, ты имеешь в виду пытки?

— Либо пытки, либо магию. Судя по моему опыту, ничего из этого может не сработать. Невинные попросту оговорят себя, чтобы облегчить свою участь, а фанатики предпочтут умереть, но так и не раскрыть рта. Откуда нам знать, какими будут полученные нами сведения — истинными или ложными? А жаль. В ином случае моя работа была бы куда проще.

— Ах. Ну да, полагаю.

— Не волнуйся, — усмехнулся Демаскус. — По большей части я просто шутил.

— По большей?

Он пожал плечами.

— Я делаю то, что велят мне боги — выполняю те задания, которые они не могут поручить своим благочестивым служителям. Порой это означает, что мне приходится пачкать руки. Я не получаю от этого удовольствия, — по крайней мере, в большинстве случаев. Этого он вслух произносить не стал.

— Надеюсь на это.

— Поверь мне, если я когда-нибудь подойду к черте слишком близко, то сам отложу Экзорцессум в сторону. Если я нарушу свои принципы, то на меня обрушится столь ужасное проклятье, что я перестану существовать — по крайней мере, в том виде, в котором сейчас, — и снова он оставил свои истинные мысли при себе. По правде говоря, временами он действительно наслаждался своими способностями — настолько, что рисковал потерять всё. Когда энергия божественного возмездия наполняла его тело, порой лишь по милости Судьбы он оставался верен своему предназначению. Испытываемый им экстаз был слишком силён, чтобы от него отказываться.

— Прости. Я не хотел тебя обидеть, — произнёс Тарсис.

— Знаю, — ответил Демаскус. Жрец просто стремился больше узнать о том, какова истинная сущность Меча Богов. Привычка задавать вопросы являлось частью его природы. Но Тарсис казался слишком милым парнем, чтоб обрушивать на него всю тяжесть неприятной правды.

Некоторое время они в молчании наблюдали за тем, как дженази с кожей, окрашенной в цвета их стихий, занимаются разгрузкой и загрузкой кораблей, которые стояли в тени

окружающих бухту скальных угёсов.

— Значит, придётся пойти на крайние меры, — наконец заговорил Тарсис.

— Если у тебя возникла новая идея, я с радостью выслушаю её.

Тарсис побледнел.

— Аватар сказал, что, если всё продолжит идти своим чередом, то вся огманитская церковь окажется под угрозой.

Демаскус кивнул.

— Я не могу этого допустить, — продолжил священник. — Как слуга Огмы, я готов отдать свою жизнь, чтобы сохранить его веру. И я только что придумал, как ты сможешь убедить Ландрю, что находишься на его стороне.

— Если я смогу завоевать его доверие, это будет просто замечательно! — воскликнул Демаскус. Некоторое время священник крутил в руках символ своей веры. На лице его была написана неуверенность.

Наконец он сделал вдох и заговорил снова.

— Итак. Тебе нужно доказать, что ты получил от Переплётчика некие тайные инструкции, не оставив в этом и тени сомнений. Ты должен убедить Ландрю в том, что окончательно разорвал все связи с Ортодоксальной Церковью и хочешь встретиться с Андрилом, чтобы принести клятву в верности Церкви в Изгнании.

— Слова тут не помогут...

— Убей меня.

— Что!?

— Покажи Ландрю моё тело и скажи, что сделал выбор.

— Да не буду я тебя убивать! — воскликнул Демаскус. Он пересмотрел своё первоначальное мнение о священнике — Тарсис и вправду был безумен.

— Прошу, выслушай меня! — взмолился тот. Облизнув губы, он продолжил. — Я — один из высших жрецов храма Огмы Прокампура. Я здесь ради того, чтобы уберечь нашу церковь от уничтожения. Если я умру, то мои коллеги во имя Переплётчика Всех Знаний вырвут мою душу из хватки Келемвора.

— Тарсис, обряды, о которых ты говоришь, весьма ненадёжны. Келемвор, как и все повелители смерти, крайне ревностно относится к посягательствам на свою власть. Подобные ритуалы чаще всего оканчиваются неудачей — я тому неоднократный свидетель.

Жрец сглотнул.

— Я знаю. Но я хочу пойти на подобный риск.

— А я — нет, — отрезал Демаскус. — Это скверный и необдуманый план. Не желак даже слышать об этом. Больше никаких обсуждений.

Но, несмотря на свои слова, он не мог не признать, что идея Тарсиса способна сработать. Учитывая, что все имеющиеся у них возможности оказались исчерпаны — был ли у них выбор? С болезненной уверенностью он осознал, что нет.

В любом случае, он не собирался сдаваться без споров. Возможно, в процессе жаркой дискуссии родятся иные идеи. Прохаживаясь по кораблю, они некоторое время негромко переговаривались. Когда они спустились в трюм, Тарсису удалось окончательно убедить его.

Демаскус решил, что тянуть не стоит. Убийство должно выглядеть естественно — поэтому оно должно *стать* таковым.

Прежде чем жрец осознал, что время разговоров прошло, он шагнул ему за спину и дважды захлестнул его шею Вуалью, с силой потянув за концы шарфа. Глаза Тарсиса

расширились. Он попытался что-то сказать, но из его горла вырвался лишь слабый хрип. Демаскус отклонился назад, чтобы воспользоваться своим преимуществом в росте. Ноги священника на дюйм оторвались от пола. Тарсис вцепился в ткань Вуали, пытаясь ослабить давление... безуспешно. Он задёргался, отчаянно сопротивляясь, его рот открывался и закрывался, но оттуда не вылетало ни звука. Даже несмотря на своё согласие и уверенность в том, что его смогут вернуть из-за края смерти, его охватила паника.

Его убийство должно выглядеть естественно.

Разумеется, священник продолжал бороться изо всех сил. Разумеется, у него не было ни единого шанса в схватке со столь умелым убийцей. Но, просто на всякий случай, Демаскус, захрипев от натуги, ещё сильнее стянул концы Вуали.

Наконец жизнь окончательно покинула тело жреца. Тарсис упал на пол, глядя в небытие широко распахнутыми в изумлении глазами. Их взгляд был пустым, безжизненным... обвиняющим.

Милостивые боги...

Не думай об этом, — приказал себе Демаскус. Он поднял тело и, взвалив его на плечо, направился напрямик к каюте Ландрю. По пути ему встретилось несколько членов команды, но покров тени надёжно скрывал его от их взоров.

Дверь оказалась заперта. Не тратя времени на стук, Демаскус шагнул сквозь виднеющуюся под ней узкую полосу тени и оказался внутри.

Раскладная кровать была отодвинута в сторону, чтобы расчистить место в центре тесной каюты. Ландрю, темноволосый дварф, сидел на полу в позе лотоса, закрыв глаза и напевая под нос бессловесную мелодию.

— Ландрю, я хочу присоединиться к вам, — с этими словами Демаскус сбросил с себя покров тени.

Глаза дварфа распахнулись. Увидев возвышающегося над ним Демаскуса, он поспешно вскочил на ноги.

— Что ты... — начал было Ландрю.

Демаскус скинул обмякшее тело Тарсиса на неровный дощатый пол.

— Ты слышал меня, жрец. Я знаю о том, кому на самом деле принадлежит твоя верность, и я хочу присоединиться к вам.

— Кому... принадлежит? — взгляд дварфа метался между лежащим на полу трупом и Демаскусом.

— Да. Такова воля Судьбы, — Демаскус указал на Вуаль, широкой полосой обвивавшуюся вокруг его предплечья.

Ландрю прочистил горло.

— Твой глашатай истины, — произнёс он. — Это он поведал тебе?..

— Что на самом деле ты являешься последователем Андрила Яннатара. Что, когда я принял задание покончить со старым Великим Патриархом, то совершил ошибку. Разве я могу позволить себе игнорировать то, что вещает Вуаль Гнева и Знания? Она и так не слишком часто оглашает мне свою волю.

— Потому ты... и убил Тарсиса? Но зачем?

— Чтобы доказать серьёзность своих намерений. Глядя на его остывающее тело, ты вряд ли усомнишься в том, что я не лицемерю. Его смерть — лишь способ доказать, что отныне я являюсь врагом Ортодоксальной Церкви. Все мосты сожжены. И сделал я это лишь затем, чтобы ты привёл меня к Андрилу и поручился за меня.

Ландрю склонился к своему мёртвому наставнику. Перекатив тело на спину, он проверил пульс, дыхание и прочие признаки жизни. Когда он поднял взгляд, то по развороту его плеч и выражению лица Демаскус понял, что дварф ему поверил.

— Ты и правда убил его, — констатировал Ландрю. — Судя по всему, задушил. Потрясающе!

— Что дальше? — спросил Демаскус, стараясь выбросить из головы образ сопротивляющегося Тарсиса.

Ландрю улыбнулся.

— Завтра пойдёшь со мной.

Облегчение, охватившее Демаскуса при мысли о том, что убийство жреца оказалось ненапряжным, было столь сильно, что он чуть не пропустил мимо ушей следующие слова своего собеседника.

— Я планировал отправиться в Эйрспур на рассвете, чтобы раздобыть лошадей и повозку. Мы должны добраться до древнего святилища, которое находится к западу от города, в предгорьях вершин Акана.

— Это святилище посвящено Огме?

— Нет, конечно, — фыркнул Ландрю. — Просто старый бульжник, возле которого горные орки некогда поклонялись духам.

— Должно быть, это место много значит для Андрила. Он будет там?

— Оно представляет собой ценность лишь потому, что после сотен лет молебнов там до сих пор струится духовная энергия. И нет, Андрила там совершенно *точно* не будет.

Демаскус ощутил дрожь тревоги.

— Вот как? Но я думал...

Губы дварфа изогнулись в усмешке, и он покачал головой.

— После того, как Андрил Яннатар оставил Церковь в Изгнании, он показал нам новый путь. Это действительно так. Но прошлое не имеет никакого значения. Он умер, а мы, его последователи, по-прежнему продолжаем следовать его указаниям. Хотя я лично считаю, что мы уже зашли дальше, чем он осмеливался даже мечтать — намного дальше. И мы вот-вот достигнем нашей истинной цели, продвинув нашу веру на новый уровень! Мы...

— О каких «мы» ты говоришь? — прервал его Демаскус. Неужели Ландрю, произнося эту речь, нарочно пытается разжечь в себе религиозный пыл?

— *Мы* создали новую организацию. Мы отделились даже от Церкви в Изгнании. Мы — Церковь Всех Будущих.

— Из кого же состоит эта церковь? — спросил Демаскус.

— Из меня, например. Из многих других, хотя их истинные имена мне неизвестны. Объединяет нас то, что все мы с радостью готовы посвятить себя новому видению мира. Идеи Огмы были правильными, но им не хватало масштаба. Если ты являешься богом знаний, зачем ограничивать себя лишь знаниями о том, что уже произошло? Почему бы не устремить взгляд в будущее, чтобы познать *всё*? Это и есть то, что предлагает наша новая вера — истинное могущество!

Потому что будущее не определено и никому не под силу постичь его, — хотел сказать Демаскус. Потому что довериться будущему — значит довериться изменчивой лжи.

— И я понимаю, почему ты, Демаскус, не мог не присоединиться к нам, — продолжил Ландрю. — Почему ты решил отречься от Огмы и встать в наши ряды.

— Неужели?

— Мне, разумеется, известно, чем является твоя Вуаль Гнева и Знания. Она — инструмент Судьбы. И в качестве одного она способна заглядывать за грань настоящего и видеть будущее во всем его многообразии. То же предлагаем и мы!

Демаскус сморгнул. Уже второй раз Ландрю упоминал о его шарфе, говоря о нём с такой фамильярностью, будто имел на это полное право. Хватит ходить вокруг да около.

— Зачем же переплывать через море Упавших Звёзд для того, чтобы, как ты выразился, «продвинуть вашу веру на новый уровень»? — спросил он. — Если вам требовалось место, где до сих пор бурлит остаточная магия, то почему бы не отыскать нечто подобное в окрестностях Прокампура — какую-нибудь старую могилу или заброшенный храм?

Ландрю пожал плечами.

— Это был приказ Калкана. Ему доверили поиски наиболее подходящей локации, и его выбор пал на Аканул.

Что же это за имя? Кому оно принадлежит?

— Калкан, — повторил Демаскус. — Едва ли я слышал о нём раньше...

— Калкан лишь недавно присоединился к Церкви Всех Будущих, — объяснил Ландрю. — Но он обладает уникальной способностью предсказывать дальнейшие события. Возможно, он уже является тем, кем мы все стремимся стать. К тому же за него поручился Голос Завтрашнего Дня.

Дварф замолчал, очевидно, ожидая, что его собеседник спросит его об этом «Голосе». Сохраняя бесстрастное выражение лица, Демаскус лёгким кивком попросил его продолжать.

— Итак, Калкану был доверен выбор места для церемонии преобразования и соединения. Отбросив устаревшие догматы Огмы, мы посвятим себя служению божеству, которое обещает куда больше. Мы станем последователями Голоса Завтрашнего Дня. И наш триумф уже близок. Мы прибыли в Аканул в нужное время. Завтра мы отправимся в святилище, а дальше нам останется лишь... принести подходящую жертву.

Голос Ландрю слегка дрогнул на последних словах, и на лице его возникло смущённое выражение.

— В чём дело?

— Калкан сказал, что жертвой может являться лишь могущественный служитель Огмы, убитый во славу того бога, который станет новым Переплётчиком. Только в этом случае мы сможем попасть в новый мир всеобъемлющих знаний. Я рассчитывал использовать для этого Тарсиса.

— Ах. Если бы я знал...

Внезапно дварф просиял, и на лице его возникла широкая ухмылка.

— Полагаю, Бренвин тоже подойдёт! — воскликнул он.

Демаскус с трудом удержался от того, чтобы не ударить священника.

— Как скажешь, — произнёс он. — Итак, тебе известен путь в святилище?

— Конечно! В конце-концов, я же служитель знаний. У меня есть карта! — сунув руку за пазуху, Ландрю вытащил оттуда кусок пергамента.

— Покажи мне, — велел Демаскус. Дварф склонил голову, устремив взгляд на лист. В тот же миг Демаскус выхватил из-за спины Экзорцессум, и покрытый рунами меч рассёк шею предателя. Голова Ландрю скатилась с плеч.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Эйрспур

Год Последнего Противостояния (1475 ЛД)

Демаскус выхватил карту из рук священника ещё до того, как до неё успели долететь брызги крови. Мёртвое тело тяжело рухнуло на пол. Убрав Экзорцессум за спину, он взвалил на плечи обмякший труп Тарсиса и, заперев за собой дверь, поспешно направился к каюте жреца. Положив Тарсиса на кровать, он аккуратно закрыл его распахнутые глаза.

— Если будет на то воля Огмы, ты вновь вернёшься к жизни, друг мой. Если нет, то в посмертии тебя будет ожидать великая награда.

Награда, которой я навеки лишён, — подумал он. — Когда смерть снова примет меня в свои объятия, я, несмотря на все свои свершения, просто возрожусь снова в другом теле, почти полностью утратив воспоминания о прошлом... если не приму меры, чтобы этого избежать.

Чем он и собирался заняться в ближайшем будущем. Убийство Ландрю было ошибкой. Сделав это, он лишь придал дополнительную скорость метафорической тележке с рудой, которая и без того стремительно мчалась под откос. События выходили из-под контроля... Знакомое чувство.

Покинув каюту Тарсиса, Демаскус также запер за собой дверь. Этот корабль был зафрахтован Ортодоксальной Церковью Прокампура, а его капитан уже имел дело с огманитами в прошлом и пользовался их доверием. Но Демаскус понятия не имел, как он отреагирует, обнаружив двух из четырёх своих пассажиров убитыми.

Войдя в свою каюту, он сел за стол и разложил перед собой взятую у Ландрю карту. Слегка сосредоточившись, он зажёл свечу и принялся рассматривать кусок пергамента, пока в точности не запомнил всё, что было на нём изображено. Затем он сжёг его.

Нагнувшись, Демаскус распахнул свой сундук. Там находился небольшой ларец из тусклого металла с надёжным запором, украшенный рельефными изображениями черепов и цветочных лепестков. Он понятия не имел о его происхождении. Тем не менее, каждый раз, когда он утрачивал его, этот реликварий заново возникал в самом неожиданном месте.

Сняв с большого пальца золотое кольцо, дэв положил его туда. Затем он принялся расплетать свои косички, один за другим снимая висящие на них амулеты — все, за исключением того, который он получил от аватара Огмы. Несмотря на риск, в сложившихся обстоятельствах он предпочёл оставить его при себе. Но Спираль Иоун, кольцо, которое он носил на большом пальце, представляло собой *слишком* большую ценность, чтобы им рисковать. Все прочие его сокровища не шли с ним в никакое сравнение. После очередной смерти он мог лишиться любой из своих наград за выполненные ранее задания, но именно Спираль наделяла его способностью вновь использовать все свои умения. Лишь когда она возвращалась к нему, он снова обретал свои фантастические силы.

Избавившись от ещё нескольких предметов, которые также являлись хранилищами

отрывков воспоминаний, Демаскус закрыл крышку. На миг в глазницах черепов вспыхнул свет, а затем реликварий исчез из этого мира.

За исключением символа Огмы, при себе он оставил лишь Вуаль и Экзорцессум. Если всё пройдёт хорошо, то он выполнит контракт и, вернувшись на корабль через несколько дней, заберёт свои вещи. Но в случае наихудшего исхода этот необычный сундучок снова отыщет его в его новом воплощении. И тогда, как и множество раз до этого, он вновь обретёт свои сокровища — а вместе с ними и свою утраченную личность.

Затем Демаскус написал письмо капитану зафрахтованного корабля. В нём говорилось, что на борт проник убийца, успевший прикончить двух жрецов до того, как ему удалось узнать об его присутствии. Он сообщил, что спугнул его и собирается покинуть судно, чтобы выяснить, куда он сбежал.

Записка вышла короткой и не особенно информативной — он постарался создать впечатление, что её писали впопыхах. Запечатав письмо, Демаскус отдал его первому попавшемуся члену команды, велел ему незамедлительно доставить послание капитану.

И лишь тогда он вспомнил об их четвёртой спутнице, Бренвин. Что подумает жрица, обнаружив, что двое её коллег убиты, а он исчез? Впрочем, у него не было времени на поиски и объяснения — да и вряд ли она сможет понять мотивы его поступков. Придётся ей самой позаботиться о себе, пока он будет занят Калканом и прочими предавшими веру в Огму.

Сойдя с корабля, Демаскус направился в Эйрспур.

В то время, как он шагал по извилистым улочкам города, на Вуали высветился короткий приказ. Она велела ему оставить её в безопасном месте, прежде чем отправиться к святилищу. Его охватила леденящая уверенность в том, что Вуаль подозревает, что жизненный путь его текущего воплощения подходит к концу. Волоски на его предплечьях встали дыбом. Опасность, ожидающая его в древнем капище, была куда больше, чем он считал.

Не говоря ни слова, он свернул на первую попавшуюся по дороге площадь и увидел над одной из лавок вывеску «Ломбард». Войдя внутрь, он попросил дородного владельца магазина хранить его «шарф» у себя, пока он за ним не вернётся. Возможно, это произойдёт всего через несколько дней... а, возможно, и нет. Если он умрёт и возродится снова, и Вуаль, и реликварий в любом случае отыщут его в его новом воплощении. Так уже бывало, и не раз. Но от этой мысли едва ли становилось легче. Он боялся смерти не меньше, чем любой смертный. Возможно, даже больше.

Снова выйдя на улицу, Демаскус добрался до ворот построенного на скалах города. Там он арендовал лошадь у лучшего желанием услужить конюха и направился на запад. Вскоре дорога начала сужаться, пока не превратилась в узкую тропинку, напоминающую звериную тропу. Если бы не карта Ландрю, он, скорее всего, заблудился бы.

Спустя несколько часов Демаскус оказался в предгорьях Акана. Обернувшись, он окинул взглядом проделанный им путь. Вдалеке сияли огни Эйрспура. С такого расстояния парящие в воздухе кристаллические шпильки, от граней которых отражался солнечный свет, казались увенчавшей город короной.

Доведётся ли мне вернуться назад той же дорогой?..

Вуаль считала, что нет. По спине Демаскуса пробежала дрожь, и он повернулся, готовый встретиться с будущим лицом к лицу. Неужели цикл повторится, и его дух опять отправится навстречу своему новому воплощению?

К тому времени, как Демаскус добрался до нужного места, солнце уже почти село. Неподдалёку от вершины одного из находящихся в предгорьях холмов находились повозки с пасущимися возле них лошадьми и несколько палаток. Около дюжины человек стояли внутри широкого кольца из древних каменных колонн. Некоторые из обелисков покосились, некоторые же валялись на земле.

Когда Демаскус подъехал ближе, никто из присутствующих не удостоил его даже мимолётным взглядом. Очевидно, предполагалось, что любой, кто оказался возле этого святилища, имеет полное право здесь находиться. Спрыгнув на землю, он слегка похлопал своего коня по крупу. Развернувшись, тот рысцой направился назад. Ну, хотя бы одному из них удастся вернуться в город дженази.

Остановившись возле границы круга, Демаскус принялся рассматривать собравшихся. Около двадцати представителей самых разных рас столпились вокруг открытого всем ветрам алтаря, находящегося в центре каменного кольца. У изголовья алтаря стояло двое. Один из них был одет в роскошную мантию, а лицо его скрывал свободный капюшон. Судя по его позе и тому уважению, которое выказывали ему все прочие, Демаскус решил, что это и был Калкан.

Рядом с ним... рядом с ним стояла Бренвин! Демаскус сморгнул. До него только сейчас дошло, что он не видел её до того момента, как покинул корабль. Судя по всему, жрица пребывала в полном замешательстве. Глаза её были широко распахнуты, в них плескалась паника. Казалось, что в любой миг она может сорваться в бегство, словно олень, внезапно застигнутый на перепутье в лесу. По крайней мере, её ещё не успели приковать к алтарю. Пока что. Должно быть, Калкан заманил её сюда под неким надуманным предлогом. Едва ли она представляет, что её ждёт.

Предводитель отступников вскинул руку. В ней он держал металлический диск, надёжно привязанный к перчатке промасленными ремнями. В центре него находилось углубление, в котором поблескивала тёмная жидкость. Поднеся диск к скрытому капюшоном лицу, он сделал глубокий вдох. Собравшиеся заволновались, словно увидели нечто потрясающее. Демаскус понятия не имел, что именно их так впечатлило. Возможно, то, что он смог вдохнуть пары некой ядовитой субстанции и не умереть?

Затем мужчина в капюшоне начал вещать громким голосом. Он говорил о Голосе Завтрашнего Дня, о неудачах Огмы в роли самопровозглашённого бога знаний и о многом другом. Демаскус не стал вслушиваться в его болтовню. Единственное, что имеет значение — это выполнить контракт и остаться в живых.

Выхватив из-за спины Экзорцессум, он воспользовался отбрасываемой алтарём тенью, чтобы пробраться через толпу. К сожалению, собравшиеся стояли слишком тесно, чтобы между ними оказалось достаточно свободного места. Подобно ангелу мщения, Демаскус возник на самом алтаре, оказавшись совсем рядом с мужчиной в капюшоне.

Тот поднял голову, и солнечные лучи разогнали тьму, скрывавшую его лицо. Нет, не лицо — ужасающую звериную морду с голодным оскалом, свидетельством прегрешений

столь чудовищных, что клеймо их навеки отпечаталось на его плоти. Словно низвергшийся с горы снежный обвал, на Демаскуса обрушился шок, и он замер, высоко вскинув клинок, чтобы нанести смертельный удар — удар, которого так и не последовало.

— Ты — ракшас? — выдохнул он охрипшим от отвращения голосом.

Стоящий перед ним монстр в одеяниях жреца некогда являлся ангелом, который решил облечься в смертную плоть — так же, как и он сам. Но, если дэв совершает нечто непростительное и отдаётся злу, его душу навеки постигает проклятье. Как и их светлые сородичи, ракшасы привязаны к миру смертных, возрождаясь в нём после каждой своей гибели, и с каждым разом тяжесть грехов, лежащих на их плечах, становится всё больше и больше. В отличие от дэвов, ракшасы помнят все свои прежние воплощения, и память о том, что они совершили, является их вечным проклятьем.

Собравшиеся разразились удивлёнными восклицаниями. Откинув капюшон, Калкан ухмыльнулся, демонстрируя ужасающий тигриный оскал.

— Как раз вовремя, Демаскус, — прорычал он. — Ты крайне предсказуем.

— Откуда тебе известно, кто я? — Демаскус запнулся. — Ты знал, что я... приду за тобой?

— Плохой бы из меня был последователь Голоса Завтрашнего Дня, если бы мне не было известно, что ты явишься сюда с намерением помешать нашей церемонии, верно?

Собравшиеся согласно забормотали. Но... символ Огмы, амулет в виде свитка, вплетённый в волосы Демаскуса, внезапно задрожал. Калкан лгал!

Осознание этого помогло Демаскусу стряхнуть с себя ледяное оцепенение, которое охватило его, когда он узрел истинную природу Калкана. Тот знал его и, возможно, всё происходящее являлось заранее расставленной им ловушкой. Тем не менее, это казалось крайне маловероятным. Он врал, и это само по себе свидетельствовало о том, что его можно победить. Любая ложь — это щит, который используют лишь для того, чтобы прикрыть свою слабость.

— Бог желает твоей смерти, а я — его Меч, — провозгласил Демаскус. Голос его прозвучал резко и громко, словно выстрел из базуки. Он обрушил Экзорцессум вниз, рассекая шею ракшаса. Клинок вонзился в его грудную клетку, пройдя сквозь рёбра.

Сделав шаг назад, Калкан рухнул на землю. Послышались полные изумления и ужаса вопли, и его последователи разбежались в разные стороны, словно подхваченные порывом ветра осенние листья. Демаскус спрыгнул с алтаря. Его удлинившаяся тень накрыла тело его павшего противника.

Калкан закашлялся. Мех вокруг его пасти потемнел от крови.

— Ты удивил меня, Демаскус, — прохрипел он. — Я... не ожидал, что ты так быстро придёшь в себя. Интересно... — его речь прервал ещё один приступ кашля. — Это амулет Огмы тебя спас? Переплётчик оказался куда более проницательным, чем это можно было предположить... Обычно всё, на что ты способен, увидев меня — это стоять, в замешательстве моргая глазами, пока я нанизываю тебя на свой клинок, словно свинью на вертел.

— Обычно? — мир, казалось, содрогнулся, и ноги Демаскуса подогнулись. Он чуть не упал рядом с умирающим ракшасом. — О чём ты говоришь?

Смех Калкана прервал очередной приступ кашля. Кровь выплеснулась у него изо рта.

— Пусть ты этого и не помнишь, но мы уже встречались, Демаскус, — прохрипел он булькающим голосом. — И неоднократно. Я преследовал тебя, охотился на тебя, исполняя

волю моего божества... Много, много раз... столько, что я уже потерял им счёт. И мы увидимся вновь.

С этими словами Калкан умер. Из-под его капюшона вспыхнул голубой свет, столь яркий, что Демаскус был вынужден отвернуться. Когда он снова посмотрел на ракшаса, и он сам, и его одеяние, и необычный диск исчезли. От Калкана осталась лишь груда серого пепла.

Демаскус опустился на колени возле неё. Милостивые боги, — подумал он. — Во что Огма вообще втянул меня?

Нет, всё не так просто. Переплётчик являлся лишь последним из множества богов, которые обращались к нему за помощью. Если Калкан говорил правду, то он преследовал его на протяжении множества жизней. Но как это вообще возможно? Он ведь даже не подозревал о том, что происходит...

Внезапно Демаскуса осенило. Чтобы сберечь свои воспоминания, он должен был запечатать их в кольцо. Вуаль могла по своей воле пробуждать память о некоторых моментах его прошлого, чтобы связать обрывочные сведения в единое целое, но, будучи глашатаем Судьбы, она не имела возможности переносить всю полноту его сознания от воплощения к воплощению. Тем не менее, Спираль Иоун, которая хранила подробности о тех многочисленных деяниях, что он совершал во славу своих божественных покровителей, всегда возвращалась к нему, так или иначе. И за это он был ей благодарен. Однако золотое кольцо сохраняло в себе лишь те воспоминания, которые он сам решал поместить в него. Если Калкан всегда нападал на него исподтишка, убивая до того, как он успевал передать их Спирали...

Неудивительно, что он ничего не помнит. Пусть он и продолжал возрождаться снова и снова, нить его жизни после гибели каждый раз обрывалась в ничто. В пустоту.

И в этой пустоте скрывался Калкан.

Но в этот раз ему удалось выжить! Благодаря той плате, которую он получил от Огмы, он изменил сложившийся расклад. Когда он вернётся на корабль, то снова призовет ящик, в котором хранится Спираль, и всем его будущим воплощениям уже будет известно об этой угрозе.

— Я никогда не забуду тебя, греховная демоническая тварь!

Внезапно его сердце пронзил холод металла. Опустив взгляд, он увидел, что из его груди торчит лезвие длинного меча. На острых гранях клинка поблескивала алая кровь.

Демаскус упал набок возле груды пепла, которая осталась от тела Калкана. Подошедшая к нему сзади Бренвин возвышалась над ним. Её лицо выражало одновременно страх и решимость.

— И ты, Бренвин? — выдохнул он.

Символ Огмы издал звук, похожий на перезвон колокольчика, и голос, напоминающий голос аватара, зазвучал в его голове.

Я дарю тебе это воспоминание, чтобы тебе было ведомо о том, что твоя немезида является последователем моей немезиды.

Экзорцессум издал стон — последний обет его меча был исполнен. Мир померк. Тело Демаскуса вновь очутилось в знакомой гробнице, а дух его устремился ввысь — бесконечная спираль перерождений вновь влекла его в будущее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

— Плавающие владения! — взревел Демаскус, изо всех сил цепляясь за остатки тающего видения. Его крик эхом отразился от стен гробницы. *Его* гробницы, если верить показанному ему амулетом Огмы фрагменту воспоминаний. За годы, которые прошли с того момента, когда Демаскус впервые посетил Фаэрун, он, должно быть, успел сменить множество тел, каждое из которых оканчивало свой путь именно здесь...

— В чём дело? — напряжённым голосом спросил Чант. Отойдя от него, ростовщик стоял в нескольких шагах поодаль.

Демаскусу снова вспомнилось, как он расплетает свои волосы, чтобы снять с себя божественные амулеты. Внезапно ему в голову пришла тревожащая мысль: зачастую серийные убийцы собирают трофеи. Неужели эти безделушки, полученные в уплату от богов, и являются чем-то подобным?

Его охватила дурнота, и он согнулся, стараясь сдержать приступ рвоты.

— Что... что ты вспомнил? — спросила Рилтана. Её голос, как и у ростовщика, слегка дрожал. Возможно, от тревоги — а, возможно, из-за страха. Они опасались, что после того, как он вернёт себе воспоминания, то станет кем-то иным. Но сам он не ощущал в себе никаких перемен. Это был всего лишь обрывок, фрагмент, хоть и довольно долгий...

Выпрямившись, Демаскус протёр глаза.

— Я вспомнил Калкана, — произнёс он. — Он и правда является моей немезидой. Он убивал меня уже множество раз. Благодаря символу Огмы я впервые смог вспомнить об этом, — он потёр небольшой свиток между пальцами. В магическом свете свечей он вспыхнул жёлтым.

— Впервые? — переспросил Чант.

— Впервые за все свои перевоплощения. Судя по всему, я хранил большинство своих... воспоминаний о прошлых жизнях в реликвии, называемой Спиралью Йоун, но каждый раз, когда я погибал от его руки, у меня не было времени, чтобы поместить туда память об этом. Никто из моих предыдущих «я» понятия не имел, что за мной кто-то охотится. Несмотря на то, что все они обладали и силой, и знаниями, и целой кучей божественных артефактов.

— Проклятье, — выругался Чант.

— Последнему из моих воплощений удалось изменить сложившийся расклад. Четыре года назад я убил Калкана, но одна из его подчинённых прикончила меня прежде, чем я успел добраться до своих вещей.

— Погоди-ка, ты убил Калкана? — спросила Рилтана. — Не может быть, ведь...

— Он такой же, как я, — прервал её Демаскус. — Он тоже способен возрождаться после смерти. Но, в отличие от меня, он — ужасающий монстр, превосходящий в своей порочности самого худшего из демонов, истинное воплощение зла, — он содрогнулся. — И

он помнит все свои прожитые жизни. Ракшасы... не в силах очиститься от своих греховных деяний с помощью забвения, — как могу я, подумал он. Хотя Спираль и помогает ему получить большую часть своих воспоминаний после перерождения, она сохраняет лишь те из них, которые он сам помещает в неё. Не это ли является благословением для его следующего «я», которое делает свой первый вдох в новой жизни?

Итак, где же его ларец, украшенный резьбой в виде черепов? Сузив глаза, он обвёл взглядом мавзолеей.

— Что ты ищешь? — спросил Чант. — Мы можем помочь. — Перегнувшись через край саркофага, он принялся изучать покоящиеся в нём останки.

— Здесь тебе не найти своего реликвария, — раздался новый голос. — Я уже искал его. Из находящегося по другую сторону от бассейна тоннеля в мавзолеей вошёл Калкан. В дрожащем свете свечей его тень казалась ожившим ночным кошмаром. В нос Демаскуса ударила вонь гниющей плоти, и его живот скрутило.

Внезапно его пальцы онемели — как и в тот раз, когда его последнее воплощение столкнулось с ракшасом в древнем святилище. Его мышцы сковала судорога. Сейчас он не обладает даже малой толикой своей прежней силы! Милостивые боги, Калкан снова его прикончит!

Судя по всему, вид их противника произвёл на его спутников столь же ошеломительное впечатление.

— Ты знаешь, кто я, Меч? — спросил Калкан.

— Ты — Калкан, — выдавил из себя Демаскус. — Из-за чего ты преследуешь меня? Почему ты просто не убил меня перед лавкой Чанта, когда я явился туда, чтобы забрать свой шарф? Зачем ты хотел, чтобы я проделал столь долгий путь?

Ракшас склонил голову. Тени, отбрасываемые его изогнутыми рогами, плясали на стене.

— Откуда тебе известно о том, что я тебя преследовал?

— Картинки в твоём жилище, — вмешалась Рилтана. Демаскус кинул на воровку быстрый взгляд. — Лишь полный безумец станет так заикливаться на ком-то. Либо безумец, либо убийца, изучающий свою жертву.

— Ах. Полагаю, с моей стороны это было неосмотрительно. Хотя какая разница? Кольца у тебя при себе всё равно нет, не так ли? Едва ли ты вообще понимаешь, о чём я сейчас говорю. Я убивал тебя уже множество раз, Демаскус, но ещё никогда ты не находился в столь уязвимом положении, — ракшас сделал шаг вперёд.

Хотя их по-прежнему разделял бассейн, Демаскус выставил перед собой Экзорцессум.

— В уязвимом для чего? И ты не ответил на мой вопрос. Ты знал всё, что со мной произойдёт; когда я вернулся, ты мог бы прикончить меня в любой момент. Почему ты этого не сделал? Что за игру ты ведёшь?

— Я мог бы поведать тебе об этом, но тогда мне придётся тебя сожрать, — со смешком Калкан направился к нему, обходя бассейн.

В отчаянии Демаскус заговорил снова.

— Как тебе удалось столь точно предсказать будущее? Кем или чем является этот «Голос Завтрашнего Дня»?

Калкан кинул взгляд на небольшой предмет, который держал в левой руке. Демаскус сразу же узнал его — тот самый, который был в видении, показанном ему амулетом Огмы. Внезапно напрягшись, ракшас снова уставился на Демаскуса.

— Ты... ты *помнишь* меня! — прорычал он. — Но как?

Демаскус поднял амулет.

— Это плата, которую я получил от бога знаний. Раз уж ты влез в сферу влияния Огмы, значит, именно *тебя* он и поручил мне убить, чтобы выполнить заключённый с ним контракт!

В неверном свете магических свечей было сложно судить, что за выражение появилось на зверином лице его противника, но Демаскусу показалось, что ракшаса охватила неуверенность.

Это был его шанс. Демаскус выронил амулет. Его восприятие обострилось. Время растянулось, словно густая патока, и всё вокруг замедлилось. Схватив полосу тени, Демаскус взмахнул ей, как уже делал в Материнском Доме, свободно рассекая пространство между собой и своим противником. Нематериальная полоса затрепетала, словно чёрная лента на холодном ветру, и накрыла ракшаса.

Сквозь неё Демаскус узрел Калкана. В теле его находилось множество ослепительных узлов силы, каждый из которых светился так ярко, что ему захотелось отвести взгляд. Над рогами и подёргивающимися ушами ракшаса сияла точка, из которой, словно лепестки лотоса, выходило множество спускающихся вниз линий самой разной длины. Голубой пульсирующий сгусток в его лбу напоминал третий глаз.

В руке его, к которой был привязан необычный прибор, горел свет. Этот свет яркостью превосходил все прочие — он словно воплощал в себе всю полноту знаний. Он являлся путём, что вёл в направлении, название которого было ему неизвестно. Неужели именно он даровал Калкану возможность видеть будущее? Это многое объясняло...

Остальные огни в теле ракшаса также сияли, словно звёзды. Столь могущественные. Столь яркие...

Но даже звёзды когда-нибудь гаснут. Слившись с царящим в мавзолее полумраком, Демаскус скользнул вперёд.

Третий глаз Калкана, сияющий сквозь пелену теневой завесы, мигнул, и время вновь обрело свой нормальный темп. Отшатнувшись назад, ракшас выхватил из воздуха необычно изогнутый клинок и парировал им нанесённый из теней удар Экзорцессума. Демаскус попытался воспользоваться инерцией отброшенного клинка, чтобы вспороть своему противнику живот. Увернувшись, Калкан атаковал в ответ, описав мечом дугу.

Лишь то, что его сверхъестественная скорость ещё не успела развеяться окончательно, спасло Демаскуса от серьёзного ранения.

В воздухе просвистело несколько арбалетных болтов, и Калкан был вынужден отступить. Один из снарядов слегка задел его. Брызнула кровь. Он не обратил на это ни малейшего внимания.

Возникнув за спиной ракшаса, Рилтана взмахнула коротким клинком, стремясь поразить его в спину. Попытка оказалась неудачной — внезапно Калкан, подобно Демаскусу, окутался тенью и ускользнул в сторону, словно подхваченный порывом тёмного ветра.

Пылающие владения! — мысленно воскликнул Демаскус. Он едва успел вскинуть Экзорцессум, чтобы парировать очередную атаку Калкана. Ему удалось отбить удар, который грозил расцедь его голову на две части, но при этом он пошатнулся, потеряв равновесие.

Свободной рукой он схватил Вуаль и сорвал её с предплечья. Слишком поздно — его нога запнулась о бортик бассейна, и он упал навзничь. Проклятье!

Вода оказалась ледяной. Хотя глубина водоёма не превышала одного фута, он умудрился набрать полный рот воды. Содрогаясь в приступе кашля, Демаскус вынырнул.

Взвившись в воздух, Калкан прыгнул на него. Его пасть была широко распахнута, с кльков летели брызги слюны. Монстр обрушился на него всем своим весом, и Демаскус, захлёбываясь, снова оказался под водой. Он потянулся к ракшасу рукой с зажатой в ней Вуалью, но тот отбросил её в сторону и нагнулся, готовясь вцепиться ему в горло.

Демаскус выронил Экзорцессум — таким длинным оружием было невозможно управляться на столь близкой дистанции — и схватился за рога Калкана, пытаясь его остановить. Владыки тени, а он силён! Демаскус прекрасно понимал, что не сможет удерживать его дольше пары мгновений. Задыхаясь, он напряг все свои силы. С каждым кашляющим вдохом в его лёгкие попадала вода.

— Помнишь, как ты убил жреца? — прошипел Калкан. Его дыхание смердело мертвечиной. — Его смерть запятнала тебя, дэв. Цель не *всегда* оправдывает средства. И в своём нынешнем воплощении ты не сделал *ничего*, чтобы загладить вину за своё преступление, хотя именно о нём тебе поведало первое же видение, посетившее тебя, когда ты вернулся к новой жизни!

Ох, владыки тени, неужели именно по этой причине воспоминание о том событии вернулось к нему? Чтобы он смог искупить свой грех? Если так, то он и правда ничего не сделал... потому что понятия об этом не имел! Пылающие владения, разве это справедливо?

— Следовательно, — продолжил Калкан, — когда я заберу твою жизнь в последний раз, ты вернёшься таким же, как я. Ты будешь помнить *всё*. Затем...

Внезапно за его спиной из ниоткуда появилась нога Рилтаны в обитом сталью ботинке, который с силой кузнечного молота врезался в затылок ракшаса.

Калкан издал вопль. Демаскусу наконец удалось оттолкнуть его в сторону.

Чант также спрыгнул в воду и, вцепившись в их противника, попытался оттащить его назад. Взмахнув Вуалью, Демаскус накинул её на горло монстра, словно лассо. Она словно ждала этого момента. Полоса ткани ожила и, вырвавшись из рук своего хозяина, принялась обматываться вокруг шеи Калкана.

Ракшас выпрыгнул из воды, отбросив Демаскуса и Чанта мощным ударом когтистых ног. Демаскус сел. Скрутивший его приступ кашля был столь силён, что перед глазами его заплясали неровные белые полосы. Онемевшими от пребывания в ледяной воде пальцами он зашарил по дну, чтобы отыскать рукоять Экзорцессума.

Свет, — подумал он. Откликнувшись на его зов, белые руны вспыхнули во всём своём великолепии, похожие на рассвет солнца. Калкан съёжился возле стены, когтистыми пальцами отчаянно пытаясь ослабить затягивающуюся всё туже и туже Вуаль.

Идеально! Демаскус бросился к ракшасу, но Рилтана опередила его. Словно возникнув из ниоткуда, она нанесла несколько стремительных ударов клинком. Руки и грудь Калкана расчертили алые линии.

Оставив попытки избавиться от обхватывающей горло удавки, Калкан по-кошачьему плавным движением схватил воровку. Он подтащил Рилтану к себе, и та закричала — скорее от ярости, чем от страха. Внезапно пасть ракшаса широко распахнулась, и он с исступлением глубоко вонзил зубы ей в шею.

— Нет! — заорал Демаскус. Тело Рилтаны судорожно дёрнулось, а затем обмякло.

Ухмыльнувшись окровавленным ртом, Калкан отпустил её. Воровка упала на землю. Демаскус бросился вперёд. Но, прежде чем он успел добраться до них, ноги Калкана

подогнулись. Одной рукой он рефлекторно потянулся к Вуали, продолжавшей сжиматься вокруг его шеи, но было уже слишком поздно. Полоса магической ткани настолько туго стянула его горло, что казалось удивительным, как его голова ещё не упала с плеч.

Словно эльфийское воители-самоубийцы, чьи вопли разносятся по всему Харроу, посвящая их гибель духовному дереву Куивану, Калкан умышленно позволил Вуали убить себя, чтобы добраться до Рилтаны.

Но нет, осознал Демаскус. Это вовсе не являлось жертвой. Глядя, как гаснет свет в глазах ракшаса, он осознал, в чём состояла принципиальная разница.

Неважно, сколько раз Калкан оказывался убит — умереть он не мог.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Эйрспур

Год Нестареющего (1479 ЛД)

Благодаря последнему оставшемуся у Чанта исцеляющему зелью ужасная рана на шее Рилтаны частично закрылась и дыхание воровки выровнялось, хотя она по-прежнему оставалась без сознания. Демаскус облегчённо закрыл глаза. Судя по всему, самое худшее уже позади. Если бы она погибла, этот грех он никогда бы не смог искупить.

— Ей понадобится нечто большее, чтобы прийти в себя, — произнёс Чант. — Без жреческой магии или медицинской помощи здесь не обойтись.

Демаскус потёр между пальцами символ Огмы.

— У моих бывших воплощений имелись дюжины подобных амулетов, полученных в качестве оплаты за мои услуги, — задумчиво произнёс он. — Готов поспорить, что какой-то из них смог бы в мгновение ока поставить её на ноги.

— Но все они хранятся в некоем реликвариуме вместе с, как ты зовёшь это, Спиралью Иоун? В которой твоя?...

— Верно, в ней заключена огромная часть воспоминаний, которые я счёл достаточно важными, чтобы сохранить навсегда. Судя по всему, этот украшенный черепами ларец, дар от моего прошлого «я», когда-нибудь снова возникнет из ниоткуда, — тем не менее, учитывая видение, показанное ему амулетом Огмы, он понятия не имел, почему этого до сих пор не произошло.

— Когда же?

— На этот раз он припозднился, — был вынужден признать Демаскус.

— Понятия не имею, можно ли применять такие термины к магическим предметам, способным путешествовать во времени, — произнёс Чант.

— Да. Я тоже.

В сотый раз Демаскус взглянул на груды серого пепла — всё, что осталось от Калкана. Тело ракшаса словно опало само в себя, за пару мгновений превратившись в пыль, как будто вес многих тысяч лет обрушился на него в один миг. Его капюшон и необычный диск исчезли в стремительной вспышке голубого света.

Должно быть, эти вещи также отправились в некую тайную усыпальницу, подобную его собственной...

Задохнувшись, Рилтана распахнула глаза.

— Ракшас! — просипела он тонким голосом.

— Расслабься, — произнёс Чант. — Он мёртв. Ты ранена, но всё будет в порядке, если побережёшь силы.

Рилтана попыталась сказать ещё что-то, но с её губ сорвался лишь тихий хрип. Подняв трясущуюся руку, она слабо щёлкнула пальцами, и в них возникло исцеляющее зелье.

— Вот ловкачка! — со смехом произнёс Чант. На губах Рилтаны возникла слабая

улыбка. Демаскус снял крышку с флакона, и она прильнула к нему.

Её посеревшая бледная кожа вновь обрела здоровый серебристый оттенок, и она села. Её всё ещё мучала слабость, а на горле виднелся неровный, наполовину заживший шрам, но Демаскус решил, что опасность определённо миновала. Она и правда крепче любых гвоздей, — подумал он.

— Итак, Демаскус, действительно ли всё это было частью плана твоего прошлого воплощения? — спросила Рилтана. Её голос также заметно окреп.

— Не думаю, — ответил он. — Единственная причина, по которой Калкан не убил меня, это то... то, что вы с Чантом сражались на моей стороне. И амулет Огмы, который даровал мне обрывок воспоминания, указавший верный путь. Мне так жаль, что ты пострадала. Я...

Рилтана слегка ударила его по плечу.

— Хватит. Я знала, на что иду. И, как видишь, все мы живы, а ракшас — нет.

— Что он имел в виду, — внезапно спросил Чант, — когда сказал, что ты вернёшься таким же, как он?

Демаскус издал долгий вдох. Во рту у него пересохло, а на ладонях выступил липкий холодный пот. Он задумался над тем, не стоит ли прикинуться, будто не имеет об этом никакого понятия, но в конце-концов решился сказать неприглядную правду.

— Чтобы исполнить свой последний контракт, я должен был убедить предавших веру в Огму сектантов в том, что я нахожусь на их стороне. Мне пришлось сделать то единственное, что могло завоевать их безоговорочное доверие. Я... — он покачал головой. — Возможно, я пересёк черту.

— И что же это значит? — не сдавался Чант.

— Если я не смогу найти способ искупить свой проступок, то есть шанс, что в своём следующем воплощении я окажусь в том же ужасающем обличье, что и Калкан, — произнёс Демаскус будничным тоном.

Рилтана прижала руку ко рту. Её глаза сузились.

— Но Калкан — лжец и чудовище! Всё, что он говорил — это неправда! — воскликнул Чант. — Разве не так?

— Так, но...

— Никаких «но», — с этими словами ростовщик хлопнул его по спине. — Мы встретились всего лишь несколько дней назад, но у меня такое чувство, будто я хорошо тебя знаю. Да, я почувствовал себя не в своей тарелке, когда ты воспользовался могуществом тени. Но совершенно очевидно, что свет, который ты также способен призывать, является ей противовесом — я же видел сияние, исходящее от твоего меча. Мне почти ничего не известно о дэвах или падших ангелах, но я искренне сомневаюсь в том, что твоей душе угрожает опасность оказаться за гранью искупления.

Рилтана утвердительно кивнула.

— Что, если во время моей работы в роли божественного палача мне приходилось делать множество подобных выборов? Может быть, я всегда ходил по краю, — на миг Демаскусу показалось, что это имеет какое-то отношение к той женщине, которая появилась здесь, когда он взял Экзорцессум...

— Моча пиявки! — выругалась воровка. — Да у тебя талант создавать сложности на пустом месте.

— Я... — Демаскус рассмеялся. — Наверное, так и есть.

На следующий день они встретились с Аратейн. Это произошло не в той беседке, куда она приглашала их в первый раз. Они присоединились к ней и её людям в подземных тоннелях, находящихся под развалинами Материнского Дома. Во главе группы элитных миротворцев и не имевших отношения к деструктивному культу Ропота членов кабала королева решила самолично осмотреть уцелевшие помещения.

За день до этого они отослали ей извещение с описанием того, что находилось под руинами. Они поведали, как у них получилось положить конец культу Старейшего Стихийного Ока и уничтожить стоящего за ним демона, который использовал тело Лехерен в качестве своего сосуда. В своём докладе они не забыли упомянуть и о том, что большинство из тех, кто присоединился к культу, оказались завлечены в него обманом и, следовательно, у них был шанс искупить свою вину.

Когда Демаскус увидел королеву, стоящую у самого края кишачей насекомыми ямы, его рот невольно распахнулся.

На сей раз она предпочла облачиться не в роскошное платье, как во время их первой встречи, а в крепкую кожаную броню, которой, судя по отметинам, уже не раз доводилось бывать в бою. Лишь тонкий серебряный обруч, украшающий её лоб, свидетельствовал о её высоком статусе. За спиной Аратейн развевался плащ, казавшийся живым из-за множества наложенных на него защитных чар. На сгибе её локтя покоилось кристаллическое копье. Та непринуждённость, с которой она его держала, говорила о том, что она умеет с ним обращаться.

И снова-здорово, — подумал Демаскус, не в силах оторвать от неё взгляда.

Он сказал себе, что её статус правительницы страны возносит её на недостижимую высоту. Что, скорее всего, она уже обручена с каким-нибудь иноземным королём или принцем. Но он решил, что его изначальное ангельское «я», личность которого была давным-давно утеряна за чередой множества перерождений, наверняка сочло бы её как минимум равной себе.

Когда они зашли в пещеру, королева объясняла одному из миротворцев, что ему следует в последний раз хорошенько зачистить все клетки. При их появлении она не стала прерывать разговор. Увидев его реакцию, она вскинула брови, и внезапно его сердце бешено заколотилось о рёбра. Несмотря на это, ему всё же удалось изобразить на лице искреннюю улыбку.

Когда королева закончила давать указания своему подчинённому, то повернулась к ним и улыбнулась.

— Благодарю за то, что решили присоединиться ко мне. Мне проще разобраться с данной проблемой самолично, нежели вовлекать в это дело четырёх сенешалей. В особенности учитывая то, что я могу положиться на вашу помощь. Вы положили конец тому, что угрожало моей власти и безопасности всех жителей Эйрспура. Я в огромном долгу перед всеми вами.

Чант склонился в поклоне. Рилтана и Карменере последовали его примеру. Демаскус прочистил горло.

— Мы рады сделать для вас всё, что в наших силах, Ваше Величество.

Так мимолётно, что это вполне могло показаться игрой его воображения, Аратейн

подмигнула ему. Демаскусу потребовалось несколько мгновений для того, чтобы прийти в себя. Действительно ли он видел то, что видел?..

— Как только мы здесь закончим, — продолжила королева, — я собираюсь пожертвовать немалую сумму на восстановление Материнского Дома. Я уже начала распространять слухи, что кабал Огненного Шторма стал целью атаки враждебной Аканулу силы, и лишь жертва тех, кто носит алое, защитила дженази Эйрспура от огромной угрозы.

— Что, с определённой точки зрения, является правдой, — отметил Чант.

Аратейн едва заметно кивнула.

— Чтобы править, королева должна уметь смотреть на ситуацию с разных сторон. Несмотря на все свои недостатки, кабал является тем оружием в моём арсенале, с которым мне не хотелось бы расставаться. Ситуация на границах остаётся сложной, над морем Упавших Звёзд всё чаще и чаще замечают город аболетов Ксифу. Из Чессенты и Тимантера поступают тревожащие новости. Но я не стану утомлять вас перечислением подробностей, по крайней мере, не сегодня.

— Но, Ваше Величество, подробности — это же так захватывающе! — воскликнул Чант.

— Не сомневаюсь. В любом случае, на данный момент эта конкретная опасность жителям Эйрспура уже не грозит. Полагаю, что я задолжала вам награду. И кто знает — возможно, когда-нибудь Аканулу и мне снова потребуется ваша помощь.

— Только прикажите, — произнёс Демаскус. Эти слова вырвались из его рта сами собой, без участия сознания, но он о них ничуть не пожалел.

— Тогда... мой первый вопрос: что нам делать с этим? — наконецником копья Аратейн указала на яму. — Мои миротворцы сказали мне, что жуки образуют нечто вроде коллективной сущности роя.

— Они правы, — произнесла Рилтана. — Повелевающий кошмарами демон говорил, что эти насекомые являются его «собратом». Он называл его Бичом. Этот личинколюб скармливал... — содрогнувшись, она на мгновение закрыла глаза, а затем продолжила. — Он думал, что жертвы помогут пробудить его. Не знаю, что он имел в виду. Уверена, ничего хорошего.

Карменере положила руку на плечо воровки.

— Итак, уничтожим их, прежде чем эта тварь обретёт разум? — спросила королева.

Демаскус кивнул.

— Нам следовало заняться этим раньше. Повезло, что его брат ещё не успел пробудиться, — он не стал упоминать, что причиной задержки стала погоня за Калканом.

— Эй! — воскликнула Рилтана. — Я знаю, где раздобыть несколько бочонков с маслом для ламп. Вон там, — она указала на бойницы в стене, сквозь которые культисты наблюдали за пещерой.

Не тратя больше времени на пустые разговоры, они принялись таскать из комнаты охраны бочонки, пока их не набралось десять штук. Аратейн приняла в этом самое деятельное участие, словно перекачивать ёмкости с легковоспламеняемой жидкостью являлось для неё самым обыденным делом. Затем они расположились по периметру ямы — Демаскус, Чант, Карменере, Рилтана и несколько членов кабаля и миротворцев, которых королева выбрала лично. Все держали дымящиеся факелы, с которых капала свежая смола.

— По моему сигналу! — вскричала Аратейн. — Огонь!

Десять бочонков одновременно упали вниз, и встревоженные насекомые взвились над ними гудящим облаком. За бочонками последовали факелы. Из ямы вырвался столб дыма и

пламени, и все, кто стоял достаточно близко, были вынуждены отступить на несколько шагов, чтобы спастись от невыносимого жара и царапающей глотку кислотной вони.

И после этого им оставалось лишь наблюдать за плодами своих действий.

Демаскус уставился в огонь, словно эти языки пламени поднимались из жаровни предсказателя. От сгорающих панцирей насекомых исходили чёрные клубы дыма. Он бы уже давно заполнил пещеру, если бы не усилия двух воздушных миротворцев-дженази, которые с помощью своих способностей сформировали из него неровную колонну и направили к поверхности.

Нескольким серым молям удалось выбраться из огненного ада прежде, чем пламя успело разгореться в полную силу. Они принялись ползать по полу, содрогаясь в тщетных попытках взмыть в воздух. Демаскус мимолётно подумал о том, не стоит ли раздавить их, но было очевидно, что моли бьются в предсмертной агонии. Бич умирал. Насекомые в яме пожрали столько невинных жертв, а теперь огонь пожирал их самих.

Бич почти пожрал и меня, — подумал он. — Или... не мог же Калкан знать о том, что мне удастся справиться с Ропотом и спастись из ямы? Неужели всё это являлось частью его безумного плана? И перед кем, во имя всех владык света, он отчитывался? Зачем ему нужно, чтобы я принял свою тёмную сторону и превратился в ракшаса? Неужели моя память таит злодеяния, которые...

Демаскус стиснул зубы. Нет. Хватит гадать. Пусть Калкан и манипулировал им, словно марионеткой, этот опыт многому научил его. Отныне ему известно об этой угрозе. Прежний сценарий более не повторится. Он этого не допустит.

Я ведь едва не погиб, — подумал он. — И, что ещё хуже, едва не погибли те, кого я стал считать друзьями. Он посмотрел на освещённые отблесками оранжевого пламени лица своих спутников, а затем перевёл взгляд на Аратейн.

Если я умру, то снова всё забуду. Но вне зависимости от того, произойдёт это или нет, одно я знаю точно — Калкан *вернётся*. И он не забудет *ничего*. Охота возобновится.

Демаскус осознал, что сейчас настал тот миг, когда решается его судьба. Возможно, Калкан, как и он, возродится через четыре года, а, возможно, всего через четыре месяца. В любом случае, ему нужно быть к этому готовым.

Итак... не следует больше терзать себя напрасными раздумьями о том, кем он когда-то являлся — это уже не имеет никакого значения. Ему необходимо вновь обрести свою прежнюю силу и вернуть воспоминания. Необходимо отыскать потерянные реликвии, а в особенности — Спираль Йоун. Необходимо взять контроль над своей судьбой, пока не стало слишком поздно.

Сколько же времени у него есть до возвращения Калкана? В последний раз Демаскусу потребовалось на это четыре года. Предположим, столько же. Может быть, ракшас справится в четыре раза быстрее.

Значит, один год. Хорошо.

Этого времени ему хватит, чтобы подготовиться ко всему.

Мир представлял собой пёструю мозаику цветов, звуков, запахов и вкусов. Сквозь бесчисленные движущиеся окна, ведущие в реальность, проникали ощущения и эмоции, а также — порой — жаркий оргазмический вкус пищи. Время не имело никакого значения.

Бесконечность являлась лишь мигмом, воплощавшим в себе всю полноту множественного бытия.

Внезапно что-то изменилось. Это ощущение... интерес? Появилось нечто намного больше и питательней, чем всё, что было поглощено до этого. Нечто, брызжущее жарким ихором и жизненной энергией. Но никому не под силу совладать с сотнями тысяч маленьких тел, каждое из которых обладает ротовым аппаратом, хоботком, жалом или парой острых мандибул.

С каждой крошечной порцией поглощённой пищи сотни тысяч исполняющих функцию сердец органов, каждое из которых билось в его внутреннем ритме, постепенно синхронизировались.

Что же это? — подумал он. — Так хорошо. На вкус, как сама жизнь. Словно...

Внезапно разрозненные обрывки знаний сложились в единое целое. Его собственные воспоминания, равно как и те, которые он позаимствовал у того, кто звал себя Ропотом, заняли своё место.

А я — Бич, — подумал он.

Всё, что поглощённый им демон знал об их родном древнем измерении и провалившейся попытке провести ритуал в иной вселенной, теперь знал и Бич. Закончив пожирать плоть, разум и душу бывшего собрата, он обрёл всю полноту его сознания.

На протяжении следующего дня он всё ещё продолжал исследовать границы своих способностей и объединять составляющие его тела, используя опыт Ропота и свой собственный. Внезапно на него обрушились бочонки с маслом, за которыми последовали горящие факелы.

И мир Бича обратился в боль.

О ПЕРЕВОДЕ

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**ForgottenRealms**”. Перевод выполнен на некоммерческой основе и не предназначен для продажи.

Переводчик: **Allistain**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через нашу группу Вконтакте (https://vk.com/abeir_toril). Если Вам понравился перевод, просто присоединяйтесь к сообществу и скажите «спасибо» — этого будет достаточно.:-)

Присоединяйтесь к нашему сообществу Вконтакте https://vk.com/abeir_toril и регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru — новые книги вас будут ждать только там.

